

МАС Т ЕРА
ОС РОСЮЖЕТНОГО
ДЕ ЕКТИВА

Фрэнк Грубер

ЧЕСТНАЯ
ИГРА

Фрэнк Грубер
Честная игра
М.: Центрполиграф, 2001

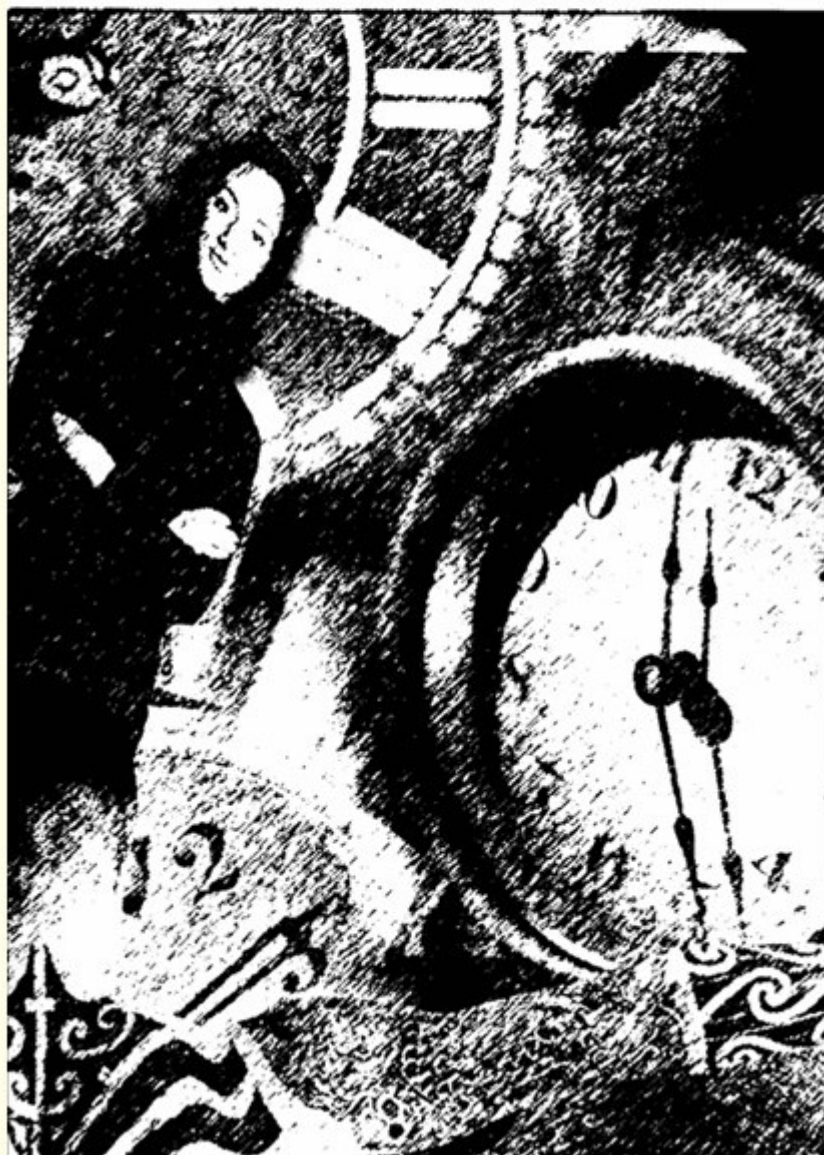
Содержание:

- Фрэнк Грубер. Честная игра (роман, перевод А. Коршунова), стр. 3-172
- Фрэнк Грубер. Говорящие часы (роман, перевод М. Лахути), стр. 173-314
- Фрэнк Грубер. Бей ниже пояса, бей наповал (роман, перевод А. Мельникова), стр. 315-458
- Послесловие, стр. 459-460
- Библиография произведений Фрэнка Грубера, стр. 461-461

Фрэнк Грубер

ГОВОРЯЩИЕ ЧАСЫ

РОМАН

Глава 1

Саймон Квизенберри собрался умирать. Ему было семьдесят четыре — на четыре года больше срока, отпущенного человеку Всевышним, — и натруженное сердце уже не справлялось, уже начало сдавать. Еще два года назад доктор Викагл давал ему не больше шести месяцев. Саймон выставил доктора лжецом — миновало полтора года, а он живет себе и живет...

Пожалуй, еще на месяц его не хватит. Он это знал. Саймон сидел в инвалидной коляске и слушал, как часы отсчитывают время. Тысяча часов в доме, и все они твердят одно и то же: удар — секунда, шестьдесят ударов — минута, тысяча ударов — тысяча секунд... Тик-так, тик-так, тик-так! Время берет свое.

Саймон нахмурился. Дьявол их разрази, эти часы! Он столько в них вложил, а они вместо благодарности предают его. Буквально с каждым ударом. Уходит жизнь. Так быстро!

Часы всевозможных форм и размеров, новые и старинные... Откуда только он их не привозил! Дабы пополнить коллекцию, порой приходилось погружаться в изучение истории. К примеру, вот эти часы — пятнадцатый век. Они принадлежали какому-то кардиналу. А вон те — собственность русской царицы. Еще одни часы — любовницы некоего архиепископа. А вон с теми часами в восемнадцатом столетии отправился на виселицу один пират...

Тик-так, тик-так, тик-так! Тикают напольные часы в углу. В стеклянной горке — крошечные часики, усыпанные бриллиантами. На письменном столе — начищенные до блеска часы из меди; постукивает в них часовой механизм, и каждый час, двадцать четыре раза в сутки, кукарекает петушок — золотой гребешок.

Часы напоминают Саймону о скоротечности жизни. Как мало ему осталось! Взгляд старческих синих глаз останавливался то на одних, то на других. Исхудавшая рука отыскивала колокольчик на столике возле коляски...

В комнату вошел лакей. Саймон силился вспомнить, как его зовут, но не сумел. С тех пор как дом стала вести жена сына, Бонита, прислуга у них не задерживается. Лакеи, горничные, кухарки, повара сменялись с такой быстротой, что их лица он даже не старался запомнить.

Саймон исподлобья глянул на того, кто вошел, и произнес вполголоса:

— Останови-ка, братец, часы!

Лакей окинул взглядом комнату:

— Хотите сказать... все?

— Разумеется, болван! — Саймон повысил голос. — Не желаю слышать, как они тикают! Понятно? Все останови!

Лакей обомлел. Ну дела! Его наняли специально для ухода за часами. Тут нужен глаз да глаз! Гирьки подтянуть, а там, глядишь, завод кончился. Но чтобы останавливать — этому его не обучали.

Саймон Квизенберри не стал дожидаться, когда часы остановятся. Багровый от гнева, он выкатился на своей коляске в коридор и жестом подозвал другого лакея:

— Позвони на завод и передай моему сыну, чтобы поторапливался. И пусть Николаса Боса с собой прихватит. И непременно дай мне знать, когда они появятся!

Саймон Квизенберри обвел собравшихся внимательным взглядом и остался недоволен. Узкий круг лиц, проявивших заинтересованность в его делах, пришелся ему не по нраву.

— Может, в том есть и моя вина, — сказал он Эрику, своему сыну, — что ты такой, какой есть, но, имей ты характер, припер бы меня к стенке, а я бы только обрадовался.

Эрику было сорок девять. Атлетического телосложения, он носил костюм из твида либо бриджи для верховой езды и шляпу-стетсон. Настоящий мужчина! Но только на вид. Слова отца заставили его покраснеть. Он бросил тревожный взгляд на свою жену Бониту. Та смотрела на мужа с откровенным презрением.

— Отец, ты несправедлив, — произнес Эрик. — Сам ввел меня в дело, но власти никогда не давал!

— Конечно, не давал, — огрызнулся Саймон. — Будь ты настоящим мужчиной, получил бы власть. Впрочем, у меня для тебя сюрприз. Оставляю компанию тебе. Она твоя. Правда, тебе придется выплатить банку миллион долларов долга.

Эрик Квизенберри прищурился:

— Миллион...

— Вот именно! Миллион долларов. Ровно столько «Часовая компания Квизенберри» задолжала банку. У тебя целых полгода. Сумеешь в конце этого срока убедить банкиров, что ты в состоянии вернуть им миллион — они дадут тебе шанс. Если они решат по-другому — заберут компанию, и тогда придется тебе изучать объявления о приеме на работу. Может, это занятие пойдет тебе на пользу... Бонита, хочешь что-то сказать?

Бонита Квизенберри, вторая жена Эрика, уверяла, будто ей тридцать пять, хотя выглядела она на сорок. На самом деле ей было сорок пять. Рыжеволосая красotka — прямо тигрица. Но о вкусах, как говорится, не спорят. А что касается характера, она была ловкая и изворотливая, как циркулярная пила. Бонита посмотрела на свекра в упор:

— В общем, хочу спросить насчет часов. Знаете, я в восторге от вашей коллекции и думала...

— Ага! — Он не дал ей договорить. — Ты вот что думаешь: если бы не деньги выжившего из ума старика, от этих идиотских часов остались бы одни воспоминания! Разве не так, Бонита? Можешь не отвечать, потому как ты часы не получишь. Они достанутся моему приятелю-греку. Ник, объясни им всем, почему я так решил!

Высоченный, худющий как щепка, оливково-смуглый Николас Бос наклонил голову:

— Потому что только я понимаю толк в часы. Я сам коллекционировать часы. И... — он деликатно кашлянул, — у меня есть закладная на все эти часы. Правда, друг мой?

— Да, — кивнул Саймон Квизенберри. — Как-то раз мне срочно понадобились деньги, и Ник, не мешкая, ссудил полмиллиона долларов. А я ему — закладную почти на все часы в доме. Один экземплярчик я себе оставил. Так что по закладной он имеет право забрать часы себе, но только после моей смерти.

— А вот тот экземплярчик, мистер Квизенберри, — улыбнулся грек, — они самые ценные из всех. Я давать за них пятьдесят тысяча доллар!

— Ты, Ник, слишком дешево их ценишь! И потом, я же сказал, они не продаются. Так называемые «Говорящие часы» я завещаю моему внуку, Тому Квизенберри... — голос Саймона дрогнул, — из которого со временем выйдет такой же жох, как его дед! Свои способности он уже продемонстрировал весьма наглядно, когда стибрил эти «Говорящие часы».

Саймон переводил пронизывающий взгляд с одного на другого, пока не остановился на Эрике.

— Допустим, он стибрил часики. Но ему хотя бы на это хватило нахальства! И ведь каков наглец! Заявить своему отцу, мол, не прыгнуть ли тебе, папочка, с моста в реку Гудзон! Мальчик заслужил часы. Остается надеяться, он знает им цену — дороже у меня ничего нет. — Саймон поморщился. — А ты, Эрик, все еще на что-то надеешься? Знаешь, сынок, не стоит. Компания твоя — хотя бы на полгода. Этот дом тоже твой. Пока... Менее чем через полгода банк и его заберет за долги. Ссуду за дом я получил и всю до последнего гроша истратил... Бонита, ты что-то сказала?

Лицо Бониты Квизенберри пошло красными пятнами. Ноздри раздувались, глаза сверкали.

— Черт тебя дери, старый хрыч! — выпалила она.

Саймон засмеялся. Смех напоминал прерывистое кудахтанье.

— Бонита, ты — прелесть! Если бы ты сдержалась, я бы в тебе разочаровался.

Глава 2

Бонита Квизенберри первой вышла из дому. Какое-то время она стояла на просторной веранде и размышляла. С самого первого дня, как она четыре года тому назад появилась в поместье «Двенадцать часов», оно ей действовало на нервы.

Сам по себе дом ничего себе, но Саймон Квизенберри свихнулся на часах. Мало того, что завалил ими все вокруг, он еще и окрестности посвятил этой теме.

Особняк стоял на вершине крутого холма — от него к подножию вели двенадцать симметричных — точь-в-точь как на циферблате — дорожек. Та, что символизировала шесть часов, служила подъездной аллеей и вела к дому прямо от главных ворот.

Бонита Квизенберри спустилась вниз. За воротами виднелась каменная сторожка. При ее приближении оттуда вышел мужчина, загорелый и крепкого телосложения. Бросив беглый взгляд на дом, он спросил:

— В чем дело, Бонита? Выглядишь словно кошка, у которой отняли мышь.

Метнув в его сторону равнодушный взор, Бонита вошла в сторожку. Мужчина последовал за ней и закрыл за собой дверь.

— Ну что, не решилась? — спросил он. — Совсем недавно я впустил Эрика.

— Знаю, и мне наплевать! Мне на все начихать... Пора рвать... Пора рвать когти! Старик подложил мне свинью, то есть кинул подлянку.

Джо Корниш, управляющий поместьем, посмотрел на Бониту вопросительно:

— Ему осталось считанные дни, а потом тебя ждет награда.

— В этом-то и подлость! Никакой награды не будет... Он нас только что обрадовал. Все заложено и перезаложено. Шериф только и ждет, когда старик отправится к праотцам. — Лицо Бониты скривилось от злости. — Нет, ты подумай! Я выхожу замуж за этого слюнтя Эрика только потому, что его папаша-миллионер одной ногой в могиле. И что же? Оказывается, когда он сыграет в ящик, мы станем просто нищими — без цента в кармане! Получается, четыре лучших года моей жизни — пустая трата времени...

Темно-карие глаза Джо Корниша заблестели.

— Ну, не совсем уж пустая! Правда, Бонита? — Его мускулистая рука обвила ее талию. Притянув Бониту к себе, он поцеловал ее в алые губы и добавил: — И потом, уж немножко-то деньжат тебе удастся прикарманить.

— Джо, — Бонита мрачно глянула на управляющего, — иногда мне хочется тебя убить.

Он рассмеялся:

— Не сомневаюсь ни минуты, готов биться об заклад, что хочется...

Бонита рванулась к выходу. Открыв дверь, она заметила спускающегося по дорожке мужа.

Эрик ее видел, прятаться не было смысла. Приблизившись, он спросил:

— Я не помешал?

— Нет! — отрезала Бонита. Видя, что он не останавливается, она добавила: — Хочешь, я пойду с тобой и сообщу твоей Эллен новость? Или, по-твоему, я полная идиотка и ничего не знаю о твоём ангелочке?

Эрик не ответил. Дошел до ворот и вышел не оглянувшись. Он спустился вниз, миновал поселок Хиллквест и направился к скромному многоквартирному дому, где жила Эллен Раск. Она встретила его, как обычно, спокойно и сдержанно:

— Здравствуй, Эрик.

Эллен Раск было сорок пять, но кожа у нее осталась такой, какой была двадцать лет назад — без единой морщины, без единого изъёма. Эрик посмотрел на нее и с горечью произнес:

— Мне конец. Отец заложил и перезаложил все, что только можно. Даже компанию. Я всегда надеялся, что хотя бы ее он мне оставит. Через полгода стану нищим. И уже поздно начинать все сначала.

Эллен Раск задумалась.

— Эрик, не горюй! Как-нибудь все образуется, — негромко сказала она после непродолжительной паузы.

— Как-нибудь... — повторил он. — Дело в том, что мне никогда не везло. Отец обращался со мной как с недоумком, а теперь меня же в этом и обвиняет. — Он хохотнул. — Однако нет худа без добра! По крайней мере, с одной проблемой будет покончено. С Бонитой я расстанусь.

Эллен быстро возразила:

— Нет, Эрик, тебе не следует...

— Мне-то как раз не следует. Это она уйдет. Вышла за меня из-за денег, а тут обнаружилось, что у меня ничего нет. Да она и дня не задержится... Эллен, мне надо было жениться на тебе!

Эллен Раск вскинула голову и улыбнулась, но улыбка вышла грустной.

— Милый Эрик, поезд, как говорится, уже ушел...

— Знаю. — Он тяжело вздохнул. — Надо было порвать с отцом лет двадцать пять назад. Может, все пошло бы по-другому. Эллен, ты и правда считаешь, что наш поезд ушел?

— Да, — прошептала она. — Вспомни о Дайане... и Томе...

При упоминании имени сына Эрик поморщился:

— Отец любит Тома больше всех. А Том... украл у него «Говорящие часы», над которыми старик просто трясется, будто это сокровище британской короны.

Эллен перевела дыхание:

— Эрик, ты не знаешь наверняка, кто это сделал. Разве вина Тома доказана?

— Да нет, знаю. Когда сбежал Том, тут и часы пропали. До сегодняшнего дня отец не заикался об этом. А сегодня обмолвился, мол, Том их стибрил... Может статься, парень продал их за ничтожную сумму, а деньги промотал...

— Том не давал о себе знать?

Эрик покачал головой:

— Даже открытки не прислал. Я... я все время думаю о нем. А что Дайана?.. Возможно, он ей написал?..

— Нет. Она тоже волнуется. По-моему, он и она... Ш-ш-ш! Дайана идет!

И в самом деле в комнату, с ключом в руке, вошла Дайана. Высокая стройная леди лет двадцати. Следом за ней появился худощавый смуглый мужчина лет тридцати с небольшим. При виде Эрика Квизенберри он сделал большие глаза. Однако спустя секунду удивление сменилось удовлетворением.

— Здрасьте, здрастьте, мистер Квизенберри! А я вас везде ищу. Думал, может...

Эрик смотрел на него с нескрываемой неприязнью:

— Я ушел из конторы всего пару часов назад...

— Дело касается Тома! — вмешалась Дайана Раск. — Он в беде!

— Позвольте объяснить, — сказал Уилбур Теймерек. — Позвонили сразу после вашего ухода, вот я и подумал — чем передавать по телефону, схожу-ка в Хиллкрест. Понимаете, звонок был междугородный. Шериф звонил откуда-то из Миннесоты. Тома арестовали.

— О Господи! — воскликнул Эрик. — За что?

Теймерек поморщился:

— Боюсь, за...

— За кражу со взломом! — не удержалась Дайана. — Но это же абсурд! Том совершенно не способен на такое. Уж я-то знаю... Наш долг помочь ему.

Эрик Квизенберри перевел взгляд с Дайаны на ее мать:

— Каким образом можно ему помочь, если он в Миннесоте? Прежде всего, хотелось бы знать, как он там оказался?

— Какая разница! — воскликнула Дайана. — Мы должны помочь ему, где бы он ни был, и все тут. Мы... то есть я... еду к нему.

Эрик Квизенберри прищурился;

— Ты? С какой стати? По-моему, дорогая Дайана, это обязан сделать я.

Возвратившись в поместье, Эрик застал Бониту на веранде.

— Уилбур Теймерек тебя нашел? — спросила она и сама же ответила: — Да, у тебя это на лице написано. Твой сынок, значит, в тюрьму угодил за кражу со взломом. Ну и что ты теперь о нем думаешь?

Эрик сжал кулаки:

— То же, что и всегда. Он мой сын. Я уж было забыл об этом, ибо ты здорово меня поработала. Я еду к нему.

— Прямо сейчас? — изумилась Бонита. — Именно сейчас, когда твой батюшка в любую минуту может преставиться?

Смерив ее с головы до ног презрительным взглядом, Эрик направился к отцу. Тот так и сидел в своем кресле на колесах, и на один краткий миг, до того как он поднял голову, Эрик разглядел подлинного Саймона Квизенберри — испуганного старика, который жил-поживал на белом свете и вот теперь чувствует, как в общем-то коротенькая нить жизни ускользает у него из пальцев.

При виде сына он ошетинился:

— Чего тебе? Надеешься, я передумаю?

— Отец, я только что узнал, наш Том в беде.

Саймон Квизенберри бросил на сына гневный взгляд:

— Что еще за беда? Где он, этот паршивец?

— В штате Миннесота. В городишке под названием Бруклендс. Его арестовали, отец. Обвинение довольно серьезное. Кража со взломом...

— Кража со взломом! — фыркнул старик. — Чушь собачья! Том не способен на такое, да и вообще, у чужих он не станет красть. — Лицо Саймона исказилось. — Чего ждешь? Почему к нему не едешь?

Эрик нахмурился:

— А как же ты, отец?

— А что я? Я в порядке. Знаю, что скоро уйду, но примирился с этим, на свой лад, и больше мне ничего не остается делать. А ты должен вызволить Тома из беды. Просто обязан, и все тут! Отправляйся к нему, а не то я сегодня же вышвырну тебя из своего дома.

Глава 3

Традиции и обычаи придают пикантность любому празднику. В рождественский сочельник, к примеру, сначала устраивают тарарам за парадной дверью, а потом входят в дом и сообщают, будто только что прилетел Санта-Клаус. Полный восторг! Повзрослев, Джонни Флетчер с грустью вспоминал счастливую, неповторимую пору детства.

А сейчас он целую минуту смотрел во все глаза не на Санта-Клауса, а на агента экспресс-почты, пока наконец не обрел дар речи:

— Что вы сказали?

— Я говорю, расходы по повышенному тарифу с гарантией доставки в пределах двенадцати часов составляют девять долларов сорок два цента.

Сэм Крэгг, казавшийся верзилой рядом с Джонни Флетчером, покачулся и, поморщившись, как от зубной боли, спросил:

— Он что, послал их с оплатой получателем?

— Не знаю, кого это «их», — агент был лаконичен, — но за доставку в срок вон той коробки с вас девять сорок два.

Худощавый Джонни Флетчер содрогнулся от возмущения:

— Послушайте, мистер, я всего-навсего торгую книгами вразнос, и у меня кое-какие неприятности. Машина развалилась на части в самом центре штата Миннесота, в этом Бемиджи, и мы добирались оттуда пехом, потому как знали, что здесь нас ждут книги. Мы сидим без денег, мы разорены. У нас и десяти центов не наберется! А в той коробке как раз книги. С их помощью мы снова встанем на ноги. Послушайте, поверьте нам до завтра, я продам кое-какие книги и заплачу...

— Нет, — возразил агент. — Так дело не пойдет. Если вы не оплачиваете доставку, мы обязаны вернуть посылку отправителю.

— А... — Джонни Флетчер задумался, — а предположим, отправитель тоже не в состоянии оплатить расходы?

— Продадим содержимое посылки. Имеем право... Возмещение расходов.

— Но это же нелепо! Только представьте — вам придется держать книги у себя целый год, прежде чем можно будет их продать. И потом... Вы, конечно, возместите свои расходы, но это если повезет найти покупателя. Слушайте, вот мое предложение. В коробке сто книг. Я продаю их по два доллара девяносто пять центов. Разрешите вскрыть коробку и взять всего четыре книжки... Я продам их за полчаса даже в таком медвежьем углу, как этот городишко, вернусь и полностью расплачусь с вами. Разумное предложение, правда?

Агент стоял на своем:

— Либо девять сорок два наличными, либо никаких книг. Вот единственное предложение, с которым согласится экспресс-почта.

— Тогда бери себе эти книги! — рявкнул Сэм Крэгг. — Возьми и засунь их... — Он в подробностях объяснил агенту, что тому надлежит сделать.

Агент усмехнулся:

— Ребята, вы и вправду на нуле?

— Не то слово! — отозвался Джонни Флетчер. — Появились бы мы здесь в такую рань, до завтрака, имей мы бабки?

— Ну да, конечно! — кивнул агент. — Это вряд ли. В общем, так уж вышло, что я, кроме всего прочего, еще и констебль. В нашем городке действует постановление против бродяжничества. Значит, ребята, придется вас отправить кое-куда. Ну-ка, пошли! И спокойно, без шума, а не то...

Джонни Флетчер и Сэм Крэгг так и не узнали, что угрожало им в противном случае. Их словно ветром сдуло из конторы. Они чуть было не сорвали дверь с петель. Когда агент-констебль показался на пороге, Джонни с Сэмом уже отмахали полквартила вверх по улице и продолжали набирать скорость.

Они не снижали темпа, пока не выбрались за черту города. Джонни Флетчер замедлил шаг, дабы Сэм Крэгг смог догнать его. Сэм пыхтел как паровоз.

— Большой подлянки Морт Мюррей кинуть не мог! — сказал он, отдышавшись. — Послать книги наложенным платежом... Это надо же! Понял ведь по телеграмме, которую мы послали с оплатой получателем, что у нас туго с монетой.

Джонни покачал головой:

— Так недолго и веру в человека потерять. Понять не могу, в чем дело, ведь прежде Морт никогда нас не подводил. В конце концов, не так уж много мы ему и задолжали — каких-то несколько сотен баксов.

— Просто невезуха! — воскликнул Сэм. — Неудачи преследуют нас с тех самых пор, как мы оказались в этой Миннесоте. Помнишь ярмарку? Всю дорогу проливной дождь. А в Миссури за каким дьяволом нас понесло? Вот уж непруха так непруха! А наша колымага, зараза, — набегала всего-то двести пятьдесят тысяч, и пожалуйста вам — развалилась на мелкие кусочки. А теперь еще вот это!

— Да уж! — В голосе Джонни слышалась горечь. — В чужом краю... И зима на носу. Ни приличного пальто, ни денег, ни тачки. Ни-че-го...

Сэм Крэгг бросил на друга испуганный взгляд. Для него находиться в упадке — естественно и необременительно, но Джонни Флетчер...

— Джонни, могло быть и хуже! — заметил он. — Не бери в голову! Сколько раз мы оказывались на мели и всегда выплывали. Ты, как всегда, что-нибудь придумаешь.

— Только не здесь, — вздохнул Джонни. — В глуши у меня опускаются руки. Фиговый из меня бойскаут! Мне даже костер не разжечь, впрочем, было бы что готовить...

— Эй, ты чего? — Сэм встревожился не на шутку. — Будем бить лапками, как та лягушка в сметане, и вылезем... Гляди-ка, дорожный знак! Бруклендс километров через пять — не так уж и далеко.

— А толку что? Дыра дырой... Сотни две жителей, и все как один себе на уме. Провинциальные аборигены вечно чужаков подозревают... Жлобы, каких мало.

Сэм Крэгг нахмурился.

— Кстати, может, моя книжка пригодится? — Он достал из кармана книжонку в бумажном переплете. — Вот — «Двадцать простых карточных фокусов».

— Спрячь ее, Сэм, — вздохнул Джонни. — Карточные фокусы не помогут. Вот если бы в ней рассказывалось, как «ломать купюры»... Но из этого тоже ничего не выйдет, ибо купюры у нас нет.

Джонни имел в виду весьма распространенную забаву. Скажем, заходишь в магазин с десятидолларовой купюрой в руке и будто бы собираешься купить какую-нибудь мелочовку. Затем вешаешь кассиру лапшу на уши, а в итоге магазин оказывается в убытке.

Сам Джонни никогда не «ломал», но в нынешнем отчаянном положении готов был и на это, имей он необходимый для начала десятидолларовый банкнот.

Его мрачное предсказание сбылось: Бруклендс оказался населенным пунктом с тремястами жителями. Ну, может, чуть больше! На весь городок — одна торговая улица и несколько десятков домов.

Не успели они и сотни шагов сделать, как из крайнего дома вышел краснощекий мужчина лет пятидесяти и преградил им дорогу.

— Кого-то ищете, молодые люди? — вежливо поинтересовался он.

— Кого это волнует? — отрубил Джонни.

— Ну, положим, меня. Я здешний констебль, ребята... Тпру!.. — Он вытащил из кобуры на боку огромный пистолет, наверняка времен Гражданской войны.

Джонни и Сэм сразу отказались от мысли о побеге.

— В чем дело? — спросил Джонни.

— Позвонил мне двоюродный братец из Поплар-Сити. Сказал, двое парней идут сюда. — Он подмигнул. — Нам платят по два бакса за голову бродяги. У нас в округе прорва дорожных работ. Ну, парни, вперед!

Он взмахнул пистолетом, и Джонни с Сэмом безропотно затопали на другой конец города в тюрьму, оказавшуюся на удивление привлекательным одноэтажным зданием.

Комнатушка возле входа, похоже, служила констеблю кабинетом. Рядом виднелась дверь из металлических прутьев. Констебль отпер ее.

— Располагайтесь, ребята! День клонится к закату, так что пока делать нечего. Утром судья вкатит вам тридцать суток, и за работу. Строить дороги кому-то надо, как-никак. Толстяк, ты что-то сказал?

Не оборачиваясь, Сэм Крэгг кинул через плечо:

— Чтоб тебе жена мышьяку в сидр подсыпала!

Он окинул взглядом помещение. Неплохо для тюрьмы! Свободно разместятся коек двенадцать, а стоят всего пять. Но зато прочные, железные, с матрасами.

В камере уже находились двое — юноша лет двадцати, в дорогом, хотя и не первой свежести костюме, и выдавший виды отброс общества.

Юноша привстал и сказал:

— Добро пожаловать в наш отель.

— Здорово, братцы! — вежливо произнес Джонни. — Моя фамилия Флетчер, зовут Джонни, а этого здоровяка зовут Сэм Крэгг.

На лице молодого человека появилось подобие улыбки.

— А я Том Квизенберри.

— Рад познакомиться! — Джонни перевел взгляд на обшарпанного субъекта.

Тот покачал головой и что-то процедил сквозь зубы. Пожав плечами, Джонни подошел к одной из коек и потрогал матрас.

— Неплохо, — одобрил он. — Не так чтоб уж очень, но и не плохо.

Сэм Крэгг бросил все свои сто килограммов на другую койку и буркнул:

— Сойдет. Отдохну-ка я, а то для дорожных работ надо быть в форме.

Джонни Флетчер поморщился:

— Так их и разэдак, эти дорожные работы! — Он обернулся к Тому: — Констебль говорил, бродяг ставят дороги мостить. Не в жилу, должно быть, а? От рассвета до заката?

Том Квизенберри помрачнел:

— Его вот привели всего часа два назад, а я... По-моему, меня не считают бродягой. Я жду суда.

— Ух ты! — воскликнул Джонни. — Ну-ка, подожди, дай догадаюсь. Ты грабанул один из экспрессов на «Юнион Пасифик»¹. Угадал?

Молодой Квизенберри закусил губу:

— Мне не смешно. По правде сказать, я паршиво себя чувствую.

Глава 4

Нытье еще никому не скрашивало пребывание в тюрьме. Раз уж посадили, сиди и постарайся провести время с толком. Часа два Джонни Флетчер выслушивал жалобы Тома Квизенберри, а потом сказал:

¹ «Юнион Пасифик» — железная дорога на Западном побережье. Эксплуатирует четыре трансконтинентальных фирменных экспресса.

— Послушай, парень. На наших койках хотя бы есть матрасы. Это уже кое-что. Один раз в тюрьме Блумингтона, в Иллинойсе, довелось дрыхнуть на голой сетке. После этого у меня на спине целый месяц можно было играть в крестики-нолики.

— Ага, точно! — вмешался Сэм Крэгг. — Расскажи ему о катажке в Пасифике, что в Миссури. Ну и душегубка! Нас, помню, набили в камеру человек восемнадцать. Стоять и сидеть приходилось по очереди.

Том уселся на одну из коек. Подобрал ноги, уткнулся подбородком в колени и, не поднимая головы, заметил:

— Вы, ребята, похоже, привыкли, а я в тюрьме впервые.

Сэм Крэгг *затянул хриплым басом:*

— *А слезы катятся, братишки, на рубашечку...*

— Перестань! — оборвал его Джонни Флетчер. — А тебе, Том, я вот что скажу: к тюрьме привыкнуть нельзя. Правда, мужик? — обернулся он к грязному, обросшему бродяге, который до сих пор не вымолвил ни слова.

Он и теперь ничего не сказал, поскольку находился на той стадии, когда уже не отвечают ни на чьи вопросы. Но если спрашивает полицейский, тогда другое дело.

Джонни понимал, что жуткий вид молчаливого сокамерника повергает Тома Квизенберри в уныние. Он решил утешить его:

— Все зависит от того, как на это взглянуть. Вот нас четверо, и сидим мы тут в кутузке, где-то у черта на рогах, хотя и в штате Миннесота. Сэм, как наш город называется?

Сэм Крэгг повел плечами:

— Поплар-Сити, что ли? Нет... так назывался тот, наш первый городишко.

Джонни Флетчер поморщился:

— Там и выяснилось, что Морт Мюррей послал нам книжки наложенным платежом, а у нас в карманах ни цента. Морт, конечно, зараза, каких мало! Отправить посылку с оплатой получателем — не слишком любезный поступок.

Сэм Крэгг нахмурился:

— Не слишком любезно с нашей стороны было не платить Морту, когда у нас водились деньжата. Ты ведь прекрасно знаешь, Морт всегда на грани разорения, но в тюрьму он ни разу не попадал.

— Успеет еще! — буркнул Джонни. Повернувшись к Тому Квизенберри, он спросил: — А за что тебя все-таки?

Тот вспыхнул:

— Хотелось есть, спать было негде, вокруг никого, а витрина настезь...

— И что? Ты залез в магазин и взломал кассу?

Молодой Квизенберри кивнул и покраснел до корней волос.

— Хозяин дремал в кладовке...

— Кража со взломом, — сказал Джонни. — Плохи твои дела. Могут впаять месяцев шесть...

— Месяцев шесть... — повторил Сэм. — Да ты что?! Скорее уж от двух до пяти лет. А в тюрьме штата покруче, не так, как здесь... — Он перехватил взгляд Джонни и осекся.

Казалось, юнец вот-вот расплачется. Интересно, подумал Джонни, какого черта он вообще удрал из дому.

— Ты... считаешь, мне дадут так много?

Джонни исподтишка погрозил Сэму Крэггу кулаком:

— Не бери в голову! Сэм шутит. Слушай, а семья-то у тебя есть?

Сначала юноша покачал головой, потом, похоже, передумал.

— Ну... отец. Думаю, его уже известили. Вот почему... из-за этого-то я и беспокоюсь. Не хотелось, чтобы он узнал, но при мне было письмо, и его нашли. Я бы и не дергался, если бы не отец... А еще...

— Подруга, что ли?

Том кивнул:

— Меня выгнали из колледжа, и отец устроил скандал. Я обещал сдать экстерном и... В общем, не смог. Вот и все.

— Господи ты Боже мой! — обрадовался Джонни. — Тебе не о чем беспокоиться. Твой предок скоро явится, наймет хорошего адвоката, и ты наверняка получишь условно. Вернешься в свой колледж, и месяца не пройдет! А мы с Сэмом в это время будем вкалывать на дорожных работах. Кочевник, я прав?

Бродяга не ответил. Он сидел на своей койке, привалившись спиной к кирпичной стене и надвинув на лицо подобие шляпы. Казалось, он спит.

Вытащив из кармана замусоленную колоду, Сэм Крэгг принялся тасовать карты. Джонни покосился на него и громко вздохнул. Руки у его приятеля были созданы в аккурат для работы на каменоломне, но уж никак не для возни с картишками.

— Ну-ка, вытяни одну! — улыбнулся Сэм, протягивая Тому веер карт.

Юноша покачал головой:

— Что-то не хочется.

Сэм повернулся к Джонни. Тот вытянул карту и посмотрел на нее:

— Ладно, что дальше?

Сэм выдвинул часть колоды:

— Положи ее сюда.

Джонни повиновался.

Накрыв карту, Сэм начал вроде бы тасовать колоду в руках, но одна карта упала на пол.

— Ага, вот она! — засмеялся Джонни.

Сэм смутился:

— Фокус не удался. Я собирался завернуть колоду в носовой платок и потом показать, как я будто бы продергиваю твою карту прямо через ткань.

— Повнимательнее читай свою книжку — и будет полный порядок! — Джонни широко зевнул. — Ну а я в это время посплю. Прикажите проводнику разбудить меня, когда доедем до конечной. — Он растянулся на своей койке и немедленно заснул.

Через какое-то время он проснулся. Рядом сидел Том Квизенберри и тряс его за плечо.

— Мистер Флетчер, — прошептал он, — ни слова не говорите. Вот, возьмите это, ладно? Отдадите мне утром... — Он сунул Джонни в руку какую-то карточку, вернулся на свою койку и сел.

Минуту Джонни соображал, что бы это все значило. Потом обернулся. Том снова улегся на свою койку. Чуть поодаль возвышались мощные очертания Сэма Крэгга. Джонни перевел взгляд на бродягу. Неужели всю ночь так и будет сидеть? И вообще, к чему вся эта таинственность? Для чего Тому понадобилось будить его среди ночи, совать какую-то карточку и просить молчать?

Размышляя об этом, Джонни снова заснул. Ему снилось, будто он в Нью-Йорке и в метро, где-то в районе Седьмой авеню, и его шмонает вор-карманник, который вроде бы продавец газеты коммунистов «Дейли уоркер». Вишь какой ловкий! Он пинает парня с газетой так сильно, что тот начинает выть. Тут Джонни проснулся.

Констебль молотил по прутьям двери жестяной кружкой и вопил:

— Кончай ночевать, ребята! Судья торопится на рыбалку и хочет поскорее от вас отделаться. Эй, вы, бездельники, выходи глотать пилюлю!

Джонни зевнул и посмотрел на Сэма Крэгга:

— Сэм, кого это он назвал бездельниками? Нас, что ли?

Сэм поднялся и потянулся:

— Нас, кого же еще?

Он нагнулся и потрепал Тома по плечу:

— Эй, добрый молодец, вставай! Проводнику не терпится заправить наши постели! — Вдруг Сэм ойкнул, нагнулся ниже и заглянул Тому в лицо. — Господи! — только и смог выговорить он. Челюсть у него отвисла, а лицо исказила гримаса ужаса.

Джонни бросился к Сэму и остолбенел.

Том Квизенберри лежал на боку. Глаза у него вылезли из орбит и уже остекленели. На шее виднелись синевато-багровые полосы. Судя по всему, его задушили.

Тут и констебль заметил неладное:

— Что... что это с ним?

Джонни повернулся к нему:

— Он... мертвый, он умер...
— Мертв? Умер? Как же так?

Трясущимися руками констебль отпер дверь. Он направился было в камеру, но то, что произошло потом, оказалось настолько внезапным и неожиданным, что даже Джонни Флетчер, всегда державший ушки на макушке, был захвачен врасплох.

Бродяга неожиданно вскочил со своей койки и метнулся к двери. У него в руке сверкнуло лезвие ножа; он с ходу пырнул ножом констебля. Джонни успел увидеть, как исказилось от боли лицо констебля, услышал, как он закричал, и, не раздумывая, кинулся вслед за бродягой, который на бегу со всего маху захлопнул дверь, попав Джонни прямо по лицу. Когда он, открыв дверь, выскочил на улицу, бродяга мчался во весь дух, получив преимущество метров в пятнадцать.

И тут Джонни осенило: с этим вонючим хмырем что-то не так! Бежит со скоростью, явно не соответствующей ни его возрасту, ни комплекции. По прямой он обгонял Джонни без труда.

Джонни услышал хриплые выкрики Сэма:

— Эй, Джонни! Подожди... Джонни, меня подожди!

Двое лавочников опускали наружные навесы над окнами — день обещал быть жарким. Они обернулись и молча глазели на бегунов, несущихся во весь опор. Когда из тюремного помещения, пошатываясь и держась за бок, вышел констебль с криком: «Держите их! Они меня убили!» — моментально проявилась психология лавочника: «Гори все огнем, а моя хата с краю», и оба поспешили скрыться внутри своих магазинов.

Бродяга забежал за угол. Когда Джонни повернул за ним, тот уже забрался в старый драндулет и включил зажигание.

Тяжело дыша, Джонни остановился. Дожидаясь Сэма, он провожал взглядом удаляющуюся колыхагу.

— Уходить надо, Джонни. — Сэм задыхался. — Знаешь, а ведь этот поганый потрох заколол констебля... и Тома тоже он прикончил...

— Я знаю, — кивнул Джонни, переводя дыхание. — Ты видел, как он чесал? Шестидесятилетний бродяжка так ни за что не сможет. Да... — Он сунул руку в карман и достал карточку, которую ночью ему вручил Том.

Изучив ее, Джонни присвистнул:

— Квитанция из ломбарда... «Дядя Джо... Друг в беде... Город Коламбус... штат Огайо». Ничего не понимаю.

Сэм Крэгг сказал:

— Будем тут болтаться — нас сцапают! Если не за убийство, то за побег уж точно...

— Твоя правда, Сэм, — ответил Джонни. — Надо убираться отсюда подальше. Чувствую, бродягу будет не так-то легко поймать и здешние сыщики повесят убийство Тома на тех, кого сумеют схватить, то есть на Сэмюэла Крэгга и Джона Флетчера. Двигаем отсюда, и как можно быстрее.

Глава 5

Оставив город позади, они зашагали энергичной походкой напрямик через поле в рощу. Пробирались они бесшумно, прямо как индейцы, не нынешние, а прежние индейцы, изрядно угостившиеся огненной водой.

Джонни не испытывал восторга от этих марш-бросков в духе первопроходцев, а Сэм Крэгг, хоть и находился в отличной физической форме, начал жаловаться первым:

— Джонни, ноги у меня отказываются идти! Может, сделаем привал?

Джонни Флетчер оглянулся на тополя, стоявшие сплошной стеной:

— Сэм, мы отмахали километров пять-шесть — не больше. Там сейчас организуют за нами погоню. Может, и с ищейками.

— С ищейками? — Сэм сделал большие глаза. — Такие длинноухие собачки, которых показывают в кино? По-твоему, в этой треклятой дыре такие собаченции водятся?

— Да ну тебя! — Джонни нахмурился. — По-моему, самое время — ноги в руки и вперед. Скоро перекроют все дороги и начнут прочесывать лес. Убийство, Сэм, дело серьезное. Даже и в Миннесоте.

— Но ведь не мы убили парня, а тот гаденыш! Когда его поймают...

— Вот именно! Когда? Когда его поймают, Сэм? Пораскинь мозгами. К примеру, как он выглядит?

— Ну-у-у, бродяга как бродяга. Старик...

— Старик? А ты видел, как он мчался? Ни один старик так не сможет.

Сэм опешил:

— Вот это да! По-твоему, он и не старик вовсе, то есть не такой старый, как выглядит?

— А как он выглядит-то?

Сэм прищурился:

— Обычный бродяга. С виду лет пятьдесят — шестьдесят... Грязные лохмотья... Борода...

— Предположим, борода накладная, а лохмотья — маскарад. А его тачка... Откуда он знал, что она ждет его за углом, да еще с ключами от зажигания?

— Думаешь, он сам ее туда поставил? Знал, что придется улепетывать?

Джонни покачал головой:

— Не знаю, что и думать. Честно, не знаю. А тебе это все не кажется подозрительным? Зачем ему убивать парня, а потом пырять ножом констебля?

— Мы не знаем, убит Том или нет. Он мертв, это правда. А не мог он умереть естественной смертью?

Подумав немного, Джонни достал квитанцию из ломбарда.

— Среди ночи он разбудил меня и сунул мне вот это. Он был напуган. Ужасно напуган. Да-а, скажу я тебе, его все-таки убил бродяга при машине. Катит сейчас и соображает, а не пришить ли ему заодно и свидетелей?

Сэм Крэгг вскочил:

— Кажется, я одолею еще пару километров.

— А он на машине...

— Зато мы пробираемся лесом...

Спустя час они вышли к речке. Тут Сэма осенило:

— Слушай, а не пойти ли нам по воде, дабы длинноухие собачки не смогли взять след?

Джонни улыбнулся:

— А это мысль! Помнишь фильмец «Беглец из банды 'Цепи'»? Клевый... Давай попробуем! Я снимаю ботинки.

Сэм Крэгг последовал его примеру, и они побрели вверх по течению. К счастью, дно речушки было песчаное, и они шли без особого труда. Неприятные ощущения доставляли крупные булыжники, на которые они иногда натыкались.

Пройдя метров четыреста, Джонни Флетчер решил, что такое длительное путешествие по воде непременно собьет ищек со следа. Они выбрались на берег, вытерли ступни ног носовыми платками и надели ботинки. Между прочим, у Сэма носки напоминали решето.

Водная процедура взбодрила их, и Сэм перестал канючить. Однако хватило его ненадолго — километра на два, потому как вскоре дал о себе знать его желудок.

— В брюхе урчит по-страшному! Надо нам было сперва позавтракать!

Джонни тоже хотел есть. Голод не тетка, размышлял он, но если отдаться в руки правосудия, накормят так, что мало не покажется. Пожевать, конечно, надо, а то недолго и ноги протянуть. Вот только в такую глухомань они, кажется, никогда еще не забирались. Идут километров шесть, а то и больше, но пока им не встретилось никакого жилья.

Они сели передохнуть на поваленное непогодой дерево. Сэм посмотрел налево, потом направо. Затем принял решение:

— Дымком тянет. Должно быть, жилье недалеко. Может, там жратва обломится?

Джонни задумался. Со времени их побега прошло часа полтора. Знать бы, с какой скоростью тут, в глуши, распространяются новости!

Он встал, посмотрел в ту сторону, где, по его мнению, должен был находиться юг. Деревья вроде бы редуют, значит, там, наверное, прогалина, предположил Джонни. Может, стоит рискнуть?

— Пошли, Сэм, — решился он наконец. — Глянем, есть ли у дыма огонь.

Метров через тридцать они вышли на поляну с полуразвалившейся бревенчатой хижинкой посередине. Из трубы валил дым.

Сэм Крэгг перевел дыхание:

— Давненько я не побирался, а сейчас придется.

Он вышел на поляну и сразу попятился, потому что из хижины выбежала свирепая немецкая овчарка и залаяла. На пороге показался мужчина в комбинезоне.

— Взять его! — приказал он.

Пес с яростным лаем рванул в заросли, а у Джонни сердце ушло в пятки. Сэм ухватился за ветку, но не рассчитал — под его тяжестью ветка обломилась, и Сэм рухнул на землю.

Джонни нагнулся и выхватил у Сэма из рук обломок ветки. Как раз вовремя! Он успел ткнуть собаку в морду.

— Пошла прочь, убирайся! — гаркнул он. Овчарка отпрыгнула и, оскалив зубы, вновь залилась яростным лаем. Сэм Крэгг с трудом поднялся на ноги, подобрал толстый сук и с силой запустил в собаку. Та ловко увернулась.

— Эй, кто там? — крикнул фермер. — Что вам здесь надо?

— Уберите собаку, — отозвался Джонни, — а то мы за себя не отвечаем!

Чертыхаясь, Сэм Крэгг обломил крепкий сук.

— Лучший друг человека, называется... — бормотал он. — Получишь, псина ты эдакая, промеж ушей...

Фермер исчез в доме, а затем появился с дробовиком в руках.

— А ну, убирайтесь отсюда! — заорал он.

Сделав выпад, Джонни ударил собаку с оттягом по холке. Тут и Сэм подрос. Словом, они отбивались от немецкой овчарки, как могли. Она бежала за ними чуть ли не пару километров, а потом отстала.

— Проблема с едой, кажется, разрешилась, — усмехнулся Джонни, когда собака исчезла из виду. — Что ни ферма, то злая псина... По-моему, сейчас не стоит показываться на людях.

— Но лопать-то хочется! — возразил Сэм.

— Да ладно тебе! Случается, люди сутками обходятся без пищи. Затяни пояс потуже, и давай отмахиваем еще километров пять. Может, завтра повезет...

Сэм Крэгг жалобно застонал. День выдался жаркий. Продираясь сквозь заросли, они обливались потом. Торопливо перебегали проселочные дороги, избегая открытых пространств. Жилье обходили стороной. Джонни следил за солнцем. В общем, они двигались в южном направлении. Джонни пришел к выводу, что цивилизация на юге, а ему она необходима позарез и в больших количествах. И вообще, затеряться в большом городе легче легкого!

Солнце стояло у них над головой. Сэм Крэгг заявил, что дальше идти не в силах, и растянулся под огромным кедром. Джонни сел рядом, привалившись к стволу. Хотелось прилечь, но он опасался, что, если примет горизонтальное положение, встать уже не сможет.

— Сэм, как насчет карточных фокусов? — нарушил он молчание.

— Только не сейчас! Не в состоянии шевельнуть ни рукой, ни ногой!

Джонни улыбнулся, кинув взгляд на друга. Такая туша, а ноги явно не по размеру! Сэму любые нагрузки по плечу, кроме ходьбы пешком. Джонни вздохнул. Что ж, он тоже небольшой любитель путешествовать на своих двоих! Однако за какие прегрешения им такие напасти? Сцапали за бродяжничество, а теперь вот — убийство. Конечно, они с Сэмом невиновны, но, если их арестуют, они не смогут доказать, что не убивали. Знать бы наперед, удастся ли им избежать ареста? Ну, ладно, была не была... Он толкнул Сэма:

— Вставай, лежебока. Пора в путь.

Сэм перекатился на спину и с тоской во взоре уставился на Джонни.

— Ты иди, — сказал он погодя. — А я подожду здесь копов.

Джонни непроизвольно рассмеялся. Вдруг он резко обернулся и прислушался. У него в глазах промелькнула тревога.

— Ни звука, Сэм! — Он понизил голос. — Слышу скрип колес...
Сэм сел:
— И я слышу... Фургон, что ли? А может, повозка...
— Копы точно не ударятся в погоню за нами в повозке. Даже в этой зачуханной Миннесоте!
Ну-ка, пойду посмотрю...
Грохот колес и цоканье лошадиных копыт подсказали Джонни, где дорога. Он пополз в ту сторону на четвереньках.
Метрах в пятнадцати, не дальше, обнаружилась вырубка с извилистой лесной дорогой.

Глава 6

Оказалось, что по дороге тащится не фургон и не повозка, а фура с кладью. На передке сидел парень лет двадцати и понукал лошадь.

Джонни вышел на дорогу. Заметив его, парень ухмыльнулся от уха до уха:

— Здорово, сосед! В здешних краях обитаете?

— Да неподалеку. Вверх по дороге. Не подбросите?

— Без проблем, сосед! Прошу... — Он любезно подвинулся на край деревянного сиденья.

Джонни выдавил из себя подобие улыбки:

— Я тут с братом. Можно? — Не дожидаясь ответа, он позвал: — Эй, Сэм! Нас до дому подвезут! Давай скорее!

Из лесной чащи показался Сэм Крэгг. Кивнув, парень гаркнул:

— Здрасьте, сосед!

Он натянул вожжи — лошадь стала как вкопанная. Все уселись поудобнее и тронулись в путь. Джонни оглянулся. Поклажа представляла собой гору алюминиевых мисок.

— Торговец, да? — спросил он.

Парень хихикнул:

— Прямой поставщик! Не по душе мне словечко «торговец». Ох как не по душе! — Щелкнув вожжами по крупу лошади, он крикнул: — Но! Пошла! — Протянув руку, он взял миску. — Неплохо, а?

Джонни взял у него алюминиевый горшок.

— Совсем, совсем неплохо. А что это?

— А на что похоже, мистер?

Джонни был уверен, что ошибется, поэтому просто покачал головой. Сэм принялся громогласно строить догадки, заставив торговца хохотать до слез.

Когда парень наконец снова обрел дар речи, он с жаром произнес:

— Выглядит похоже, но не то. Это... это жаровня для цыплят... ха-ха-ха!.. И... там сзади ящики... достаньте из каждого по бутылке.

Джонни вытащил две бутылки. Одну большую, другую маленькую. И посмотрел на этикетки. Оказалось, что в большой — лимонный экстракт, в маленькой — ванильный.

— А-а-а! — протянул он. — Старый знакомый лимонный экстракт. Давненько я его не видал.

Торговец покачал головой:

— Это точно, мистер! Сейчас не то, что прежде. Совсем не то. Народ пошел больно ушлый. Вот почему я и работаю на проселочных дорогах. Кое-кому, может, нравится шуршать шинами по асфальту, а моей старушке Нелли больше по вкусу грунтовая дорога. Да и мне тоже. Конечно, я в день меньше клиентов окучиваю, чем если бы гонял на машине, но в конце концов, по-моему, так на так и выходит.

— Чем торгуете, мистер? — оживился Сэм Крэгг.

— Как раз собирался приступить к этому, джентльмены, — ухмыльнулся парень. — В бутылке лимонного экстракта почти пол-литра. Лучший ароматизатор, какой вы когда-либо видели. Сколько, по-вашему, она стоит в магазине? Доллар? И это еще по дешевке. А я продаю экстракт по девяносто девять центов. И к каждой без исключения бутылке — чисто в рекламных целях —

прилагается бесплатно, абсолютно бесплатно четверть литра настоящего ванильного экстракта домашнего приготовления! Ну как? Выгодная покупка?

— Разве выгодная? — спросил Джонни. — А что же алюминиевая миска? Она тут при чем?

Парень пришел в замешательство.

— Я к этому все и веду. Просто сперва хотел поразить ваше воображение экстрактами, а уж потом уложить вас наповал решающим доводом. У вас в руках настоящая антипригарная, нержавеющая, небьющаяся, износоустойчивая алюминиевая жаровня для цыплят. Она ваша! Подарок от компании «Четыре звезды»! Да-с, джентльмены, все эти товары — бутылка лимонного экстракта, бутылочка ванильного экстракта и превосходная, изумительная жаровня для цыплят — ваши, и всего за какие-то жалкие девянсто девять центов! Вы только представьте себе: все эти чудесные вещи — и всего за девянсто девять центов...

— Представляю себе, — отозвался Джонни.

— Ну и как? Берете?

Джонни пожал плечами:

— Вот доедем до дому, тогда посмотрим. Понимаете, хозяйством у нас ведает бабушка. Но мы замолвим за вас словечко. Верно, Сэм?

Сэм сдвинул брови:

— Ну да, конечно. Как только доедем до дому.

— Прекрасно, — обрадовался парень. — Ловлю вас на слове. Далеко живете?

— Да не очень, — небрежно заметил Джонни.

— Километр? Два? Три?

— Подальше. Покажу, когда будем подъезжать.

Парень нахмурился:

— А вы не спешите? А то я бы заскочил вон на ту ферму, чтоб потом не возвращаться.

— Конечно, конечно, — поспешно согласился Джонни. — Не стоит из-за нас бросать дела!

Сэм яростно вращал глазами, но Джонни взглядом предостерег его.

Ферма оказалась бревенчатым строением. Между бревнами буграми торчала пакля. Джонни с облегчением отметил про себя, что от дома к дороге тянутся только электрические провода. Телефона на ферме нет, подумал он, и все же, когда парень спрыгнул с фуры, последовал за ним. Хотелось убедиться, что торговец не скажет хозяйке ничего такого, о чем та могла бы сообщить в полицию.

Не спеша шел он к дому вслед за парнем. Их встретила пожилая женщина с утомленным лицом. Торговец немедленно приступил к делу:

— Добрый день, мадам. Меня зовут Кларенс Хэкет, я представляю компанию по производству экстрактов «Четыре звезды». Разумеется, вы о ней слышали. Незаменимое снадобье для выпечки вкуснейшего домашнего печенья. Этими ароматическими добавками домохозяйки пользуются повсеместно. И вот сейчас прямо здесь, мадам... — Он на одном дыхании выдал текст, который Джонни и Сэм уже слышали.

Когда парень умолк, женщина задержала взгляд на сверкающей алюминиевой жаровне, но потом покачала головой:

— Прошу прощения, мистер, но у меня нет денег.

— Но, мадам, — настаивал Кларенс Хэкет, — всего девянсто девять центов! Уж такая-то малость у вас найдется...

— Не найдется, мистер, — грустно ответила фермерша. — Мы тут люди бедные. Мне бы, конечно, хотелось купить жаровню для цыплят, но сегодня я не могу себе это позволить.

Кларенс Хэкет помрачнел, но тут Джонни Флетчер вкрадчиво произнес:

— Мадам, вижу, вы разводите цыплят. И леггорны есть. Держу пари, у вас яиц навалом...

— Не жалуюсь, — сказала фермерша, — но яйца идут дешево. Всего по восемнадцать центов дюжина.

— Не густо, это точно! К зиме яички, конечно, значительно вырастут в цене. Вот что я вам скажу, мадам! Раз уж вам понравилась жаровня для цыплят и экстракты, почему не совершить обмен, а? Шесть дюжин яиц потянут приблизительно на доллар. Почему бы вам не дать нам шесть дюжин яиц в обмен на...

Кларенс Хэкет начал было с жаром возражать, но Джонни бросил вскользь:

— Насчет обмена договоримся потом!

Торговец замолчал, а фермерша ухватила за эту идею, и минут через десять Джонни и Кларенс Хэкет уже устанавливали на повозку корзину с яйцами.

— Ладно, мистер, — сказал Хэкет. — Яйца ваши. Я возьму деньгами...

Джонни кивнул:

— Отлично! Скоро доберемся и до нашего дома. Часто вам попадаются люди, у которых туго с деньгами?

Хэкет насупился:

— Тут-то и заковыка в нашем деле. У тех, кто не прочь купить, нет денег. По крайней мере, они так говорят. Да если б я менялся на яйца и цыплят, я бы всучивал экстракты трем хозяйкам из пяти.

— Так за чем же дело стало?

Хэкет заморгал глазами:

— А что мне с ними делать?

— Продавать! Почти в каждом городишке есть оптовый скупщик продуктов. Заведите себе ящик для яиц и клетку для цыплят. Положим, это лишние хлопоты, но за шесть дюжин яиц вам любой скупщик даст доллар восемь центов. А так вы получаете только девять центов, да и то если вам удастся впарить товар!

Хэкет уставился на Джонни:

— А цыплята? Если нет шести дюжин яиц, то как я узнаю, сколько брать?

— А рыночные цены на что? Возите с собой весы. Если цыпленок тянет на шестьдесят центов, берите пару. Уверен, хозяйки станут меняться с вами на таких условиях. Попробуйте и убедитесь сами.

— Еще бы, конечно, попробую! Я прыгаю от счастья, если удастся одна сделка из десяти. А с яйцами и цыплятами... Да я в деньгах купаться буду! И продуктами стану торговать.

— Берете, значит, яйца?

— Конечно, почему нет? Я и с вами поменяюсь. То есть с вашей бабушкой, на тех же условиях. Должно быть, уже подъезжаем? Долго еще?

— Не очень! Но ехать еще порядочно. По правде говоря, возможно, за день и не доберемся.

— Ну да? Где же вы живете? В Миннеаполисе?

— Дальше.

— В Нью-Йорке, — вмешался Сэм Крэгг.

Парень присвистнул:

— А здесь вы что забыли? И... — он нахмурился, — к чему было наворачивать, будто вы живете совсем близко.

— Потому что мы путешествуем автостопом, — пояснил Джонни. — Тому, кто подвозит, обычно говорят, мол, живут недалеко, по дороге. Видите ли, мы в некотором роде занимаемся тем же, чем и вы. Мы тоже торговцы.

— Вот это да! Неудивительно, что вы так ловко обработали ту фермершу. А чем вы торгуете?

— Книгами. Физкультура. Как стать сильным. Был такой Самсон, библейский герой, силач, каких мало. Вот Сэм — юный Самсон. Рвет грудью ремни и цепи, а я толкаю сосункам книжки, где говорится о том, что без физкультуры в жизни делать нечего.

— Ну а где же ваше снаряжение?

— В этом-то все и дело! — оживился Джонни. — Мы поэтому путешествуем автостопом. Нет у нас снаряжения. Полоса неудач. У нас машина развалилась на части и кончились запасы. И деньги все вышли. Вот почему мы вынуждены добираться до Нью-Йорка на попутках. Приедем, возьмем там новую партию товара.

— На фуре вам туда не добраться, — заявил Хэкет. — Попробуйте счастья на больших дорогах.

— А где они? Если честно, мы заблудились.

— Сейчас покажу. — Хэкет пошарил под сиденьем и вытащил карту автомобильных дорог. — Сейчас покажу, где мы... Вот примерно здесь. Следующий по пути город называется Мус-Лэйк. Так себе городишко. От него километров двенадцать — тринадцать до шоссе номер 60 — главной автострады между Дулутом и Миннеаполисом. Вот вам куда нужно.

Джонни ткнул пальцем в кружочек рядом со словом «Бруклендс»:

— А сколько отсюда до этого места?

— Бруклендс? М-м-м... — Парень задумался. — Километров сорок. Вам бы надо двигаться отсюда на север, к шоссе на Хиббинг. А вы взяли южнее. Согласен, так короче, но по твердому покрытию идти легче.

Сэм Крэгг вытащил из кармана носовой платок. Встряхнув его, обмотал себе левую руку, затем извлек колоду карт.

— Смотрите, мистер, — сказал он. — Хочу показать вам фокус... Вот, тяните карту.

— Ха! — улыбнулся Кларенс Хэкет. — Старый трюк с платком, да? Ну-ка, давайте я сам покажу, как это делается.

Сэм сунул карты обратно в карман.

— Да ладно, проехали! — сказал он без улыбки.

Глава 7

— Нью-Йоркские номера, — заметил Джонни Флетчер, выбираясь из придорожных кустов. — Та же самая машина, которая только что мчалась на север.

— Ту вела бабенка, — возразил Сэм Крэгг.

— И эту тоже. Между прочим, в полном одиночестве. И совсем недурна... Видишь, разворачивается?

Сэм кинулся назад, под защиту зарослей, а Джонни остался на дороге.

— Посмотрим, что к чему! — бросил он вслед другу.

Автомашина оливкового цвета с кузовом типа «купе» промчалась мимо Джонни. Девушка за рулем нажала на клаксон и притормозила. Джонни шагнул на обочину. Машина дала задний ход.

— Подбросить? — спросила девушка.

Джонни улыбнулся и кивнул на Сэма:

— Нас двое.

— Все в порядке, — заверила девушка. — Я не боюсь.

Джонни пожал плечами:

— О'кей, леди! Мы тоже не боимся. Давай, Сэм... — Он открыл дверцу и сел рядом с девушкой.

Сэм протиснулся и кое-как устроился. Троица на двухместном сиденье тесновато, подумал Джонни, но раз девушка не против, то он и подавно.

Миловидная, не старше девятнадцати-двадцати, блондинка переключилась на вторую передачу, прибавила газу, и машина понеслась на юг.

— Здесь тачку нечасто встретишь, — сказала девушка. — Я проехала мимо и как раз подумала, что до следующего города еще далеко.

— А до того места, куда нам надо, еще дальше.

— Где это? Миннеаполис?

— Нью-Йорк.

— Правда? Я тоже из Нью-Йорка.

— Я видел номера. Э-э... вы сейчас туда направляетесь?

— Не совсем. Я... у меня тут кое-какие дела. То есть я тут навещала кое-кого. Возле... Бруклендса.

Джонни почувствовал, как Сэм напрягся. Помолчав немного, он спросил:

— Бруклендс остался сзади, не так ли?

Она взглянула на него, и он заметил, как у нее по лицу скользнула тень.

— А вы что, не знаете?

Он покачал головой.

— Не знаю. Никогда там не был. — И вдруг ни с того ни с сего добавил: — То есть, кажется, был. Ну да, конечно!

Машина слегка вильнула.

Джонни вежливо предложил:

— По-моему, вам лучше нас высадить. Вы слишком молодая для подобных дел.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду нью-йоркские номерные знаки на машине. Сначала вы проехали мимо, вернулись, снова проехали мимо нас и снова вернулись. Вы зачем нас подобрали? Чтобы покатать?

— Джонни! — воскликнул Сэм в тревоге.

Джонни слегка пихнул его локтем, чтобы он заткнулся.

— Вы девушка... Тома, да?

Девушка открыла рот от изумления:

— Значит, вот вы кто! Так я и знала. У меня возникло подозрение, когда я проезжала мимо вас первый раз и вы скрылись в лесу. Вы — те самые, что сидели с Томом...

— Мы были с ним в тюремной камере, когда это случилось. Э-э-э... вы думаете, мы уби... сделали это?

Машина резко вильнула, а девушка ослабила давление на акселератор. Джонни поспешил добавить:

— Мы этого не делали. А вдруг это мы? А? Вам не следовало... подбирать нас. Вы просто...

— А кто? Если не вы, то кто?

— С нами сидел еще один человек. Бродяга...

— Бродяга? Обычный бродяга? Вы уверены?

Джонни пожал плечами:

— Тогда я был уверен. Понимаете, Том и тот оборванец уже были в камере, когда нас туда затолкали. Я не обратил на оборванца особого внимания, потому как он выглядел именно так — грязный, обросший бродяга. — Джонни поморщился. — А Том... Я сразу догадался, что он в таком месте впервые. Мы с Томом вроде как подружились. Он упомянул, что власти известили его семью...

— Два дня назад. Я приехала в Бруклендс сегодня утром. Спустя час после того, как вы... После вашего побега.

— Целый день играем тут в следопытов и индейцев, — вздохнул Джонни. — А... что они там говорят? Что это сделали мы с Сэмом?

Она кивнула:

— Вы все втроем.

— Втроем? Думают, мы заодно. А что... Том?

Губы у девушки задрожали, но она постаралась взять себя в руки.

— Насильственная смерть... Задушили...

Джонни нащупал в кармане куртки квитанцию из ломбарда, которую дал ему Том Квизенберри. Не вынимая руки из кармана, он поинтересовался:

— А что его семья?

— Отец едет в Бруклендс. Наверное, уже подъезжает. Он поехал на поезде, а я на машине. Тридцать часов за рулем от самого Нью-Йорка.

— А мать?

— У него мачеха. Она... Да ладно! Собственно, это из-за нее Том сбежал из дому. Есть дед... Саймон Квизенберри. Тома он очень любил...

— Саймон Квизенберри? Тот самый, что делает часы?

— Да. Он владелец «Часовой компании Квизенберри». А еще он... коллекционирует старинные часы. Старый и больной человек... Честно говоря, по мнению врачей, ему остались считанные дни.

Они подъехали к небольшому поселку. Домов сорок-пятьдесят, не больше... Проезжая по главной улице, девушка сбавила скорость, а Джонни заметил на заправочной станции полицейского, который стоял возле своего мотоцикла и смотрел на них.

Нахмурившись, Джонни глянул в зеркало заднего вида. Полицейский выкатывал мотоцикл на дорогу.

— Поторапливайтесь! К нам двигает коп, — сказал Джонни девушке.

— Ну вот, приехали! — простонал Сэм.

Девушка надавила на педаль газа так, что их швырнуло на спинку сиденья. Джонни следил за стрелкой спидометра. Семьдесят километров в час... восемьдесят... девяносто...

— Догоняет, — заметил он. — Сбавьте скорость у поворота. Мы выпрыгнем.

— Но как же!.. — в отчаянии вскрикнула она.

— Придется, — мрачно заметил Джонни. — Нельзя, чтобы нас схватили. Притормаживайте!

Машина подкатила к повороту. Завизжали тормоза... Сэм открыл дверцу еще до того, как машина остановилась. Джонни придержал его.

— У меня есть кое-что от Тома! — прокричал он. — Встретимся в Коламбусе, штат Огайо...

Сэм выпрыгнул на обочину и, не удержавшись на ногах, свалился в канаву. Джонни спрыгнул следом и нырнул в заросли кустарника. В отдалении послышался рев мотоцикла.

Девушка выжала сцепление, и машина умчалась.

— Сэм, пригнись! — крикнул Джонни.

Едва они укрылись в кустах, из-за угла сразу вывернул мотоцикл.

Значит, снова в бега! Полицейский догонит ее, и она скажет, что подобрала двоих парней, но оба уже сошли. Коп вернется, покрутится тут для порядка, помчится назад в поселок, поднимет тревогу... Стало быть, очень скоро здешний лес начнут прочесывать. У них полчаса на все про все, до того как поиски развернутся во всю мощь, прикинул Джонни. Оказавшись на проселочной дороге, метрах в восьмистах от шоссе, они перешли на рысь. Сэм начал задыхаться и причитать, не пробежав и пятисот метров. Но зато упорство Джонни было вознаграждено. Во дворе заброшенной с виду развалюхи стоял драндулет образца 1928 года.

Джонни решительно подошел к машине, залез внутрь и завел мотор. Задним ходом он подал машину к дороге, где его ждал Сэм. В это время из развалюхи, размахивая руками и вопя, похоже, выскочил владелец колымаги. Стиснув зубы, Джонни вывел машину на дорогу.

— Садись, Сэм! — скомандовал он.

Сэм залез в машину и заблажил:

— Ну вот, я так и знал! Мало нам убийства, теперь еще и угон машины!

— Умолкни! — оборвал его Джонни.

Мотор взревел, и они понеслись со скоростью пятьдесят километров в час. Проехав километра три, Джонни свернул вправо. Километров через пять снова повернул направо.

— Ты чего? — заорал Сэм. — Мы опять гоним на север!

— Умолкни! — Джонни помолчал. — На севере нас не ждут. Ясно? Хватило бы бензина... Смотри — бак пустой!

Они остановились. Джонни отвинтил крышку бензобака. Оказалось, что у них еще есть литров восемь-десять. Стрелка показывала, что бак пуст, потому что индикатор был сломан.

Они перевели дух и помчались дальше. Через четверть часа остановились свериться с картой автомобильных дорог, которую отдал им торговец лимонным экстрактом. Определив местонахождение, Джонни свернул на восток.

Спустя какое-то время он произнес:

— Значит, так! Мы едем в штат Висконсин. Тамошние копы не станут особенно переживать из-за нас. На их территории мы не совершили ни единого преступления.

Джонни не знал, что, пересекая границу штата в угнанном автомобиле, он нарушает федеральный закон. Да, собственно, это ничего и не меняло. Спустя несколько минут мотор драндулета кашлянул, чихнул и заглох. Бензин кончился.

Они вытолкали машину на обочину.

— Приехали! Теперь пешедралом, — объявил Джонни.

— С минуты на минуту стемнеет, — сказал Сэм. — Всю ночь, что ли, будем топать?

— Если мои подсчеты верны, мы километрах в двадцати от города Спунера. Штат Висконсин...

— Никогда не слыхал.

— Эх ты, темнота! Спунер в Висконсине — крупный железнодорожный узел. Там делают остановку все товарные поезда. Дошло?

— Неужели теперь по железке? — с отвращением произнес Сэм.

— Пожалуйста, можем пешком. До Нью-Йорка, по-моему, каких-то две тысячи триста километров.

— Нет, уж лучше на товарняке. А как насчет...

— Кушать будем завтра. Сегодня мы путешествуем.

Глава 8

Четвертая авеню в Миннеаполисе, между улицами Хеннепин и Николлет, выглядит в точности как Маркет-стрит в Сент-Луисе, Уэст-Мэдисон в Чикаго или Бауэри в Нью-Йорке. Здесь кучкуются бродяги всех мастей. Они либо толпятся у щитов агентств по найму рабочей силы, либо посиживают на бордюре тротуаров, подставив физиономии солнечным лучам и, возможно, размышляя об ушедших годах.

Такие зланные места всегда выводят Джонни Флетчера из равновесия. Он повидал их достаточно на своем веку, а они все еще существуют и наводят на грустные размышления. Они с Сэмом шагали по улице Хеннепин, направляясь к центру города.

Когда они проходили мимо «Театра на Хеннепин», какой-то тип поманил их пальцем.

— Эй, братва, — грубо окликнул он их, — работа нужна?

— Ха! — воскликнул Джонни. — Работа? Конечно, нужна. Что за работа?

— Да какая вам разница? В девять вечера получите по два доллара.

— С этой минуты и до девяти вечера всего два бакса? — возмутился Сэм.

Тип сделал шаг назад:

— Ну вот что, умники, мне стоит только свистнуть, набегит сотня таких, как вы...

— Мы согласны! — поспешно произнес Джонни. — Ведите!

В фойе шли приготовления к вечернему представлению. Троица спустилась вниз по длинному коридору, поднялась по лестнке и очутилась за сценой. Незнакомец показал на дверь:

— Там ваша униформа. Будьте готовы через пять минут!

— Униформа? — Ноздри у Джонни Флетчера затрепетали.

Толкнув дверь, он вошел в помещение и оторопел.

В комнате стояли трое живых Пиноккио. В огромных башмаках, коротеньких шерстяных носках, с голыми коленями, они были одеты в короткие штанишки на подтяжках и ярко-желтые рубахи. Маски из папье-маше с идиотски радостным выражением были увенчаны идиотскими шляпками.

— Ну уж нет, — прошептал Джонни.

Один из Пиноккио подмигнул им:

— Нашлись еще болваны? Вот ваше обмундирование.

— Не надену, — сказал Сэм Крэгг. — Не выйду я на улицу в таком виде.

— Вот и мы так говорили, — заметил другой Пиноккио. — Но два бакса есть два бакса, тем более что буквально на днях на улице оказались еще пять тысяч безработных.

Джонни взял со стула костюм. Взглянув на Сэма Крэгга, сказал:

— Сэм, ты есть очень хочешь?

— Умираю от голода, — отозвался Сэм, стягивая куртку.

Едва они закончили одеваться, местный Карабас-Барабас, иными словами, управляющий театром, замолотил в дверь:

— Эй, вы, там, Пиноккио! Опаздываете!

Пятеро Пиноккио вслед за управляющим протопали в фойе, где получили указания.

— На этой недели у нас «Пиноккио» Уолта Диснея, — отчеканил управляющий. Вы привлекаете публику. И помните: Пиноккио — живчик, скачет, прыгает, валяет дурака. Не стоять на месте ни минуты! Поняли? Вместо вас, молодые люди, я мог бы нарядить манекены. Я плачу вам по два бакса в день за то, чтобы вы изображали шалуна и проказника. А теперь идите и работайте на совесть. Побольше зрителей! Тогда завтра я, может быть, найму вас снова. Приступайте!

Когда все пять Пиноккио выбрались на улицу, перед окошечком кассы уже стояла очередь. При виде живых кукол прохожие останавливались.

— Ой, смотри! — воскликнуло юное создание, обращаясь к своему спутнику, мордату шведу. — Разве они не милашки?

Джонни Флетчера прошиб холодный пот. К нему, пошатываясь, приблизился самый толстый Пиноккио.

— Господи, на что только не согласится голодный!

Из подъезда вышел управляющий и гаркнул:

— Не топтаться на одном месте! Побольше огоньку! А то уволю всех прямо сейчас! А свое жалованье имеете право взыскивать через суд. Ну, артисты, начали!

Пиноккио притопывали и подпрыгивали, играли в чехарду. Люди останавливались, затрудняя уличное движение. Полицейские отчаянно свистели, но им никак не удавалось разогнать толпу. Вскоре подоспел отряд правопорядка. Общими усилиями наладили движение транспорта. Управляющий стоял за кассой и улыбался во весь рот: билеты на вечернее представление раскупались, как горячие пирожки.

Пиноккио водили хороводы, играли в «колечко», в салки и дошли до полного изнеможения. Ноги уже отказывались служить. Спустя два часа управляющий наконец позволил им по очереди — по пятнадцать минут на каждого — отдохнуть.

Дождавшись своей очереди, Джонни без сил ввалился в раздевалку. Дивана в комнате не было, и он растянулся прямо на полу. Он так устал, что не было сил даже снять маску. Минут десять он лежал пластом. Потом, скосив глаза, увидел скомканную газету. Он перекатился на бок и развернул ее. Его внимание привлек заголовок. Сняв маску, он приоткрыл дверь.

Почти вся первая полоса была посвящена событиям в Бруклендсе. В передовой сообщалось, что некий Том Квизенберри, двадцати лет, был задушен в Бруклендской тюрьме тремя бродягами, соответственно: Джоном Доу, Джоном Смитом и Джоном Джонсом². Согласно показаниям констебля Оры Фитча, Джон Доу — престарелый слабоумный бездомный бродяга. А вот Джон Смит и Джон Джонс — молодые преступники. Они напали на констебля Фитча, и кто-то из них пырнул его ножом. К счастью, рана оказалась нетяжелой, хотя и болезненной. Полиция предпринимает необходимые меры для поимки преступников.

Во второй колонке речь шла о Дайане Раск, невесте Тома Квизенберри. Ее задержали вчера вечером неподалеку от города Мус-Лэйк после того, как мисс Раск видели в обществе двух типов, похожих по описанию на Смита и Джонса. Бандитам удалось скрыться после захватывающей дух погони. Дайана Раск настаивает на том, что мужчины, с которыми ее видели, — просто случайные попутчики. Отец убитого молодого человека, Эрик Квизенберри, который только что прибыл из города Хиллкреста, штат Нью-Йорк, поручился за мисс Раск, и ее отпустили.

Квизенберри, говорилось далее в статье, забирает тело сына для похорон в семейном склепе. Перед отъездом он заявил, что выплатит тысячу долларов тому, кто поймает Джона Смита и Джона Джонса.

— А это идея! Тысяча баксов — это вещь! — размышлял вслух Джонни. — Может, за меня никогда так много в жизни не дадут...

— Эй, ты, Пиноккио! — крикнул из-за двери следующий артист, жаждущий отдыха. — Ты отдыхаешь дольше положенного!

В раздевалку ввалился еще один Пиноккио, и Джонни со вздохом поднялся с пола.

К вечеру все они еле держались на ногах. Целый день Пиноккио веселили народ. К середине дня у театра выстроилась очередь длиной в полквартала. Управляющий разрешил им по очереди — по полчаса на каждого — перекусить, но дать немного денег в счет жалованья решительно отказался. Джонни и Сэм вместо обеда просто подремали немного.

Наконец наступил вечер. Ровно в девять пятеро Пиноккио двинулись в раздевалку. Джонни с Сэмом облачились в свою одежду. Появился управляющий с деньгами.

— Наймете нас завтра? — поинтересовался Джонни.

Управляющий заюлил.

— Н-н-у... вряд ли. Может... позже, на неделе.

— Но вы же обещали, если мы хорошо поработаем, завтра нанять нас снова, — напомнил один из Пиноккио.

² Условное обозначение лица мужского пола, чье имя неизвестно или не оглашается по каким-либо причинам в интересах следствия.

— Так-то оно так, но сегодня мы собрали такую толпу, что завтра народу точно придет с избытком.

— Ах так! — сказал Сэм Крэгг. — Ну, тогда... — Он накрыл лицо управляющего своей пятерней и толкнул с такой силой, что тот отлетел в дальний угол. Когда он отлип от стены, Сэм и Джонни уже стояли в дверях.

— Ужинать! Едим до отвала... — воскликнул Джонни.

— Толстые, сочные бифштексы, — взвизгнул Сэм.

Глава 9

Из Миннеаполиса в Коламбус — за доллар тридцать центов!

Сначала Миннеаполис — Чикаго... Двое суток в товарняках и багажных вагонах с батоном хлеба и с палкой дешевой колбасы за двадцать центов.

Пятьдесят центов за нормальный обед в Чикаго.

Далее по шоссе в Индианаполис. День — на открытой товарной платформе экспресса и двадцать центов на еду.

Затем по шоссе номер 40 до Коламбуса. Целый день и кирпич хлеба.

В Коламбусе первый же встречный полицейский нахмурился и решительно направился к ним.

Смешавшись с пешеходами, они перебежали на другую сторону улицы и завернули за угол. Когда они отдышались, Джонни сказал:

— У нас осталось семьдесят центов. Хочешь не хочешь, а привести себя в божеский вид необходимо. Лучше не поедем. Ты, Сэм, выглядишь как стопроцентный громила.

Сэм Крэгг провел ладонью по недельной щетине:

— Думаешь, ты похож на майскую розу? Нас запросто сцапают не только за щетину, но и за прически. Не надо было оставлять наши бритвы у того неотесанного констебля в Миннесоте.

— Нам вообще не стоило встречаться с ним, — буркнул Джонни. — Но мы на него напоролись, и вот мы здесь. Давай побреемся.

— Где?

Джонни осмотрелся. Налево, над крышами домов, возвышался купол здания законодательного собрания штата.

— Колледж, должно быть, где учат на парикмахеров, чуть правее!

Сэм поморщился:

— Профессионально-техническое училище, что ли?

— Можно, конечно, пойти в какой-нибудь салон красоты, но мне кажется, оттуда нас турнут. Может быть, потом, когда станем миллионерами...

— Нет, — нахмурился Сэм, — мне этого не вынести.

Джонни покачал головой:

— Должно быть, я теряю хватку. Сам чувствую себя не в форме для такого испытания.

Следующие полчаса были мукой. Джонни пригласил в кресло ученик, которому вообще не стоило покидать родную ферму. Дурная привычка размахивать бритвой перед носом клиента, прежде чем отхватить кусок кожи со скулы, кого угодно способна была довести до белого каления. Наконец он с грехом пополам справился с бритьем и принялся маскировать порезы на лице кусочками пластыря.

— Сэр, не желаете ли нежный массажик? — промямлил ученик.

Джонни приоткрыл глаза. Убедился, что тот убрал бритву, и сказал:

— Я бы тебя сам помассировал, если бы прежде догадался выломать штакетину из забора.

Сэм был уже побрит. Его физиономию украшал длинный порез.

На улице Джонни извлек из кармана ломбардную квитанцию:

— Ну, теперь нам предстоит узнать самое худшее.

— Зачем это? — возразил Сэм. — Даже если Том заложил свою вещичку всего за один бакс, мы не сможем выкупить ее.

Джонни пожал плечами:

— Может, ты и прав, но есть конторы, где скупают такие квитанции. Ростовщики, они знаешь какие акулы? Дают примерно одну десятую от стоимости заклада. У мелких маклеров иногда можно получить на несколько баксов больше. Во всяком случае, взглянуть на вещицу-то можно, вдруг что и надумаем. Ломбард в двух кварталах отсюда.

Они сразу увидели над дверью три золотых шара, на стекле надпись «Дядя Джо. Друг в беде» и вошли. Дядя Джо, остроглазый, гладко выбритый молодой человек лет двадцати восьми-тридцати, окинул их изучающим взглядом. Джонни протянул ему квитанцию.

— Вот и мы, дядя Джо! — бодро приветствовал он его. — Давайте посмотрим, хорошо ли вы заботились о нашей семейной реликвии.

Повертев квитанцию в руках, ростовщик спросил:

— У вас есть деньги, чтобы выкупить вещь?

— Вопрос в том, — не уступал Джонни, — у вас ли безделушка.

Молодой человек что-то побурчал и скрылся в кладовке. Он не возвращался так долго, что Джонни забеспокоился.

— Ау! — позвал он. — Где вы там? Не ждать же нам целый день!

Ростовщик вернулся со странным предметом в руках. Сантиметров по двенадцать в длину и ширину и сантиметров двадцати пяти высотой, семейная реликвия были либо из чистого золота, либо позолоченная.

— Часы! — воскликнул Сэм Крэгг.

— Ну да, а вы чего ожидали? — вскинул брови ростовщик.

— Часы, — повторил Джонни. — А ничего часики! Семейная ценность, досталась от дедушки.

Ростовщик поставил часы на прилавок и повертел в руках ярлычок.

— Ох-хо-хо! — сказал он. — Вместе с процентами получается двести шестьдесят четыре. Да-с, с вас двести шестьдесят четыре доллара. С центами мелочиться не будем.

— Ничего себе! — удивился Джонни.

— А вы чего хотели? Я дал вам за них две сотни.

— Но шестьдесят четыре доллара процентов — это грабеж средь бела дня. У меня с собой столько нет.

Дядя Джо строго посмотрел на него:

— Тогда зачем вы пришли? Раз не можете выкупить...

— Да я хотел выкупить. Вот только... в общем, думал, что процентов набегит долларов на десять. Ведь...

— А двести десять долларов у вас найдутся?

На сей раз Джонни Флетчер был застигнут врасплох.

— То шестьдесят четыре доллара, то сразу десять, — нашелся он. — Вы что, в самом деле?

— Мне нужны деньги, — пояснил дядя Джо. — Закладов слишком много скопилось. Черт с ними, с процентами! Двести десять, и часики снова ваши...

— Ну... — Джонни перевел дух, — это ужасно мило с вашей стороны! Ловлю вас на слове. Словом, поддержите их до завтрашнего утра, а там посмотрим...

— Получается, у вас нет двухсот десяти. Ладно, забирайте за двести. Ровно столько, сколько я вам ссудил. Мне сегодня нужны деньги.

— И мне сегодня, — признался Джонни. — По правде говоря, с собой у меня денег нет. И завтра не будет. Но все равно, пожалуйста, подождите до завтра, хорошо?

Ростовщик поставил часы на полку. Едва он успел это сделать, часовой механизм заскрипел и зажужжал. В верхней части часов отворилась крошечная золоченая дверца, оттуда вышел золотой человечек, поклонился и... сказал:

— Пять часов, и день почти закончен...

У Сэма Крэгга от удивления глаза на лоб полезли. Джонни не отрываясь глядел на часы. Человечек еще раз поклонился и скрылся в своей норке. Золоченая дверца захлопнулась.

— Классные часы! — произнес ростовщик. — Если бы не нужны были деньги... оставил бы их себе.

Джонни облизал пересохшие губы:

— То-то и оно! Завтра... завтра мы вернемся с деньгами!

Он подобрал с прилавка квитанцию и сунул в карман. Оказавшись на улице, Сэм Крэгг присвистнул:

— Говорящие часы, Джонни! Слыхал?

— Неудивительно, что дядя Джо дал за них Тому двести баксов. А камешки видел? Часики стоят во много раз дороже двухсот баксов, даже если бы они и не были говорящими. Буду...

Какой-то человек, стоявший возле телефонной будки, шагнул им навстречу:

— Здорово, ребята!

Джонни остановился. У него за спиной он слышал тяжелое дыхание Сэма. Лицо незнакомца, кряжистого загорелого мужчины лет сорока пяти, расплылось в сардонической ухмылке.

— А я вас поджидаю.

— Кого это — нас? — поинтересовался Джонни.

— Допустим, Джона Смита и Джона Джонса. Уловили? Ну как, может, пойдем куда-нибудь, обсудим ситуацию?

— Что значит — куда-нибудь?

— Ох! — вздохнул здоровяк. — Я всего-навсего частный сыщик. Джим Партридж меня зовут. Живу я в «Браунфилде», через дорогу. Ну что, пошли?

— Не люблю частных сычей, — огрызнулся Сэм Крэгг.

— Раз уж вы об этом заговорили, — оживился Джим Партридж, — вам что, больше по душе сычи из полицейского управления? Если так...

— Мы выслушаем вас, — сказал Джонни. — Пошли, Сэм!

«Браунфилд» оказался второразрядным отелем. Номер Партриджа был расположен на самом верхнем, восьмом, этаже в конце коридора. Он отпер дверь и включил в комнате свет, так как окно выходило на вентиляционную шахту.

Достав из ящика комода бутылку виски, он налил в высокий стакан примерно на три пальца напитка. Потом предложил стакан Джонни. Тот отказался:

— На этой неделе я не пью.

Сэм Крэгг отказался тоже, и Партридж опрокинул себе в глотку содержимое стакана. Потом налил еще на четыре пальца виски и, не выпуская стакана из рук, опустился в ободранное кресло-качалку. Сэм Крэгг, прислонившись к двери ванной комнаты, остался стоять, а Джонни уселся на продавленную кровать.

— Слушаем вас, Джим Партридж.

Тот кивнул:

— Если не разводить канители, мне нужна квитанция из ломбарда, которую вы стибрили у молодого Тома Квизенберри в Миннесоте. Вот и все.

Джонни поджал губы:

— Если хотите покороче, вот наш ответ: фигушки!

— Я подозревал, что вы ответите именно так, — отреагировал Партридж. — Ладно. Я вам подыграю. Старый Саймон Квизенберри вчера дал дуба. Том отправился на тот свет раньше своего дедушки. Стало быть, часы возвращаются в семью.

— Отцу Тома, Эрику Квизенберри?

— В семью, — повторил Джим Партридж. — Знаете что, никакие вы не таинственные незнакомцы. По-моему, вы просто парочка неудачников в возрасте старше среднего. Вам просто повезло — очутились в камере, где мальчишка разболтался не в меру. Вы поняли, что вещичка стоящая, и воспользовались ситуацией. Но... не вышло! Так что раскошеливайтесь, ребята.

Подложив руки под голову, Джонни откинулся на спинку кровати. Он поднял глаза на грязный потолок:

— Может, и раскошелимся, Партридж. А ты уж, будь любезен, удовлетвори мое любопытство и Расскажи немного о себе. Откуда ты узнал, что часы в ломбарде, через дорогу от этого отеля?

Партридж усмехнулся:

— Сосунки вы еще, как я погляжу. Я в своем деле собаку съел. Хотя должен признать, Том не больно-то много наследил. Мне понадобился месяц, чтобы выследить его.

— Месяц?

— Ну да! Следим за ним с тех самых пор, как он удрал из дому и его дедуля обнаружил, что внучек прихватил с собой часики.

— Но на прошлой неделе власти штата Миннесота связывались с его семьей. Как вышло, что тебя не оказалось в Миннесоте?

— Я гонялся за часами, а не за парнем. Когда он сел, их у него уже не было.

— Значит, ты вообще не был в Бруклендсе?

Партридж иронически улыбнулся:

— А зачем? Вы приплыли прямо ко мне в руки.

— Ладно. Откуда ты знал, что мы непременно явимся сюда?

— Я читаю газеты. Придушив мальчишку, вы в темпе рванули оттуда. Стало быть, квитанция при вас. Между прочим, почему вы так долго добирались?

— Дорога была неровная. Что ж, Партридж, я принял решение.

Одним глотком частный детектив осушил стакан и поставил его на угол комода. Он подался вперед и процедил:

— Ну, давно бы так!

— Я решил... — Джонни помолчал, — сказать твердое «нет»!

Джим Партридж вздрогнул. Отогнув полу куртки, он вытащил автоматический пистолет 38-го калибра и ухмыльнулся:

— А я решил сказать твердое «да»!

Джонни Флетчер приподнял подушку, которую держал за уголки обеими руками, и обрушил ее Партриджу на голову. Одновременно Сэм Крэгг швырнул в частного детектива стаканом, который он прихватил в ванной.

Подушка отвлекла внимание Партриджа, а стакан угодил ему прямо в челюсть и со звоном разлетелся вдребезги. Хватая ртом воздух, Партридж вывалился из качалки.

— Слаженная работа! — Джонни вскочил.

Сэм Крэгг подобрал с пола пистолет 38-го калибра. Частный сыщик валялся на полу и стонал, Джонни приподнял его.

— Челюсть ты ему, Сэм, не сломал, — заметил он, — но пару дней он сможет только пить. Брось пушку в ванную. Зачем она нам? Ну же!..

На первом перекрестке Джонни купил газету, и они, не мешкая, зашли в подъезд какого-то дома.

— По-моему, настало время нанести визит этим Квизенберри. Если Партридж не врет, то есть если Саймон Квизенберри склеил ласты, здесь должно быть написано что-нибудь о нем и обо всей семейке.

На второй странице он нашел то, что искал. «Дед убитого юноши скончался...» Этому событию отвели целую колонку. Джонни пробежал статью глазами. Сообщалось, что в своем доме, в Хиллкресте, штат Нью-Йорк, после продолжительной болезни скончался Саймон Квизенберри, состоятельный предприниматель, наладивший выпуск часов марки «Бриллиант». Автор статьи намекал на то, что смерть Саймона ускорило трагическое известие об убийстве его внука, Тома Квизенберри, в тюрьме штата Миннесота.

Приводилась и краткая биография Саймона Квизенберри. Его хобби были посвящены два абзаца. Саймон Квизенберри вложил целое состояние в редкие и необычные часы, и его коллекция — самая ценная из ныне существующих, однако жемчужиной коллекции являются «говорящие часы», которые Саймон однажды отказался продать за пятьдесят тысяч долларов.

Дойдя до этого места, Джонни Флетчер присвистнул:

— Пятьдесят кусков! Обалдеть... А Том заложил их за двести баксов. Остается надеяться, то ростовщик не читал газету. Нет, ты только представь, ростовщик прикарманивает часики — и поминай как звали.

Сэм Крэгг презрительно фыркнул:

— Все это фуфло! Часов за пятьдесят кусков не бывает. В таких случаях народ вообще любит приврать. Являются в полицию и начинают права качать, мол, обокрали — увели пару баксов наличными и колечко с бриллиантом тыщи за две. Две тыщи баксов, как известно, на дороге не валяются, но уж пятьдесят кусков за часы... Пусть не заливают!

— Может, и так, но не думаю...

— А чего тут думать? Двухсот баксов у нас нет и не предвидится. Я за то, чтобы прямо сейчас податься на старый добрый Бродвей.

— Я тоже, но сперва надо найти девушку Тома. Помнишь, я сказал ей, куда мы направляемся.
— Ну ты даешь! Искать ее в таком большом городе все равно что...
— Не нагнетай! — оборвал его Джонни. — Она наверняка остановилась в приличном отеле, а в центре Коламбуса их всего четыре или пять. Значит, она в одном из них.

Сэм нахмурился:

— А у нее в номере дежурит целый взвод копов — только нас дожидаются. И вообще, незачем отдавать ей часы, то есть квитанцию. Ведь у Тома как-никак есть отец...

— Отец... Не слишком-то он торопился в Миннесоту. И парень сказал — папаша выгнал его из дому. Нет, я за то, чтобы отдать квитанцию подружке Тома.

— В толк не возьму, зачем квитанцию вообще отдавать. Ты ведь говорил — можно ее толкнуть какому-нибудь барыге за пару сотен...

Джонни Флетчер посмотрел на друга в упор. Сэм Крэгг покраснел.

— Да ладно! Тоже мне праведник выискался. Забыл, какие штуки откалывал время от времени?

Джонни грустно покачал головой:

— Сэм, суровая необходимость то и дело заставляет поступаться принципами, но разве я когда наживался на несчастье ближнего?

— Ладно, Джонни, — вздохнул Сэм. — Сбагрим с рук квитанцию — и в путь! Вон отель «Дешлер-Уоллек». Может, она там?

Там ее не оказалось. Она остановилась в «Нейл-Хаус», втором по счету отеле, куда они зашли. Сначала Джонни собирался подняться к ней в номер, потом передумал. Он попросил у портье лист бумаги и конверт, написал коротенькую записку, вложил вместе с квитанцией в конверт, запечатал и попросил портье передать по назначению. Затем обернулся к Сэму и сказал:

— Порядок! Двигаем на Бродвей.

Глава 10

— Люблю я Нью-Йорк! — вздохнул Джонни Флетчер. — Зачем я вообще покидаю его?

— Я знаю зачем, — заметил Сэм Крэгг не без ехидства, — но тебе не скажу.

Подавшись вперед, Джонни тронул владельца «кадиллака» за плечо:

— Пожалуйста, сейчас налево и дальше прямо вон до того шоссе.

— Благодарю вас, — сказал мужчина за рулем. — Вас посадить где-либо в определенном месте? Да и вот еще что, не посоветуете ли нам с супругой, где тут лучше остановиться?

— Ради Бога! — оживился Джонни. — Отель на Сорок пятой улице. Управляющий — мой близкий друг...

— Неужели? — вскинулся Сэм Крэгг.

— Друг, — твердо повторил Джонни. — Спросите мистера Пибоди и скажете, что вас прислал Джонни Флетчер. Если он обойдется с вами неучтиво... — Он усмехнулся. — Через пару недель я заеду и лично проверю. Если что, приструню его. Пожалуйста, мистер, посадите нас здесь.

Фермер из штата Айова примчался за тридевять земель на какую-то сельскохозяйственную выставку. Он тепло попрощался с Джонни и Сэмом.

— Дорогие соотечественники! — прочувствованно произнес Джонни. — Мы весьма вам признательны за то, что подбросили нас.

— О, не стоит благодарности! — ответила жена фермера. — Будете в Шелл-Роке, штат Айова, заходите! Нас там все знают — Август Шульц.

— Приятные люди, — заметил Джонни, провожая взглядом машину с номерами штата Айова. — А теперь пойдем посмотрим, насколько изменился наш славный город.

— Копы здесь просто звери, — насупился Сэм.

— Мне нравится, когда они звереют, — отозвался Джонни. — Вот за это я и люблю Нью-Йорк. Тут как в джунглях, а джунгли я обожаю. Ну, первым делом навестим Морта Мюррея.

— Да уж! — Глаза у Сэма засверкали. — Спросим его, как это получилось с книжками наложенным платежом. Вот с чего начались все наши беды!

Двадцать минут спустя они повернули на Семнадцатую улицу и остановились перед домом, первый этаж которого занимал склад времен сотворения мира. Джонни кинул на дом ласковый взгляд и сказал:

— Отныне нашим бедам конец!

Они затопали по лестнице, ибо лифта в доме не было. На площадке четвертого этажа Джонни направился было к двери, но остановился.

— Что это за бумажка на двери? — обернулся он к Сэму.

— Постановление о выселении! — взвизгнул тот. — Вот сволочи! Нет, какое они имеют право?

— Всякое! — уточнил Джонни. — Ничего удивительного, что бедняга Морт послал нам книги наложенным платежом. У него безвыходное положение. Пропавши пропадом экспресс-почта, где не верят честному человеку на доллар-другой.

Джонни подергал за ручку и даже попытался лягнуть дверь. Сорвав с двери бумажку, он ее прочел.

— За какие-то паршивые восемьдесят баксов! Плата за два месяца! — возмутился он. — Им бы радоваться, что заполучили в этот крысятник хоть какого-то жильца, пусть и неплательщика!

Швырнув бумажный клочок на пол, он направился к лестнице.

— Что же делать, а? — сказал Сэм. — Морт был нашей единственной надеждой. Деньжат бы не подбросил, так наверняка раскошелится бы на дюжину книжек. Никогда прежде он нас так не подводил!

— При чем тут он? Морт — парень честный, по счетам платит, и у хозяев вошло в привычку ожидать от него денег. Логично? Логично... Но если он не заплатил? Что они делают? Запирают дверь и не впускают его. Тогда резонно поинтересоваться, где наш Морт. Логично? Логично...

Они уже направлялись к выходу, когда парадная дверь открылась и в дом вошел мужчина в потрепанном костюме со скорбным выражением лица. На вид лет сорока, со щетиной на скулах и подбородке, с копной вздыбленных черных волос, Морт Мюррей смахивал на безработного, оставшегося давным-давно без всяких средств к существованию.

— Морт!

Морт Мюррей разинул рот от изумления:

— Джонни Флетчер! Сэм Крэгг!..

Он бросился к ним с распростертыми объятиями.

— Господи, Морт! — ужаснулся Джонни Флетчер. — Что они с тобой сделали, эти мерзавцы?

Морт вздохнул, глаза у него наполнились слезами.

— Ребята, дела паршивые. Отчима выкинули с работы, я не отважился пойти к матери. Она иногда подкидывала мне доллар-другой. А вчера... — голос Морта дрогнул, — в общем, эту ночь мне пришлось спать в подземке!

Джонни сочувственно покачал головой. Он забыл, что последние две недели они с Сэмом были бы рады поспать в гостеприимной подземке, с крышей над головой.

— Теперь мы понимаем, почему тебе пришлось послать нам книги в Миннесоту наложенным платежом!

Морт Мюррей поморщился:

— Братцы, я ведь вас никогда не подводил, правда? Надеюсь, неудобств я вам не причинил?

— Да нет, конечно! — сказал Джонни.

— Да нет, конечно! — повторил Сэм Крэгг. — Нас всего-навсего бросили из-за этого в тюрьму. И с тех пор мы практически голодаем, но пусть тебя это не тревожит...

— Кончай нудить! — оборвал его Джонни. — Морт, теперь все будет в порядке. Смотри, от нас кожа до кости остались, но не бери в голову. Есть у тебя немного книжек, кроме тех, что заперты наверху?

Морт Мюррей понурил голову:

— Ни одной, Джонни. Они застали меня врасплох. Если бы я только знал...

Джонни задумался.

— А окна куда выходят? — спросил он после непродолжительной паузы.

— Во двор. Но на них решетки.

— Да-а, фигово! А кто домовладелец?

— Какое-то благотворительное общество владеет здесь всей недвижимостью. Вы же знаете, что это означает.

— Жулики и воры! Все эти благотворительные организации наживаются за счет налогоплательщиков. Слушай, позвони им. Спроси, сколько возьмут за то, чтобы отпереть дверь.

— Как же я им позвоню? Пять центов у вас найдется?

Джонни посмотрел на Сэма. Тот обиделся:

— Ты ведь знаешь — у меня нету.

— На той стороне улицы магазинчик «Итальянские деликатесы», — вспомнил Джонни. — Какие у тебя отношения с хозяином? Может, позволит позвонить по его телефону?

— У него телефон-автомат, — вздохнул Морт. — И потом, я должен ему пару баксов.

— Центом меньше, центом больше — роли уже не играет. Пошли...

Перейдя улицу, они зашагали к итальянцу. Морт бодро приветствовал хозяина:

— Можно воспользоваться вашим телефоном?

— Почему нет? — угрюмо отозвался тот. — Опустить пять центов и звони.

Джонни перехватил инициативу:

— Послушайте, Тони, Морт на нуле, а я оставил деньги дома... Забыл на пианино! Морту позарез надо позвонить своему дяде, а его дядя — партийный босс вашего Сорок четвертого избирательного участка. Он жутко любит оказывать мелкие услуги потенциальным избирателям. Дядя обещал Морту одолжить двадцать долларов. Морт, как получит двадцатку, вернет вам те два доллара, которые должен. Дайте ему пять центов.

Тони смерил Джонни Флетчера ледяным взглядом, потом нажал клавишу на кассовом аппарате и извлек из ящичка для денег пятицентовик. Морт взял монету и направился к телефонной кабине. Через три минуты он вышел, весь в испарине.

— Ну как, Морт? Порядок?

Морт уныло покачал головой.

— Сколько они заломили?

— Сто двадцать баксов.

— Озвереть! А ты должен им всего восемьдесят...

— Да. Но на следующей неделе истекает срок платежа за текущий месяц. Они говорят, дверь не откроют, пока я за все три месяца не заплачу.

Джонни вспылел. Сэм Крэгг тоже разошелся. Морт Мюррей стоял и молчал. У него не было сил протестовать. Итальянец Тони вышел из-за прилавка.

— Послушайте, синьор Мюррей, — обратился он к Морту. — Вам надо сто двадцать долларов?

— Позарез!

— Я знаю, синьор Мюррей, у вас есть свой бизнес, а это кто есть? Ваши друзья, ваши клиенты? — частил итальянец на ломаном английском.

— Лучшие из всех! Но без книг они не могут работать. Заказов-то у меня полно, но все в кредит...

— Так-так, синьор Мюррей! — кивнул Тони. — Я вам помогать. Даю вам деньги!

— Да вы что?! — Джонни Флетчер не поверил своим ушам. — Вы даете Морту сто двадцать долларов?

— Так-так, но не я! Я, что ли, Рокфеллер? Не-ет, у меня есть брат моей жены, вот он давать вам деньги. Ждите, я звонить ему...

Через полминуты он вышел из кабинки:

— Сейчас придет. Я знаю, что он играть в бильярд за углом. Кармелла дать вам деньги.

Вскоре в магазине появился Кармелла. Субъект лет тридцати с кожей оливкового цвета. В шикарном костюме, при ярко-красном галстуке с бриллиантовой булавкой — вылитый Фрэнк Синатра. Он оглядел всех с хитрованским прищуром и подошел к Тони.

— Привет! — Он улыбнулся. — Слышал, вам нужны деньги.

— А кому они не нужны? — сказал Джонни.

Кармелла смерил Джонни спокойным взглядом:

— Звать меня Кармелла. Кармелла Джонуальди. Я работаю на Джулиуса, так что тут вы не ошибетесь. Кому из вас нужны деньги?

Морт Мюррей слегка струхнул.

— М-мне... — промямлил он. — Сто двадцать долларов.

Кармелла посмотрел на Тони. Тот кивнул:

— У него свое дело, в доме через дорогу. Книги... или что, не знать.

Из кармана брюк Кармелла вытащил пачку, перетянутую резинкой, и отсчитал пять двадцатидолларовых банкнотов.

— Раз вы приятель Тони, даю вам фору. Проценты — десять долларов в день. До среды проценты не начисляю. Один из моих ребят будет приходить за процентами... ежедневно.

— Ни фиги себе! А не лопнешь от таких процентов? — Джонни закипал.

— А ты, умник, попробуй сунься в банк — там меньше! — Кармелла смерил Джонни презрительным взглядом и обернулся к Морту: — Имей в виду, друг, мы любим, когда проценты выплачивают точно в срок. — Не дожидаясь ответа, он кивнул и вышел из магазина.

— Круто! — поежился Джонни. — Ну, Тони, и родственнички у вас!

— О, конечно! Кармелла в порядке. Его выпускать из тюрьмы... как это по-вашему... За поруки? Так? Он ломать рука один синьор на той неделе.

— Пошли отсюда, — буркнул Сэм Крэгг.

— Так-так! — сказал Тони. — А кто вернуть мне два доллара сорок центов?

— Завтра! — бросил Джонни на ходу. — Морту надо сэкономить, потому как проценты неслабые. Пошли, Морт!

На улице он сказал:

— Ну, теперь к благотворителям. Дадим им восемьдесят, а если упрутся рогом, я им кое-что объясню.

— Совсем другое дело, Джонни! — Сэм Крэгг повеселел. — Мне уже лучше. Наши общие невзгоды позади. — Он вытащил из кармана носовой платок и карты. — Морт, ты когда-нибудь видел фокус с платком?

— Ну, Сэм, ты даешь! — воскликнул Морт. — Неужели за фокусы взялся?

Джонни рассмеялся:

— Весь фокус в том, что у него всегда только покусы получаются!

Сэм пропустил выпад друга мимо ушей. Обмотав руку платком, он взял карты, но они упали и рассыпались по тротуару.

— Вот это фокус так фокус! — прыснул Морт.

— Именно! — отозвался Джонни. — Фокус-покус в том, чтобы разбросать карты как можно дальше. Ну хорошо! Пошли разбираться с благотворителями. У меня просто руки чешутся.

Глава 11

Когда они вышли из ресторана, Морт пожал руки Сэму и Джонни:

— Слушайте, братцы, я совершенно не беспокоюсь насчет Кармеллы. Вот только...

— Конечно, Морт! — заверил его Джонни. — Можешь на меня положиться. Мы прямо сейчас отправляемся на промысел. Завтра утром придешь к себе в контору, а мы уже там! С кое-какими деньжатами.

— Голову даю на отсечение, — сказал Сэм вполголоса.

В каждой руке он нес по картонной коробке с книгами с таким видом, словно они весили килограмма два, а не двадцать. Морт еще раз пожал им руки и заспешил назад в свою контору. Джонни с Сэмом направились на Четырнадцатую улицу. Джонни окинул ее взглядом:

— Вон стоит коп. А потом, я здесь как-то уже работал. Давай проверим, смогу ли я еще где-либо собрать приличную толпу, которую не сможет разогнать даже полиция.

— А не смотаться ли нам в пригород? Пара баксов у нас найдется.

— Это куда же? — прищурился Сэм.

Джонни задумался:

— Уайт-Плейнс? Скардсдейл? А может...

— Хочешь сказать — не рвануть ли нам в Хиллкрест?

— А что? Славное местечко!

— Так я и знал! Ты все время думал об этом. Подружка Тома живет в Хиллкресте. Не терпится сунуть туда свой нос? А я вот не хочу! Мы наконец-то избавились от этих «Говорящих часов», и я не желаю больше слышать обо всей этой истории, вот и все. Короче, я в Хиллкрест ни ногой!

Ну и конечно же они отправились на Сорок вторую улицу, на Центральный железнодорожный вокзал — Грэнд-Сентрал — и поехали в Хиллкрест. Только сошли с поезда, Джонни сразу направился в какой-то магазин узнать, куда им идти. Через минуту он вышел со странным выражением лица.

— Ловим тачку! — сообщил он Сэму. — Пешком далековато будет.

— Куда далековато?

— Увидишь... Такси!

Усадив в машину Сэма вместе с коробками, в которых были книги, он наклонился к водителю и, понизив голос, сказал, куда ехать.

Такси развернулось и помчалось по извилистой улочке. Мелькали дома, лужайки, деревья... Через несколько минут водитель дал по тормозам и объявил:

— Пятьдесят центов с вас!

— Что-о, кладбище? — Сэм был потрясен. — Какого...

— Тише, не гони волну! Хоронят Саймона Квизенберри, — объяснил Джонни. — Он тут был уважаемым человеком, так что на кладбище весь городок, в том числе и те, кого мы хотим повидать.

— Терпеть не могу таскаться по кладбищам, — упрямился Сэм. — Век бы их не видеть! Пойдем отсюда. Ты, Джонни, то и дело попадаешь в истории. Если ты и сейчас меня куда-нибудь травмишь, я этого не вынесу!

— Заткнись, Сэм! — Джонни заплатил таксисту и зашагал по гравиевой дорожке туда, где толпилось множество людей.

Было бы преувеличением сказать, будто здесь собрался весь Хиллкрест. Однако человек пятьсот точно пришли, а то и больше.

Обогнав Сэма, Джонни стал пробираться в обход. Церемония шла полным ходом. До него доносился монотонный голос — читали требник. Однако Саймон Квизенберри Джонни не занимал. Он умер, и все. Однажды Джонни тоже умрет и перестанет интересоваться кем бы то ни было.

Он искал в толпе лицо девушки Тома. И хотя обошел кругом всю толпу, внимательно всматриваясь в лица всех молодых женщин, ее найти не смог. Тем временем Сэм поставил тяжелые коробки на землю и уселся на одну из них.

Сквозь просвет в толпе Джонни видел представительную фигуру владельца похоронного бюро. Во фраке и полосатых брюках, он, казалось, руководит всей церемонией. Прозвучал его зычный голос:

— Хочет ли кто-либо из присутствующих сказать об усопшем что-либо, прежде чем его бранные останки будут преданы земле?

Желающих не нашлось. Никто даже не всхлипнул. Джонни был поражен. Он не заметил в толпе ни единого заплаканного либо искаженного горем лица. Люди пришли поглазеть на то, как гроб с телом Саймона Квизенберри опустят в могилу. И ни один человек его не оплакивал.

Джонни кинулся к Сэму:

— Сэм, хватай коробки и быстро к воротам!

— Ну ты даешь! — Сэм покачал головой. — Ты что, собираешься...

— Вот именно! — отрезал Джонни. — Здесь скорбящих нет. Может, они размышляют о загробной жизни, ну и Бог с ними. Для нас важно другое — все они в умилении, то есть в размягченном состоянии. Ну, давай в темпе!

Толпа уже двинулась к воротам. Однако прежде чем кто-либо вышел из ворот, Джонни уже вскочил на одну из коробок, а Сэм, снимая куртку, — на другую. Он стягивал с себя рубашку, когда подошли первые зрители странного зрелища.

Воздев руки над головой, Джонни загремел:

— Леди и джентльмены, минуту внимания! Только что мы проводили в последний путь нашего дорогого земляка Саймона Квизенберри. Отдав покойному свой последний долг, вы теперь возвращаетесь, если угодно, к жизни. Но прежде чем вы уйдете, позвольте кое-что поведать — всем вам, кто сегодня живет и здоровствует.

Сэм потупил взор, он уже готов был уронить слезу, а Джонни продолжил:

— Однажды вас тоже пронесут через эти ворота. Будем надеяться, это случится не скоро. Пусть впереди у вас будут долгие годы спокойной жизни. Леди и джентльмены, живите очень-очень долго! Если вы ведете скромную, размеренную жизнь и заботитесь о своем здоровье, а по сути — о своей жизни, то прошу вас, взгляните, пожалуйста, на моего друга... — Джонни похлопал его ладонью по груди. — Взгляните на него! Разве мой друг не образец физического здоровья? Обратите внимание на его мускулатуру, на его великолепную грудную клетку. Прекрасно, не правда ли?.. А ведь... — Джонни понизил голос, но слышно его было далеко, — а ведь не так давно это пышущее здоровьем тело было лишь скорлупой, подтачиваемой тяжелой болезнью! Нынешние сто килограммов мускулов были просто его тенью. Он весил всего сорок четыре килограмма! Лучшие доктора страны вынесли приговор, мол, жить ему осталось не больше полугода...

Исход толпы с кладбища приостановился. Любопытные столпились у ворот, водители машин не решались подавать звуковые сигналы. Все же кладбище! Как-никак неприлично... Джонни продолжал витийствовать. Не прекращая говорить, он взял пояс из прочной ткани и крепко обвязал им грудь Сэма.

Голос его возвысился:

— Он пришел ко мне — слабый, умирающий — и сказал: «Врачи отказались от меня. Терять мне нечего. Попробуй свои методы на мне. Не думаю, что получится, но вдруг...» Он предоставил себя мне. Если бы ничего не получилось, он бы не стал меня упрекать. Но разве я не преуспел? Взгляните на него! Леди и джентльмены, перед вами — юный Самсон. Взгляните на его мощный торс, на сияющее, пышущее здоровьем лицо... Посмотрите на него! — Джонни возвысил голос до крика. В это время Сэм, сделав глубокий вдох, распрямился.

Все стихло. Вдруг послышался громкий хлопок — пояс, обвязанный вокруг груди Сэма, щелкнул и упал к его ногам.

— Видели? — гремел Джонни Флетчер. — Он разорвал этот прочный пояс обыкновенным расширением грудной клетки. Найдется ли среди присутствующих мужчин хоть одни, способный на такое? Конечно же нет. Потому что никто из вас не знаком с секретами бодибилдинга. Но подождите минуту...

Нагнувшись, Джонни вскрыл коробку и извлек оттуда прочную металлическую цепь около двух метров длиной. Он высоко поднял ее над головой:

— Леди и джентльмены, видите эту цепь? Она из прочных металлических колец, выкованных искусным кузнецом. Это так называемая трелевочная цепь. Ее используют на лесозаготовках и на строительных площадках. Смотрите на меня внимательно, леди и джентльмены!

Джонни принялся обматывать Сэма цепью. Соединив концы цепи перед грудью Сэма, он туго натянул их и перекрутил.

Пока он трудился, в толпе послышалось:

— Что этот парень собирается делать? Между прочим, кто он такой?

— Здесь, на кладбище... — негодовали другие.

Женский голос пронзительно завизжал:

— Это святотатство!

Люди начали толкаться, протискиваясь к выходу. Джонни снова воздел руки:

— Минуточку! Всего одну минуту. Вы увидите, как юный Самсон разорвет эту цепь! Такого никто из вас прежде не видел и больше никогда не увидит! Взгляните на живое воплощение силы, прежде слабое создание...

Сквозь толпу, обливаясь потом, протиснулся местный полицейский:

— Послушайте, что вы тут делаете? Кто вы, собственно, такой?..

— Я — благодетель общества! — отчеканил Джонни. — Вот кто я такой! Много лет назад я открыл секрет здоровья. И с тех пор посвятил свою жизнь благородному делу распространения в обществе и разъяснения секретов долголетия. Даже для вас, офицер, мои знания окажутся

полезными. Вы хорошо сложены, сильны и выглядите вполне здоровым. Но в состоянии ли вы положить на лопатки моего друга? Пока нет, но сможете, если прочитаете внимательно книгу, которую я вам сейчас покажу. Она называется «Каждый человек — Самсон». На ее страницах вы найдете упражнения и формулы, овладев которыми юный Самсон стал таким, какой он сейчас перед вами.

— Книготорговец, реализатор... — Полицейский задержал дыхание. — Ну-ка, ну-ка...

— Смотрите! — закричал Джонни. — Смотрите, как юный Самсон разрывает цепь! Смотрите на него!

Сэм слегка присел, развел ноги в стороны и набрал в грудь воздуха. Затем, медленно выдыхая, начал распрямляться. Мышцы у него напряглись, лицо покраснело от напряжения, по лицу заструился пот.

Железные кольца впились ему в тело... Зрители не сводили с него глаз.

Выше... выше... Вены на шее Сэма вздулись, как канаты, лицо почти почернело...

И тут послышался щелчок! Кольцо лопнуло, и цепь, отлетев от Сэма, просвистела в воздухе совсем близко от полицейского и упала на землю. Все стоящие впереди увидели своими глазами сплюсненное, разорванное звено цепи...

Джонни спрыгнул с коробки, вскрыл ее и вынул стопку книг:

— Вот эта книга, леди и джентльмены! «Каждый человек — Самсон»... Здесь секреты жизни, энергии и здоровья. Всего за два доллара девяносто пять центов!

Он атаковал толпу с энергией, в полном соответствии с удивительным зрелищем. За ним, отдуваясь, шел Сэм с охапкой книг, которые он раздавал направо и налево, брал деньги и поигрывал мускулами. Желающие имели возможность рассмотреть их вблизи.

Люди обменивались впечатлениями. Над толпой гремел голос Джонни Флетчера. Он убеждал, увещевал, настаивал:

— Два доллара девяносто пять центов! Такая малость за годы жизни без лекарств! Два доллара...

Толпа редела. Вереница машин спускалась с холма в направлении Хиллкреста. Пешеходы тоже потянулись к выходу. Через десять минут на кладбище осталась лишь горстка людей.

Пнув ногой коробку, Джонни обнаружил, что она опустела, и швырнул оставшуюся у него пару книжек в другую.

— Неплохо, Сэм, совсем неплохо...

Сэм тихонько сказал:

— Коп все еще здесь.

Он нагнулся и подобрал с земли рубашку и куртку.

— Эй, вы, двое, постойте-ка! — решительно обратился к ним полицейский. — Так делать не положено. Вы обыкновенные реализаторы, стало быть, торгоши, и заявили на кладбище...

Джонни хлопнул в ладоши:

— Ну какой же я растяпа! Вот, пожалуйста, офицер! Экземпляр книги «Каждый человек — Самсон» и... Нет, нет! Я отказываюсь брать у вас деньги. Книга ваша, сэр, абсолютно бесплатно. Никакой оплаты. Примите в подарок от меня и юного Самсона...

Взяв книгу, полицейский зарделся и насупился. Потом покачал головой.

— Вот ведь дьявольщина какая! — сказал он, листая страницы.

— Ну, как? — улыбнулся Джонни.

— Спасибо, конечно, но больше так не делайте, мистер. Только не в Хиллкресте. У нас действует распоряжение насчет торговцев. Торговая палата поднимет скандал. Считается, что таким образом из Хиллкреста денежки уплывают на сторону.

— Слушаюсь, офицер. А теперь не покажете ли, где поместье покойного Саймона Квизенберри?

Глава 12

Железные ворота выглядели внушительно, а Джо Корниш, вышедший из сторожки на звонок Джонни Флетчера, — еще внушительнее.

Он оглядел Джонни и Сэма с головы до ног. Видимо, особого впечатления они на него не произвели, потому что спросил он довольно грубо:

— Чего надо?

— Уважаемый, хотелось бы повидать мистера Эрика Квизенберри, — сказал Джонни.

— Квизенберри не принимают, — отрезал Корниш.

— Позвоните из сторожки в дом и передайте мистеру Квизенберри, что его хочет видеть один джентльмен... насчет дяди Джо из Коламбуса, штат Огайо. Уверен, Квизенберри нас сразу примут.

— Нет у них никакой родни в Огайо. Чего вы тут сочиняете?

— А вы-то сам кто будете? Их бедный родственник, что ли? Тогда звоните, да побыстрее! — усмехнулся Джонни.

— А то перелезу через ограду и вобью тебе зубы в глотку, — пообещал Сэм Крэгг.

С секунду Корниш пялился на Джонни. Затем, пожав плечами, пошел в сторожку. Выйдя оттуда, отворил калитку.

— Подожду, когда пойдете обратно, — многозначительно пообещал он.

— Отлично! — хохотнул Сэм.

Шагая по подъездной аллее к дому, Джонни обратил внимание на планировку:

— Гляди-ка, поместье-то в виде циферблата! Саймон Квизенберри, царство ему небесное, определенно свихнулся на своих часах.

— Там, где он сейчас, часы ему не нужны, — философски заметил Сэм. — А если Эрик Квизенберри хоть вполовину так смышлен, как мне кажется, то и нам долгие годы придется обходиться без часов.

— Ну ты и пессимист, Сэм! Как всегда. Да этому Квизенберри сейчас-то наверняка уже известно, что мы не убивали его сына. — Вполголоса Джонни добавил: — Хочется надеяться...

Когда они подошли к веранде, из дому вышел Эрик Квизенберри, в твидовом костюме.

— Вы из Коламбуса? — спросил он, нахмурившись.

— Мы там были, — сказал Джонни. — И в Миннесоте тоже.

— Вот оно что! — воскликнул Эрик Квизенберри. — Тогда вы, стало быть, Джон Смит...

— Совершенно верно! А он — мой друг, Джон Джонс.

Квизенберри хмыкнул:

— Ладно, для начала сойдут и такие имена. Так это вы оставили в отеле для мисс Раск некую квитанцию?

— Да, это мы оставили квитанцию из ломбарда. На «Говорящие часы»... она их выкупила?

— Вчера вечером она вернула их мне. Мисс Раск рассказывала о вас, но буду с вами откровенен. Я не понимаю. Вы... Это вы находились в тюремной камере вместе с моим сыном Томом?

Джонни кивнул:

— Мы провели вместе всего одну ночь, но мы не убивали его. Именно это я и хотел вам сообщить. Собственно, для этого мы сюда и пришли. С нами в камере сидел еще один. Его посадили раньше нас, то есть, когда мы появились, он уже был в камере вместе с Томом.

— Как он выглядел?

— Грязный, обросший... Бродяга из бродяг. А ночью Том тайком сунул мне в руку квитанцию из ломбарда. Видимо, он опасался его. А утром... — Джонни бросил неуверенный взгляд на Эрика Квизенберри.

— Ничего, — кивнул он, — продолжайте. Я хочу знать все.

— Утром Тома уже не было в живых... Пришел констебль, стал нас будить, а бродяга вытащил нож, пырнул констебля и кинулся вон. Мы за ним...

— Зачем? Если вы невиновны, зачем надо было убежать?

— Мы действовали, поддавшись порыву. Откровенно говоря, посадили нас за бродяжничество. После ряда неудач мы оказались совершенно на мели. Когда бродяга сбежал, я сразу понял, что убийство Тома повесят на нас! А шансов оправдаться — никаких...

— Я беседовал с тем констеблем. Фич, или как его там... Он вроде бы уверен, что вы либо... — Квизенберри покосился на Сэма, — ваш компаньон совершили... убили Тома...

В дверном проеме появилась Бонита Квизенберри.

— Извини, Эрик, — сказала она. — Корниш только что звонил снизу. К нам едет грек.

Бонита Квизенберри перевела взгляд с Джонни на Сэма и вышла на веранду. Послышался шум машины. Обернувшись, Джонни увидел длинный автомобиль типа «купе». Перед верандой машина затормозила. Из нее выбрался высокий человек лет сорока, с оливкового цвета кожей.

— Добрый день, мистер Квизенберри, — сказал он.

— Добрый день, Бос. Чем обязан?

Николас Бос обнажил в улыбке частокол белоснежных зубов:

— Прошу прощения, но я такой нетерпеливый... Вот приехал, увы, за часами.

— Времени зря не теряете, — заметила Бонита Квизенберри.

Муж неодобрительно посмотрел на нее и произнес:

— Дорогая, но ведь отец говорил, что...

— Да, говорил, — оборвала его Бонита. — И про «Говорящие часы» тоже! О них-то речь не идет?

— Прошу прощения, — вмешался Николас Бос, — вы... получили... «Говорящие часы» теперь у вас?

— Да! — кивнула миссис Квизенберри. — И один коллекционер из Торонто уже сделал нам весьма выгодное предложение...

— Нет! Вы не можете продать... Саймон хотел, чтобы я иметь их...

— Не задаром же! Заплатите за них, и они ваши!

По оливково-смуглому лицу грека пробежала тень неудовольствия, однако он церемонно поклонился и произнес:

— Вы позволить мне смотреть часы?

— Думаю, это можно. — Эрик Квизенберри глянул на жену. Она кивнула. Не ожидая приглашения, Джонни шагнул к дверям и столкнулся с Эриком. — Дорогая, — обратился он к жене, — я забыл представить мистера Смита и... мистера Джонса. Джентльмены, мистер Николас Бос...

— Смит, — хмыкнула Бонита Квизенберри, — и Джонс! Это не...

— Что касается Смитов и Джонсов, — сказал Джонни с ухмылкой, — мы — те самые, которые вернули старинные «Говорящие часы». Однако нам не удавалось на них взглянуть, а хотелось бы. Не возражаете?..

Бонита Квизенберри смерила Джонни холодным взглядом:

— А вам-то какое дело? Дайану вам удалось обвести вокруг пальца, но что до меня, я убеждена...

— Дышите глубже, мадам! — улыбнулся Джонни. — Это помогает! Если бы не мы, вам бы не видать «Говорящие часы»...

— Это еще как сказать! — не сдавалась Бонита. — Тут много такого, что мне, мягко говоря, не нравится.

— Здесь я с вами полностью согласен, поэтому и хочу взглянуть на часы, — сказал Джонни.

Бонита пошла в дом. Все последовали за ней. Миновав холл и гостиную, вошли в комнату со стенами, обшитыми панелями из сосны. Джонни остановился как вкопанный. Сэм, выглядывая у него из-за спины, присвистнул.

В комнате часов было больше, чем в часовом магазине. Да и какие часы! Большие, маленькие, средние. Из металла и дерева, камня и мрамора. Массивные напольные и крошечные настольные. Всех цветов, форм и размеров. Тускло мерцали золото и серебро, ярко сияли медь и бронза.

И все часы шли. Маятники качались, колесики крутились.

Эрик Квизенберри подошел к одной из панелей, нажал кнопку — тотчас распахнулась деревянная дверь, за которой оказался черный металлический сейф, откуда Эрик достал «Говорящие часы» и поставил их на стол посреди комнаты.

Николас Бос ахнул при виде часов, глаза у него алчно заблестели.

— Без двух минут три, — заметил Эрик Квизенберри. — Через две минуты часы заговорят.

Николас Бос любовно гладил часы пальцами.

— Да, да, да... — бормотал он, — это «Говорящие часы». Я хотеть их иметь.

— За сколько? — усмехнулась Бонита Квизенберри.

Николас Бос бросил на нее испытующий взгляд:

— Я давать пятьдесят тысяча доллар.

— Простите, не расслышала! — обронила Бонита.

Николас Бос проглотил ком в горле.

— Тот канадец... сколько, он говорить, он платить?

— Побольше пятидесяти тысяч.

— У Горация Поттера больше нет, — заявил Бос без обиняков. — Я не верить.

— Я что, по-вашему, лгу? — взвизгнула Бонита, раздувая ноздри.

Бос поднял руки вверх, как бы защищаясь от ее гнева:

— Нет, нет, мадам. Я... это есть термин, употребляемый в бизнесе. Вы хотите получить больше денег, я говорю — нет.

— И ты позволишь ему вот так просто уйти, а, Эрик? — обратилась Бонита к мужу.

Квизенберри кашлянул. Он был в замешательстве. Джонни стало ясно, кто в семействе Квизенберри верховодит.

— Послушайте, мистер Бос... — начал Эрик.

И тут началось светопредставление. Ровно в три зазвучали все часовые механизмы — каждый на свой лад: кукушки куковали, колокола били, трубы трубили, куранты играли свои мелодии, молоточки ударяли в гонги...

В первый момент Джонни чуть с ума не сошел, но затем попытался сосредоточиться на «Говорящих часах». Он видел, как из дверцы вышел с поклоном золотой человечек, но слова, которые он произносил, заглушал шум, производимый остальными часами. Николас Бос буквально прильнул к человечку, и Джонни заметил, что на лице у грека появилось выражение сильного изумления.

Било только три, так что часы вскоре успокоились. Интересно, подумал Джонни, что здесь творится в полдень и в полночь... Наверно, от трезвона и в погребу не скроешься!

Шум затих. Николас Бос выпрямился и объявил:

— Я давать семьдесят пять тысяча доллар.

— Наконец-то я слышу разумные речи, — оживилась Бонита Квизенберри. — Ты что-то сказал, Эрик?

Эрик Квизенберри опять кашлянул, а затем промямлил:

— Мистер Бос, полагаю, мы договорились о сделке. И если, сэр, вы готовы заплатить наличными, думаю, можно приступить к оформлению купчей.

— А вы ничего не забыли? — вмешался Джонни. — Судя по сообщениям в газетах, «Говорящие часы» Саймон Квизенберри завещал своему внуку Тому.

— Я это знаю, — нахмурился Эрик Квизенберри. — Но раз я его отец, часы, естественно, переходят...

— Может, и так, — заметил Джонни, — а может, и нет.

Бонита Квизенберри вмиг оказалась рядом с Джонни.

— Послушайте, да кто вы такой, — повысила она голос, — что вмешиваетесь в наши дела? Насколько я помню, вы...

— Джон Смит, знакомый Тома Квизенберри, вашего пасынка...

— Который и убил его!

— Нет. — Джонни криво усмехнулся. — Я оказался последним, кто разговаривал с Томом перед его смертью. Он, миссис Квизенберри, кое-что порассказал мне, в том числе и о том, почему он убежал из дому. — Джонни повернулся к Боните спиной. — Мистер Квизенберри, вы отец Тома, но все равно, прежде чем вы заключите сделку о продаже «Говорящих часов», советую

вам проконсультироваться с юристом. Это может избавить вас от неприятностей. Видите ли, у вашего сына, возможно, есть еще кое-какие близкие родственники, имеющие право претендовать на часы...

Эрик Квизенберри сделал большие глаза:

— О чем это вы, сэр?

— Тома не было дома целых три месяца, прежде чем он... умер. Возможно, за это время успел жениться.

— Чепуху какую-то вы говорите! — Эрик уставился на Джонни.

Джонни молчал. Эрик повернулся к жене. Бонита побледнела и спросила:

— Эрик, в чем дело? Том женился на Дайане?

— Я не в курсе, — сказал Эрик. — Но если даже и так... — Он обернулся к Джонни Флетчеру. — Сэр, что вам об этом известно?

— Собственно говоря, ничего. Меня просто вдруг осенило. В конце концов, вашего сына практически выгнали из дому...

— Что это вы такое себе позволяете? — взорвалась Бонита. — Выгнали, видите ли... Эрик, прикажи этому человеку немедленно покинуть наш дом!

— Я как раз собирался это сделать, — усмехнулся Джонни. — Но прежде я бы просил вас, мистер Квизенберри, ответить на один вопрос. Нанимали ли вы или ваш покойный отец частного детектива по имени Джим Партридж?

Джонни показалось, что Бонита Квизенберри вот-вот лишится сознания. Она вздрогнула, как от удара, и часто-часто заморгала.

Квизенберри, похоже, пришел в замешательство:

— Джим Партридж! Вы сказали, Джим Партридж?

— Ну да, Джим Партридж! Частный детектив... Я столкнулся с ним в Коламбусе. На мой взгляд, он охотился за «Говорящими часами».

— Этого не может быть! — сказала громким шепотом Бонита. — Я... давным-давно потеряла его из виду.

Квизенберри внимательно посмотрел на жену. Лицо его медленно покрывалось румянцем.

— Бонита, — сказал он, — по-моему, нам стоит это... обсудить.

— Значит, Партриджа вы не нанимали, — уточнил Джонни.

Квизенберри покачал головой:

— Может быть, отец...

Когда Джонни с Сэмом направились к выходу, Квизенберри окликнул их:

— Молодые люди, в случае чего, как мне вас разыскать?

— Мы сами вас найдем, если что, — отозвался Джонни. — Счастливо оставаться, миссис Квизенберри.

Спускаясь по дорожке, Джонни оглянулся на дом и сказал:

— Не нравится мне все это!

— Мне тоже, — вздохнул Сэм. — Вся семейка какая-то чокнутая. А знаешь почему? Потому что весь этот бедлам с часами кого хочешь сведет с ума! — Дверь сторожки была распахнута, и они увидели, что враждебно настроенный привратник разговаривает по телефону. Сэм замедлил шаг: — Может, разберемся с этим типчиком?

Не прекращая разговора, Корниш бросал на них злобные взгляды. Джонни и Сэм вышли из ворот.

Внизу, у подножия холма, раскинулся Хиллкрест.

— Ну что, возвращаемся в город? — спросил Сэм.

— Возвращаемся, но немного погодя, — ответил Джонни.

— Почему не сразу? Собираешься и дальше здесь ошиваться? Мачеха бедняги Тома та еще штучка! С нее станется вызвать копов, и нас сцапают!

— Похоже на то! Упоминание о Партридже ее просто подкосило. Интересно, что он за птица, этот Партридж? — Джонни подмигнул Сэму. — Не терпится разузнать...

— Джонни, что ты опять задумал? Клянусь, я скоро протяну ноги.

— Хочу мисс Раск навестить. Помнишь, она говорила, что живет в Хиллкресте?

— Мисс Риск, мисс Риск... Она совсем девчонка! — обронил Сэм.

— Ну и что? В наши дни венчают даже шестнадцатилетних. Девчонки всегда выскакивают за парней, к примеру, постарше меня. А нашей Дайане лет девятнадцать, а то и все двадцать. Не исключено, у нее найдется кузина либо подруга... Для тебя.

Сэм все еще хмурился, но уже не протестовал. На главной улице Джонни зашел в аптеку с целью узнать адрес. Выйдя, он кивнул на многоэтажное здание в конце с улицы:

— Она вон в том доме живет, вместе с матерью.

На их звонок дверь открыла Эллен Раск. На ее лицо набежала тень.

— Вы — те самые, кто...

— Которые продавали книги, — быстро проговорил Джонни. — Но не волнуйтесь. Мы друзья вашей дочери... И Тома Квизенберри.

— Не понимаю. Дайана ничего не говорила...

— Она не рассказывала вам, как двое незнакомцев в Коламбусе помогли ей вернуть «Говорящие часы»?

— Да! А вы, стало быть...

— Смит и Джонс, — представился Джонни. — Ваша дочь дома?

— Жду ее с минуты на минуту... Проходите, пожалуйста! Думаю, все в порядке.

— Спасибо.

Они вошли в опрятную квартиру. Миссис Раск провела их в гостиную и жестом предложила сесть на диван. Сама опустилась в кресло.

— Миссис Раск, — начал Джонни без обиняков, — вы когда-либо слышали о человеке по имени Джим Партридж?

Она вздрогнула, стало ясно — слышала. Но с ответом помедлила.

— Миссис Бонита Квизенберри когда-то была за ним замужем, — сказала миссис Раск после непродолжительной паузы.

— Ах вот оно что! — воскликнул Джонни. — А вы когда-нибудь видели Партриджа?

— Нет, не доводилось. — На губах Эллен Раск появилось подобие улыбки. — Джим Партридж в семье Квизенберри — тайна, покрытая мраком.

— Вы и миссис Квизенберри подруги?

Эллен Раск смутилась:

— Не понимаю... куда вы клоните... мистер?..

— Я — Смит, он — Джонс. Сейчас объясню. Произошло недоразумение, в результате которого нас с Сэмом... то есть нас с Джонсом... чуть не... Грубо говоря, мы как бы скрываемся от правосудия. Нас обвиняют в... — Джонни пожал плечами.

— Да, я знаю. Но... зачем вы пришли сюда? Меня допрашивать?

Джонни задумался. Помолчав, спросил:

— Ваша дочь была только помолвлена с Томом Квизенберри? Хотя он отсутствовал какое-то время, она сразу помчалась в Миннесоту, когда узнала, что он в беде. Провела за рулем целые сутки... — Он кинул на миссис Раск внимательный взгляд.

Миссис Раск словно окаменела. Она так крепко вцепилась в подлокотники кресла, что костяшки пальцев побелели.

— Прошу прощения, но скажите, — Джонни вздохнул, — не обвенчались ли они... тайно?

— Какие у вас основания так полагать? — тихо, но твердо спросила Эллен Раск.

— Совсем недавно я высказал Эрику Квизенберри свое предположение на этот счет. Он пришел в волнение, и мне показалось, что он как раз склонен в это поверить.

— Нет, — сказала Эллен Раск. — Моя дочь не была замужем за Томом Квизенберри. На самом деле она...

У входной двери раздался звонок, и она мгновенно вскочила:

— Извините! Я сейчас...

В комнату вошла Дайана Раск. Увидев Джонни и Сэма, она пришла в изумление:

— Вот уже не ожидала...

— Здравствуй, мисс Раск, — ухмыляясь, произнес Джонни.

Эллен Раск оживленно жестикулировала, но дочь делала вид, будто не замечает ни ее мимики, ни жестов. Протянув Джонни руку, Дайана сказала:

— Я выкупила часы Тома. Рада, что вы к нам зашли. Теперь я могу поблагодарить вас.

Джонни состроил скорбную гримасу:
— Зачем вы отдали часы мистеру Квизенберри? Он сегодня чуть было их не продал!
— По-моему, они теперь принадлежат ему, так что он волен делать с ними все, что угодно. Разве не так?
— Мисс Раск, дед завещал часы именно Тому и...
— Дайана, — вмешалась вдруг Эллен Раск, — пожалуйста, пойдем на минуту в спальню. Джонни вздохнул и обронил как бы невзначай:
— Тип по фамилии Бос предложил за часы семьдесят пять тысяч долларов.
— Семьдесят пять тысяч!.. — всплеснула руками Дайана.
Миссис Раск взяла ее под локоть и увела. Джонни снова сел на диван. Сэм поморщился и сказал:
— По-моему, нам пора сматываться! Миссис Раск, похоже, ударилась в амбицию. Ты уж с ней больно круто!
— А-а-а! — отмахнулся Джонни. — Ничего страшного. По-моему, Дайана имеет право на свою долю. А между тем миссис Квизенберри готова захватить все.
Мать и дочь Раск вышли из спальни. Дайана была бледна, на лице у ее матери застыло решительное выражение. Подтолкнув Сэма локтем, Джонни поднялся:
— Просим прощения за беспокойство, миссис Раск, но нам пора.
— А ваш вопрос? Вы что же, передумали?
Джонни покачал головой:
— Просто отпала необходимость.
— Вот как? А ведь вы так настаивали...
— Настаивал, потому как миссис Квизенберри из кожи вон лезла, чтобы поскорее продать часы!
— А вы полагаете, часы должны достаться Дайане?
Разведя руки в стороны, Джонни улыбнулся, а Дайана Раск вдруг выпалила:
— Я и в самом деле вышла замуж за Тома. Перед тем, как он уехал. Но... часы мне не нужны.
— Ваше право, — кивнул Джонни. — Не нужны так не нужны...
— Спасибо за проявленное участие, мистер... — Эллен Раск вопросительно посмотрела на Джонни.
— Джон Флетчер, а это Сэм Крэгг. А теперь нам пора.
На улице Сэм Крэгг поинтересовался:
— Ну и что ты с этого поимел?
— Самое основное — информацию! Кто владеет информацией, тот владеет ситуацией.
— Слушай, Джонни. — Сэм задержал шаг. — Кожей чувствую, что тебе хочется найти убийцу Тома. Дохлый номер! Парня убили в Миннесоте. За две тысячи километров отсюда, как говорится, с концами. Почему бы не заняться собственными делами, а? Мы уже заколотили немного денег, может, продолжим?
— Ты прав, Сэм. Суеетимся как идиоты, а никому это не надо! Давай сначала решим, где будем жить. Поэтому в темпе чешем на станцию и возвращаемся в город.

Глава 13

Выйдя из пригородного поезда в Манхэттене на Таймс-сквер, они зашагали вверх по Сорок второй улице. Сэм Крэгг спросил:
— Ну, куда кости бросим?
— На Сорок пятой есть один отелишко, — заметил Джонни.
— О-о-о... — протянул Сэм. — Пибоди нам не обрадуется!
— Но и не отошьет, поскольку это противозаконно. У нас есть деньги, так что имеем право... — Они завернули за угол и через пару минут уже входили в отель.
Старший коридорный машинально шагнул им навстречу, потом всплеснул руками:

- Мистер Флетчер... и Сэм Крэгг. Господи Иисусе!
- Здорово, Эдди, — сказал Джонни. — Как делишки?
- Помаленьку... до этой самой минуты... Вон шеф идет!

По лестнице спускался управляющий отелем Пибоди, в тщательно отутюженном костюме, с белой гвоздикой в петлице.

- Мистер Флетчер! — воскликнул он. — А у вас как дела? Не очень плохо?
- А что, к вам переезжает ваша теща?

— Ха-ха-ха, — хохотнул Пибоди. — Все-то он шутит! Ну а что касается свободных мест... Знаете, сейчас проходит сельскохозяйственная выставка, потом еще съезд фермеров... Отель переполнен, все забито под завязку.

— Вы тоже шутник, — сказал Джонни. — Спорим, у вас отыщется пятьдесят свободных номеров. Кстати, утром я направил к вам милое семейство — мистера и миссис Шульц из Айовы. Надеюсь, вы их не обидели?

— Нет, нет! — Все в порядке. — Нахмурившись, Пибоди многозначительно посмотрел на коробку в руке у Сэма. — Весь ваш багаж?

- Пока да. Чемоданы придут позже.

Сжав губы, Пибоди покачал головой:

- Свободный номер у меня, так и быть, найдется, но раз у вас нет багажа...

— Спокойно, Пибоди! — Джонни достал из кармана пригоршню измятых купюр. — Как видите, мы при деньгах. Не возражаю против того, чтобы заплатить за неделю вперед... раз уж отель так нуждается в средствах. Одиннадцать долларов, сэр. Вот, пожалуйста!

- Пятнадцать. Цены растут...

— Одиннадцать, — твердо заявил Джонни. — К сельскому хозяйству мы не имеем никакого отношения.

Пибоди мрачно посмотрел на Джонни:

- Интуиция мне подсказывает — придется пожалеть о своей слабости!

— Мистер Пибоди, — оживился Сэм Крэгг, — хочу показать вам карточный фокус... — Но, перехватив ледяной взгляд Пибоди, добавил: — С другой стороны, обойдемся. У вас никогда не было чувства юмора и не будет.

— Не имей я чувства юмора, — язвительно заметил мистер Пибоди, — разве пустил бы я вас к себе в отель после того, что вы учинили в прошлый раз?..

У себя в номере 821 Джонни скинул куртку и, закатав рукава рубашки, отправился в ванную ополоснуться. Сквозь шум льющейся воды он прокричал Сэму:

— Найди в телефонном справочнике координаты «Часовой компании Квизенберри» и грека по имени Николас Бос.

Сэм Крэгг заглянул в ванную:

- Джонни, я тебя не понял.
- Я сказал, найди координаты «Часовой...»...
- Я не глухой. Но ведь ты обещал, что забудешь об этом деле. Всякий раз, как только берешь на себя роль сыщика, у нас все идет наперекосяк. Вспомни, в Миннесоте мы спаслись чудом, а наши дела — побоку.

— Все потому, Сэм, что меня занимают эти Квизенберри. По-твоему, полиция век будет ссылаться на Джона Смита и Джона Джонса? В один далеко не прекрасный день сюда постучат: «Мистер Смит и мистер Джонс? Шеф желает побеседовать с вами!»

- Но мы вовсе не обязаны торчать в Нью-Йорке. Монета у нас водится и...

— Сколько их, этих монет? Одиннадцать баксов я уже отдал Пибоди. Осталось около пятидесяти. А бедняга Морт? Хочешь, чтобы с него содрали три шкуры?

Сэм задумался:

— Джонни, я мог бы как следует отдубасить того хмыря, но с целой бандой точно не справлюсь, да и на кулаках они не дерутся...

— Тут ты прав. Мы втравили Морта в это дело и должны его вытащить. Хочешь не хочешь, а придется торчать здесь до тех пор, пока не убедимся, что с ним все в порядке. Мы многим обязаны Морту, и вообще он благородный парень.

Сэм покосился на Джонни. Затем, пожав плечами, принялся листать телефонный справочник.

— Ага, вот! Десятая авеню... Это адрес часовой компании. Б-о-с... Ты подумай, есть такой! После фамилии стоит буква «б» — «бизнес», стало быть. Его адрес — Уэст-авеню... Чем он может заниматься? Часами?

— Нет, часы — его хобби. Я так понял, у него на часики хватает. Слыхал, готов был выложить семьдесят пять кусков?

— Слыхал. А ведь эти часы были практически у нас в кармане. Нам бы тогда достать всего двести баксов.

Джонни поджал губы, а помолчав, сказал:

— Но почему Том заложил часы за двести баксов, если они такие дорогие?

— Может, он не знал, сколько они стоят на самом деле?

Пожав плечами, Джонни надел куртку.

— Сейчас около полпятого. Как раз успеем наведаться в часовую компанию. Хочу взглянуть, на что она похожа.

— Начинается! — вздохнул Сэм.

Выйдя из отеля, они зашагали в сторону Седьмой авеню. Пересекли Таймс-сквер и повернули на запад, дойдя до Десятой авеню, повернули на север.

Джонни присвистнул:

— Вот это да! Домишко на целый квартал... Сколько же часов марки «Бриллиант» надо продать, чтобы отгротать такую махину!

— Марки «Бриллиант»?

— Только не говори, будто никогда не видел будильника такой марки. Они продаются на каждом углу. Доллар штука...

— Ах эти! Однажды я швырнул таким в кошку, а на следующее утро он тикал как ни в чем не бывало.

Они вошли в парадный подъезд. Напротив лифтов за столом красного дерева сидела секретарша, ведущая прием посетителей.

Джонни обратился к ней:

— Мне к шефу. Самому главному...

— Весьма сожалею, — сказала секретарша, — но мистер Квизенберри скончался, и сегодня его похоронили.

— Это мне известно. Но ведь компания не прекратила свое существование? Кто-то все-таки должен ею руководить?

— Тогда вам следует обратиться к мистеру Теймереку, коммерческому директору. У вас с ним договоренность?

— Зачем? К примеру, мне захотелось купить партию часов... Или, скажем, я приехал в Нью-Йорк по делам и надумал взглянуть на вашу продукцию. Если она так же хороша, как то, чем я занимаюсь, тогда...

— Да-да, конечно, сэр! Секундочку...

— Моя фамилия Флетчер. «Флетчер и компания». — Он очень тихо сказал Сэму: — «Компания» — это ты.

Закончив говорить по телефону, девица подняла глаза на Джонни:

— Идите прямо через холл в кабинет номер три. Мистер Теймерек ждет вас.

Пол холла устилал красивый ковер, стены были обшиты сосновыми панелями. Джонни толкнул дверь, на которой сверкала цифра «3» из чистого золота, и вошел.

Уилбур Теймерек поднялся из-за массивного стола:

— Мистер Флетчер? По-моему, ранее я не имел удовольствия вести с вами дела.

Он и Джонни обменялись рукопожатиями.

— Рад познакомиться, мистер Теймерек, — произнес Джонни с достоинством. — Это мой компаньон, мистер Крэгг.

— Очень приятно. Мистер Крэгг, насколько я понял, вы не из этих мест?

— Правильно. Э-э... Канзас-Сити.

— Канзас-Сити? Я там часто бываю. А где находится ваш магазин, мистер Флетчер?

— Какой магазин? У меня нет магазина.

— Рассылаете товары по почте?

— Разумеется, нет.

Теймерек удивился:

— А мисс Симпсон сказала, будто вас интересуют часы.

— Ну с чего она взяла? — воскликнул Джонни. — Я только сказал, что хочу купить несколько штук часов, вот и все.

— Не понял. Если вы не занимаетесь часами...

— Я тоже не понял. Если вы занимаетесь часами, а я нет, то я не имею права купить у вас часы? Часы марки «Бриллиант» служили мне много лет и разбились. Отличные часы. Мы с мистером Крэггом оказались в Нью-Йорке, и я подумал, зайду-ка к вам и куплю новые. Моему другу, мистеру Крэггу, тоже нужны часы. М-м-м... Скажите, нам сделают скидку? Как-никак мы пришли прямо на завод...

Лицо Теймерека побагровело, и можно было подумать, что его вот-вот хватит апоплексический удар. Он с шумом втянул воздух и процедил:

— Я понял, кто вы такие! Сначала до меня не дошло. Вы — те парни, что сидели в Миннесоте с Томом Квизенберри.

— Ой! — вздохнул Сэм Крэгг.

— В Миннесоте? — тихо переспросил Джонни.

Теймерек перевел дыхание:

— Не волнуйтесь. Дайана Раск рассказывала мне о вас. Мне известно все, как вы оставили в отеле на ее имя закладную квитанцию и остальное.

— Ах вот что! — сказал Джонни. — Стало быть, вы с ней знакомы.

— Мисс Раск — мой очень хороший друг. Более того, шериф того города, где все случилось, говорил со мной по телефону. Это я передал всю информацию Эрику Квизенберри.

— Понятно. Значит, вы в курсе. — Джонни помолчал. — Тогда, мистер Теймерек, я выкладываю на стол все свои карты. Мы с другом в беде. Нас в любую минуту могут арестовать. Но уж если мы не оставили у себя ломбардную закладную, а отдали ее мисс Раск, это должно убедить всех, и вас в том числе, что мы не убивали Тома Квизенберри.

— Я, как и Дайана, убежден в вашей невинности. Но раз уж не вы, тогда Тома убил тот, другой арестант. Ведь в камере находился еще один человек, да?

— Да. Он ранил ножом констебля и убежал, а мы за ним. Но мы его проморгали. А если точнее — за углом его ждала машина. Представляете?

— Дайана упоминала о машине. Но уж если вы его чуть не схватили, то должны были разглядеть номерные знаки...

— Номера были сплошь заляпаны грязью. Вот в чем дело! Он наверняка установил их накануне. Ставлю доллар против «Бриллианта» — через три-четыре километра он знаки сменил. Чертовски загадочный бродяга! Том это тоже отметил. Иначе не отдал бы мне ночью квитанцию из ломбарда.

— Они оба уже были в камере, когда вас туда привели?

— Да. Том к тому времени сидел там уже дня два. А бродягу впахнули за час-другой до нас. — Джонни прочистил горло. — А старого Саймона жаль. Тяжело ему пришлось...

— Не сказал бы! За последние два года кого только он не обвел вокруг пальца!

— Как это?

Уилбур Теймерек передернул плечами.

— У старика был довольно крутой нрав. Ни цента в долг не давал и не занимал. Не думаю, что у него был хоть один друг.

— Даже здесь, на фирме?

Теймерек покачал головой:

— Если имеете в виду меня, то нет. Последние два года, с тех пор как Саймон оказался прикован к инвалидной коляске, фактически все дела веду я. Меньше всего я ожидал... — Он замолчал и многозначительно посмотрел на Джонни: — По-вашему, сколько миллионов оставил после себя Саймон Квизенберри?

— Пять или десять, — предположил Джонни.

Теймерек усмехнулся:

— Любой бы так подумал. А если я вам скажу, что Саймон разорился вчистую? Что даже это предприятие заложено и перезаложено?

— Хотите сказать, у него остался всего какой-нибудь миллион?

— Хорошо, если тысяча. Саймон ра-зо-рен.

— И все же я не назвал бы его нищим. В пригороде есть скромный домишко, где двадцать комнат, если не больше, и коллекция редчайших часов, которая потянет на полмиллиона...

— Все заложено! Под часы он как раз занял полмиллиона. Одни грек оказался сущим глупцом — дал ему в долг деньги. Одно тем не менее утешает: остолопу Эрику придется пойти работать.

— Разве он не работает здесь, в компании?

Теймерек фыркнул:

— Штаны просиживает, если хотите знать. Саймон не доверил бы ему и марки на конверты наклеивать! Кстати, не уверен, что Эрик справился бы с такой сложной задачей.

— Из сказанного вами остается сделать вывод, что Эрик Квизенберри вам поперек горла.

Теймерек нахмурился:

— Да, я его не терплю, а он не выносит меня. Скажите, Флетчер, чем вы занимаетесь? Уж не сыщик ли вы?

— Господь с вами! Я книгами торгую...

— Тогда к чему все ваши расспросы? К чему вы клоните?

Джонни усмехнулся и вышел из кабинета.

Очутившись на улице, Сэм Крэгг поинтересовался:

— Что это тебе дало?

— Я выяснил, что старый Саймон был беспокойным субъектом. И кое-что еще. Во-первых, Теймерек не был у него на похоронах. А во-вторых, он не любит Эрика Квизенберри. Думаю, он завидует ему.

— Ладно, теперь ты это знаешь. Ну и что толку?

— Пока не знаю.

Они вернулись в отель пешком и поднялись к себе в номер. Спустя минуту после того, как они закрыли за собой дверь, в нее постучали.

— Пибоди, — фыркнул Сэм. — Какого лешего ему надо?

Он подошел к двери и отпер ее. Ему ухмылялся Джим Партридж:

— Привет, здоровяк!

Сэм что-то пропыхтел в ответ, а Джонни крикнул:

— Входи, Партридж! Тебя-то мы и ждали!

Партридж вошел, закрыл за собой дверь и сказал:

— Могу поспорить, что ждали!

— Вне всякого сомнения. Не хотелось спугивать тебя на улице, поэтому я позволил подняться за нами сюда.

— Вот даже как?

— Вот так! — усмехнулся Джонни. — Ты слонялся у здания «Часовой компании Квизенберри». Увидел, как мы оттуда вышли, и за нами.

— Ну ты силен! Не могли вы меня видеть.

— Ладно, не видели. Но наверное, так все и было, потому как никто не знает, что мы остановились в этом отеле. Итак, что у тебя на уме, Партридж?

— Вы ведь не ожидали, что я останусь в Коламбусе?

Сэм Крэгг издал звук, похожий на рычание, а потом обхватил Партриджа, прижал его руки к бокам и обыскал частного детектива. Результатом обыска явился автоматический пистолет, который Сэм швырнул на одну из кроватей.

— Неужели нельзя было попросить вежливо? Я бы сам пистолет туда положил, — сказал Партридж.

— Не заливай, дядя! — хмыкнул Сэм. — Я сегодня не в форме, то есть хочется тебе снова ломать челюсть.

— Ну и грубиян же ты! — задумчиво произнес Партридж.

— Какой есть.

— Садись, Патридж, — сказал Джонни. — Поговорил? Теперь мне известно намного больше, чем в Коламбусе. Видел твою бывшую жену.

— Бониту? Как она?

— А сам разве не знаешь?

— Пять лет ее не видел.

— Вы разве не на пару с ней работаете?

— Я работаю на себя, — хохотнул Патридж.

— Чушь!

— Хотите верьте, хотите нет. Поговори как-нибудь с Бонитой. Спорим, она скажет, мол, лучше увидит кого угодно, только не меня! Я-то знаю, где собака зарыта.

— Где же она зарыта, эта собака?

— Это один из моих козырей. Флетчер, а в Огайо я тебя недооценил. Но вы свалили дурака, потому как вернули часы девчужке Раск. Часики-то стоят кучу денег.

— Правильно. Поэтому я и отдел их мисс Раск. И что?..

— Саймон Квизенберри был чертовски богат.

— Вот и не угадал! Он умер нищим.

— Нет, — возразил Патридж. — А его коллекция на миллион баксов? А поместье? Я уж не говорю о компании...

— Все заложено. Даже коллекция. Кроме «Говорящих часов». Он завещал их внуку.

— Который отправился на тот свет прежде Саймона.

Джонни задумчиво посмотрел на частного детектива:

— Слушай-ка, Патридж! Тома нет в живых, а часы? Возвращаются к родственникам?

— Зависит от того, как это пункт изложен в завещании старого Саймона. В любом случае часы сами по себе очень дорогие. Думаю, их можно заполучить.

— С помощью Бониты, твоей козырной карты?

— Вы не знаете старушку, — насупился Патридж. — Я был ее мужем. Видите вон ту латунную пепельницу? По сравнению с Бонитой она мягче масла! Бывшая моя любит только себя — решительно и бесповоротно.

— Так я и понял! Эрик, ее нынешний муж, имеет шансов не больше, чем, скажем, мышь в компании кошек. Но по-моему, на сегодняшний день Бонита в безвыходном положении. Ничего ей не остается, разве что уйти от мужа.

— И уйдет! Когда вытянет из него последний доллар, уйдет, но не раньше. Бонита не промах... Но, верите ли, я выгнал ее!

— Хочешь сказать, что ты и сам парень не промах?

— Года три тому назад я такое дельце раскрутил! — Патридж скромно улыбнулся.

— Ты не промах, — кивнул Джонни. — Что дальше?

— Дальше я решил, что мы споемся. Что вы делали в компании Квизенберри?

— Приценивался. Хотел купить будильник «Бриллиант».

— Что у тебя на уме, Флетчер? — Глаза у Патриджа заблестели. — Часы, которым нет цены, были у тебя в руках, а ты отдал их девчужке Раск. Почему ты все время крутишься возле них?

— Почему? — переспросил Джонни. — Потому что Том Квизенберри, с которым я сидел в тюрьме, убит. А полиция Миннесоты, похоже, думает, что его убили мы с Сэмом. Я пытаюсь доказать, что это не мы.

— Ну ты даешь, Флетчер! Где Миннесота, а где Нью-Йорк...

— По обвинению в убийстве можно подвергнуть и экстрадиции.

— Да-а, — протянул Патридж, — можно.

— Не продолжай! — буркнул Сэм Крэгг.

— Кстати, — поинтересовался Джонни, — а ты-то можешь сказать, где сам был девятнадцатого сентября?

— В Миннесоте меня не было.

— Докажи!

— А ты можешь доказать, что я там был?

— Нет, — ответил Джонни. — Но мы с Сэмом можем присягнуть, что бродяга, который с нами сидел, — ну, тот, что пырнул констебля, слегка смахивает на тебя, если тебя недельку не мыть. Дошло?

— Остынь! Я не собираюсь стучать на вас копам. У меня в игре свои ставки. Обойдусь без полиции. Но предупреждаю, я играю жестко!

— Блеск! — хмыкнул Сэм Крэгг. — Мы тоже. И раз уж в ход пошли угрозы, позволь и мне тебя попугать. Словом, Партридж, как увидишь, что мы идем, сразу переходи на другую сторону улицы!

Партридж растянул губы в презрительной усмешке и процедил:

— Можно я заберу пушку? Все равно она не заряжена.

Джонни взял пистолет, убедился, что магазин пуст, и бросил Партриджу:

— Пока, Партридж!

— До скорого. Еще увидимся. — Многозначительно посмотрев на Сэма, он добавил: — С вами обоими.

После его ухода Сэм поежился:

— Что-то подсказывает мне, что этот Партридж — мужик серьезный.

— Теперь я его вспомнил. Некий Монахан был наемным убийцей. С ним работали несколько крутых парней. Партридж забрался к ним в малину, уложил одного из гангстеров и показал этому Монахану, где раки зимуют.

— А слышал, как он отзывается о своей бывшенькой?

— Видите ли, выгнал ее... Впрочем, обратил внимание, как она изменилась в лице, когда я всего лишь упомянул о нем? Я решил, что сказал лишнее. Теперь понимаю: она до смерти его боится. Сэм, как насчет чего-нибудь пожевать?

— Я готов. Все еще в себя не пришел после тех голодных дней. Берем славненький толстый бифштекс с луком, а на десерт парочку свиных отбивных...

Глава 14

На следующее утро Джонни валялся в постели, размышляя, встать ему, одеться или заказать завтрак в койку. Заметив торчащую из-под двери газету, он, хорошенько подумав, решил посмотреть, что там пишут.

Подхватив газету, он вернулся в постель. Сэм храпел на двуспальной кровати, стоящей у окна. Одеяло было сброшено. Пижам Сэм не признавал. Его широченная грудь ритмично поднималась и опускалась.

Джонни развернул газету. Гонка вооружений... Советы нацеливают ракеты на Штаты. На носу звездные войны. Обалдеть! Мир сходит с ума.

Его внимание привлекло сообщение внизу первой полосы.

ЗНАМЕНИТЫЕ 'ГОВОРЯЩИЕ ЧАСЫ' УКРАДЕНЫ *Кража со взломом в особняке Квизенберри в Хиллкресте*

В заметке говорилось, что Джо Корниш, управляющий поместьем Квизенберри, вскоре после полуночи застал с поличным двоих взломщиков. Он вступил с ними в схватку, однако грабители одержали верх и убежали. После того как о происшедшем стало известно владельцу поместья, Эрику Квизенберри, дом осмотрели и с изумлением обнаружили, что сейф вскрыт, а знаменитые «Говорящие часы», стоимостью в сто тысяч долларов согласно оценке недавно скончавшегося владельца, Саймона Квизенберри, исчезли. Грабители ничего не взяли из знаменитой коллекции часов, хотя многие экземпляры были незаперты.

Сложив газету, Джонни дотянулся до Сэма и ударил его по носу:

— Сэмми, мальчик мой, вставай! Солнышко сияет, ранние пташки прыгают по веткам, а нас одурачили!

Усевшись на кровати, Сэм Крэгг спросонья потянулся.

— Ох-хо-хо! — зевнул он. — Что случилось-то? Мне как раз снилось, что мы во Флориде и я поставил тридцать два к одному...

— А лошадь споткнулась на ровном месте! Глянь-ка, Сэм, у Квизенберри увели «Говорящие часы».

— А? Кто? Джим Партридж?

— Почитай-ка, как описал грабителей тот хмырь Корниш! Один высокий и довольно стройный, другой пониже ростом, приземистый, но необычайно силен...

— Ну надо же, точь-в-точь наш словесный портрет.

— Оказывается, мы были в доме Квизенберри около полуночи.

— В то время, когда мы здесь давили подушки.

— Тот-то и оно! Поедем туда — скажем им?

— По-твоему, стоит? Тот поганец Корниш возьмет и опознает нас, поскольку мы не особенно ему приглянулись.

— Мне он тоже не очень, но он нас не опознает. Он ведь не сказал, что узнал грабителей! Более того, какое-то сильно подозрительное ограбление. Почему не взяли другие часы? Если помнишь, некоторые экземпляры выглядят гораздо богаче, чем «Говорящие часы».

— Но они не такие дорогие!

— А кто это может определить? Только эксперт. Или кто-то, наслышанный о «Говорящих часах».

Выпрыгнув из постели, Джонни зашлепал в ванную. Выйдя из нее через несколько минут, он начал одеваться.

— Сэм, давай быстрее! — поторопил он друга. — Нам предстоит трудный день.

И тут в дверь деликатно постучали. Джонни скользнул в брюки и начал застегивать рубашку. Все еще босиком он направился к двери:

— Кто там?

— Я, — раздался голос Джима Партриджа.

— Вот черт! А мы еще не завтракали!

Джонни тем не менее отпер дверь. И сразу же об этом пожалел.

Партридж притащил с собой громилу. Во-первых, килограммов на десять тяжелее Сэма. Во-вторых, наверняка бывшего боксера либо борца, а то откуда бы взяться расплюсченному носу и мясистым ушным раковинам.

Сэм сразу принял боевую стойку.

— Полегче, ребята, — предупредил Партридж. — Мне неприятности ни к чему. Особенно сейчас. Это один из моих активистов. Зовите его Хатч.

— Фамилия моя Хатчинсон, — прохрипел Хатч. — Эдгар Хатчинсон. Но не вздумайте называть меня Эдгаром.

— Заткнись, Эдгар! — обрезал Партридж. — Слушай, Флетчер, вижу — у тебя газета. Прочел про часы?

— Только что. Зачем ты это сделал?

— Словесный портрет — копия вы, умники-разумники!

— В полночь мы уже спали.

— То же самое говорит и старший коридорный. До того как подняться сюда, я с ним побеседовал. Но это ровным счетом ничего не значит, так как вы могли его подкупить. Должно быть, поэтому он на вашей стороне.

— Просто Эдди Миллер — хороший человек, и он практически у меня на жалованье. А управляющий Пибоди вообще работает на меня. Ближе к делу, Партридж!

— Ближе некуда! Вы не крали часов, я тоже. Кто тогда?

— Может, кто-то из семьи. Твоя бывшая...

— Не исключено, но привратник описал двух боксеров...

— А может, привратник — дружок Бониты?

Джонни не подозревал, насколько он близок к истине.

— Как он выглядит?

— А ты не знаешь?

— Откуда? — буркнул Партридж. — Я никогда там не был.

— В Коламбусе ты заявлял, что представляешь интересы семьи Квизенберри.
— То было в Коламбусе. А теперь, Флетчер, я работаю на себя.
— Следи за собой в оба, а то потеряешь бдительность и сам себе глотку перережешь!

Сэм Крэгг захохотал. Партридж нахмурился:

— Флетчер, не ломай комедию. Я пока не готов навестить Квизенберри. А что, если вы отправитесь туда и выясните, что к чему?

— Ну ты, Партридж, — голова! Люблю умных людей, вот только... Я тоже работаю на себя.

— Я все обдумал, — медленно проговорил Партридж. — На двадцать девятое сентября у меня алиби.

Джонни обратился к Хатчу:

— Тебя как величали на ринге? Случайно, не Болван?

— Ах ты, фраер! — заревел Хатч. — Да я тебя...

Сэм Крэгг сделал ложный выпад и ударил Хатча кулаком в висок. Хатч отлетел к стене, ударился об нее и срикошетил назад. Сэм двинул его в подбородок. Казалось, он совершенно не напрягается. Хатч рухнул на пол лицом вниз.

Тем временем Джонни Флетчер подошел вплотную к Джиму Партриджу, чтобы предупредить любое его движение. Партридж, раздувая ноздри, наблюдал «показательное выступление» своего активиста.

— Придется, видно, его рассчитать. — Он поморщился. — А петушился, мол, управится одной левой!

— А ты, Партридж, не желаешь? — подначил Сэм. — На вид ты и сам парень нехилый!

— Подожду, пока не обзаведусь медными кастетами.

Джонни подал Сэму знак, и тот, зайдя Партриджу за спину, прижал ему руки к бокам, а Джонни отобрал у Партриджа автоматический пистолет.

— Ого! — прищелкнул он языком. — Сегодня мы точно не постреляем...

Вытряхнув содержимое магазина в корзинку для мусора, он продолжил обыск. Вернув частному детективу содержимое карманов, себе оставил измятую телеграмму.

— Ты только послушай, Сэм! — воскликнул он. — «Джеймсу Партриджу, отель „Соренсен“, Нью-Йорк. Ответ оплачен. Смитом и Джонсом не интересуемся. Следствием установлено самоубийство Квизенберри. Рана Фитча — царапина. У округа нет лишних средств для командировки офицера в Нью-Йорк. Дулиттл, шериф округа Бруклендс, Миннесота».

— Вот говнюк! — обронил Сэм Крэгг. — Партридж, какой же ты подонок!

— То-то у него угрозы какие-то странные. До вчерашнего вечера не успел придумать себе алиби, вне города, а без веского доказательства своей непричастности к преступлению в Бруклендсе он не рискнул бы навестить нас.

— Джонни, может, врезать ему как следует?

— Спасибо, не надо, — отказался Партридж. — Лучше не стоит.

— Джонни, не врубаюсь я в эту телеграмму, — сказал Сэм. — Как можно самого себя задушить?

— Он и не душил сам себя, потому что был убит. Округ просто не хочет тратить деньги и время на следствие, на обоснование состава преступления и так далее. Заявить о самоубийстве — самый простой выход из положения.

— Где каток, что наехал на меня? — промычал Хатч, принимая вертикальное положение.

— Научись стоять на ногах, придурок! — Партридж лягнул его в бок.

В дверь постучали.

— Мистер Флетчер, что там у вас происходит? — послышался голос мистера Пибоди. — Постояльцы жалуются на шум!

Джонни распахнул дверь:

— А-а, Пибоди, доброе утро! А мы как раз гимнастикой занимаемся...

Пибоди перевел взгляд на Хатча, который поднимался с пола.

— Наш инструктор по физкультуре, — представил его Джонни. — Тренирует нас каждое утро. Ну что, Профессор, до завтра?

Джим Партридж схватил Хатча за руку и потащил в коридор. Пибоди все еще стоял в дверях, с подозрением уставившись на Джонни:

— Я знал, что совершаю ошибку, мистер Флетчер! Вы опять во что-то впутались...

— Ну, мистер Пибоди, — сокрушенно заметил Джонни, — я начинаю думать, что вы не рады гостям, которые платят за неделю вперед...

— О Господи! — Взмахнув руками, Пибоди повернулся, а Сэм Крэгг с треском захлопнул за ним дверь пинком ноги.

— Ну, Джонни, вопрос исчерпан, — ухмыльнулся он, — раз Миннесота больше не требует нашей выдачи, мы выходим из игры. Пусть Квизенберри сами отдуваются.

— Что ж, Сэм, — произнес Джонни, — если правосудие не заинтересовано в том, чтобы покарать преступника, это становится делом отдельных граждан, таких, как ты и я.

Стиснув голову ладонями, Сэм простонал:

— Так я и знал! Опять неприятности.

Через десять минут они вышли из отеля и перекусили у оранжевого киоска на углу. стакан апельсинового сока, пара пончиков и чашка кофе на нос оказались не слишком обременительной тратой. Покончив с завтраком, Джонни подождал такси.

— Завтрак за десять центов куда ни шло, — сказал Сэм, — но такси...

— Мы спешим. Уэст-авеню, пожалуйста, — обратился Джонни к водителю.

— К греку, что ли? — вздохнул Сэм.

— К греку. Хочу увидеть собственными глазами, в каком он настроении сегодня. Вчера, если помнишь, ему очень хотелось заполучить те часы.

Через двадцать минут они подъехали к высокому зданию, фасад которого выходил на доки на реке Гудзон. Джонни заплатил таксисту и прибавил пять центов чаевых, отчего таксист что-то пробурчал под нос.

Джонни обвел взглядом здание.

— «Эгейские губки», — прочел он надпись на медной дощечке у входа, — «Президент компании Николас Бос». И не подумай, что у нас в стране покупают такую прорву губок! А ведь этот тип собирался выложить семьдесят пять кусков за часики с побрякушками!

Они вошли. Секретарша с лошадиными зубами и лицом, смахивающим на сыр рокфор, заставила их произнести свои фамилии по буквам, затем позвонила по телефону. Через секунду она прикрыла трубку рукой:

— Вы по какому делу?

— Мы относительно часов, — сказал Джонни. — С мистером Босом мы познакомились вчера, в Хиллкресте.

Девица сообщила в трубку дополнительную информацию, потом кивнула. Дверь за ее стойкой рывком распахнулась, и оттуда с распростертыми объятиями им навстречу вышел Николас Бос:

— Входите, джентльмены! Я так рад вас видеть! Входите, пожалуйста.

В кабинете поставщика губок находились штук пятьдесят часов. Все они показывали правильное время — девять сорок восемь. Бос закрыл дверь и с нетерпением повернулся к ним:

— Да, джентльмены? Вы пришел, чтобы продать...

— Продать что, мистер Бос?

— Может быть, часы?

— «Говорящие часы»?

Николас Бос чуть не сомлел от счастья.

— Она у вас? — прошептал он.

— Нет, — ответил Джонни. — Прошлой ночью их украли из особняка Квизенберри в поместье Хиллкрест.

Разочарование тенью пробежало по оливковому лицу поставщика губок.

— Но я читать об этом в газета! Я думать, может, вы...

— Почему вы решили, что это мы?

— Но ведь вы... как по-вашему... бывшие заключенные. Я видеть вас вчера. А сегодня утром, когда я читать газета, я думать — это заключенные украсть часы.

— А я-то считал, что грабитель как раз вы, — грубо прервал его Джонни.

— А я, чтоб вы знали, не бывший заключенный, — добавил Сэм.

— Ох! Я так извиняюсь, но миссис Квизенберри, она сказал...

— Поскольку я джентльмен, — заявил Джонни, — я ничего плохого о леди не скажу. Разве только то, что она напоминает мне мошенницу, которая однажды вытащила у меня в такси кошелек.

— Так, значит, вы не имейте часы?

— В общем, да, мистер Бос. Я пришел к вам, чтобы кое-что о них узнать. Почему они так дорого стоят?

— Потому что они «Говорящие часы».

— За сотню баксов можно изготовить маленькую пластиночку, вставить ее в будильник марки «Бриллиант», и часы заговорят, да еще как! А стоят будут недорого!

— Ах, но эти часы очень, очень старинные! Триста лет. Четыреста...

— Скажите уж пятьсот! — вмешался Сэм.

— Пятьсот? Нет. Не такая старая. Красивая работа. Тонкая резьба и украшения... сами по себе стоят много денег.

— А если их расплавить, сколько за них дадут?

— Расплавить? — В глазах Боса мелькнул ужас. — Вы не расплавите эту прекрасную часы, мистер! О нет! Не делать этого!..

— Я не собираюсь. Часов у меня нет. Только хочу понять, сколько они стоят в пересчете на золото...

— Золото? О, немного. Драгоценности — да, стоят... тысяча пять долларов. Но я даю пятьдесят тысяч...

— Вчера вы говорили — семьдесят пять...

— Правильно. Я даю вам семьдесят пять тысяч долларов за эти часы.

— Вам бы детектива нанять, чтобы найти их!

— Детектив? Полиция?

— Нет, частный сыщик. Их много, знаете ли. Они работают на клиента, а не на государство. Долларов за сто в день можете нанять первоклассного детектива. По окончании работы небольшая премия...

— Вы знаете хороший детектив?

Джонни развел руки в стороны и скромно поклонился:

— Как детектив я частенько добивался хороших результатов. Это ведь я вернул часы Дайане Раск после того, как обнаружил их в Огайо.

— Да, я слышать. Ха! Так я и делать! Нанять вас, а вы найти «Говорящие часы». Вы приносите их мне и получаете большая премия. Может, десять тысяч долларов...

— И сто долларов в день на расходы.

На мгновение Бос нахмурился, затем просиял:

— Прекрасно! Я платить. Сколько дней нужно вам?

— Не больше пяти-шести, если, конечно, повезет.

— Прекрасно! Я нанимать вас.

— Как насчет аванса за два дня? Так принято. Вроде предварительного гонорара адвокату, знаете ли...

Бос вытащил из внутреннего нагрудного кармана длинный плоский бумажник и вытянул оттуда два банкнота, по сто долларов каждый. Обнажив в широкой улыбке белые ровные зубы, он сказал:

— Любите спорт, мистер Флетчер? Подбросить монета? Удвоить или ничего?

— Осторожно, Джонни! — обронил Сэм.

Бос вынул из кармана монету в полдоллара:

— Ваш?..

— Орел, — решил Джонни.

Бос подбросил монету в воздух, поймал и прижал к тыльной стороне ладони левой руки. Открыл:

— Решка, извините...

Сэм вздохнул:

— Похоже, спасти положение придется мне. — Он вытащил колоду карт. — Сколько у нас осталось, Джонни? Ну что, пощиплем мистера Боса? — Он подмигнул другу.

Секунду Джонни задумчиво смотрел на Сэма, затем вынул из кармана весь их капитал. Он отсчитал пятьдесят долларов, а два доллара и мелочь сунул обратно в карман.

— За пятьдесят долларов мы вам вытянем крупную карту, мистер Бос!

— Почему нет?

Сэм перетасовал карты и шлепнул колодой о стол. Бос накрыл карты рукой, прижал к столу и вытянул. Туз пик.

Сэм издал крик ужаса и задрожал как осиновый лист.

— Давай тяни, — спокойно приказал Джонни. — Может, ты тоже вытянешь туза, и будет ничья.

— Конечно, — бодро произнес Николас Бос.

Сэм дрожащей рукой схватил колоду, снял половину и перевернул. Верхней картой оказалась тройка бубен.

— Вы выиграли, — хрипло сказал он.

— Развлекаться, да? — Бос добродушно улыбнулся. — Приходить как-нибудь ко мне домой играть в покер. Я люблю играть!

— Мы тоже. — Джонни не сводил взгляда с Сэма Крэга.

Оказавшись на улице, Джонни дал волю чувствам:

— Ты, олух! Зачем только вытащил свои карты?

— Потому что они крапленые, Джонни! — защищался Сэм. — Я их... пометил! Это я должен был вытянуть туза, а он меня опередил!

— Дерьмо паршивое! — выругался Джонни. — Кругом нас обдурил! Мне не понравилось, как он кидал монету.

— И мне. Я читал о таком в своей книжке. Там приводится шесть или семь способов, как добиться нужного результата. Вот почему... я предложил тянуть карту.

Пересчитав остатки их состояния, Джонни вручил Сэму одну смятую купюру:

— Обоим отправиться в Хиллкрест не получится. Придется тебе остаться в городе. Вот тебе немного на харчи.

Сэм был слишком удручен, чтобы протестовать против плана Джонни. Он лишь слабым голосом спросил:

— Когда вернешься?

— Когда вернусь, ты меня увидишь! — Джонни прищелкнул пальцами. — Сходил бы к Морту да взял еще книжек.

— Ой! — вспомнил Сэм. — Мы же обещали ему сегодня принести немного денег!

— Деньги ты профукал. А все твои штучки с картами! Расскажи про них Морту. Остальные фокусы можешь показать ему. И Кармелле, если зайдет на огонек. Пока!

И, обогнав Сэма, Джонни зашагал к подземке.

Глава 15

На вокзале Джонни обнаружил, что поезд на Хиллкрест только что ушел, а следующий отправится через час двадцать. Раздосадованный, он направился к телефону-автомату. Пролистав справочник, он удовлетворенно кивнул и вышел на площадь.

На Лексингтон-авеню Джонни сел в автобус и доехал до Шестнадцатой улицы. Там он сошел и направился к магазину, витрина которого была уставлена часами. Спустившись на несколько ступенек, он толкнул дверь.

Из-за длинного прилавка, также уставленного часами, его приветствовал пожилой владелец магазина с козлиной бородкой и в черной ермолке.

— Мистер Макадам? — спросил Джонни. — Я из «Дейли блейд». Пишу очерк о часах. Я слышал, вы — крупнейший в Нью-Йорке специалист, и подумал, может, кое-что мне расскажете...

— О часах, сэр? Конечно. Полагаю, «Говорящие часы» Квизенберри вызвали такой всплеск интереса к часам, мистер...

— Флетчер. Вы правы, мистер Макадам. Тему очерка предложил редактор финансового отдела газеты. По его мнению, маловероятно, чтобы часы Квизенберри были настолько дорогими, как утверждает семья.

Макадам пожал плечами:

— Часы стоят столько, за сколько их готовы купить. Как марка или старинная монета. Я видел часы Квизенберри. Без сомнения, это подлинник работы начала шестнадцатого века. Если верить их истории, они сделаны в Севилье для королевы Изабеллы...

— Королева Изабелла? Как интересно! Значит, им четыреста лет?

— Немного больше. Предполагают, что их изготовили в 1506 году. Корпус и основную часть механизма, конечно.

— Много времени прошло. Они подвергались переделкам?

Макадам улыбнулся:

— Томас Эдисон, кстати, начинавший свою деятельность как телеграфист, лишь в 1869 году получил первый патент за электрический регистратор голосования, а уже в 1892 году создал компанию «Дженерал электрик». Время — понятие относительное.

— Я и не подумал об этом! Но часы я видел, мистер Мак...

— Когда? Они ведь пропали...

— Ну да, пропали! Но я видел их пару месяцев назад. Меня послали взять интервью у Саймона Квизенберри. В комнате у него была коллекция часов. Не помню, сколько пробило, но когда в корпусе ближайших ко мне часов отворилась дверца, вышел человек и заговорил, я просто дар речи потерял.

— Человек подлинный, его не переделывали. Вначале куранты играли «Аве, Мария». По моему, там ничего не стоило менять, но Саймон вечно потакал своим капризам. На место курантов он поставил граммофончик. Тогда фонографы, изобретение Эдисона, умершего в 1931 году, были еще в новинку. На выставках часы всегда привлекают большое внимание.

— Не знал, что он выставял их!

Макадам подергал себя за бородку.

— Чтобы истинный коллекционер не выставял свою коллекцию? Такие невежи — большая редкость, мистер Флетчер!

— Вы правы, конечно. Стало быть, вы полагаете, что эти часы стоят сто тысяч долларов?

— Сто тысяч!.. О чем вы?

— Я так понял. Некий Николас Бос предложил за них семьдесят пять тысяч, но родственники Саймона запросили сто...

— Но это же абсурд! Им красная цена пять тысяч. По крайней мере, не больше десяти.

— Но я слышал, что Бос... то есть я слышал из надежных источников, что Бос действительно сделал такое предложение.

— Реклама, мистер Флетчер! Не верьте. Я знаком с Босом. Это похоже на Боса. Он любит пустить пыль в глаза. Может заплатить за вещь немного больше ее стоимости, если предвидит выгоду для себя. И уж конечно, он даже не заикнется о сумме, что вы назвали. Бос денег на ветер не бросает. Мне доводилось иметь с ним дело.

— Вот как! — заметил Джонни. — Это проливает новый свет на возникшие обстоятельства. Но все-таки коллекция Саймона стоит немалых денег. Во сколько бы вы ее оценили?

— Вместе со всемирно известными часами в виде яйца, когда-то принадлежавшими императрице Екатерине Великой, и полмиллиона будет дешево.

— Ну-ка, ну-ка! Что еще за часы-яйцо императрицы Екатерины?

— Карманные часы с рубином, цена которого сто тысяч.

— Но ведь «Говорящие часы» тоже украшены драгоценными камнями, — возразил Джонни.

— Мелочовка и осыпь... Вспомните историю, ведь королева Изабелла была небогата. Ей даже пришлось заложить кое-какие драгоценности, чтобы оплатить экспедицию Колумба. Десять тысяч — очень хорошая цена «Говорящих часов». Яйцо императрицы Екатерины — нечто другое, но их ценность заключается в рубине, а не в самих часах.

Джонни взглянул на часы за спиной Макадама:

— Спасибо большое, мистер Макадам. Мне пора бежать.

— Не спешите, мистер Флетчер! Я не особенно занят и могу рассказать о часах еще кое-что.

— Прошу прощения, но материал должен быть готов к определенному сроку...
— О, понимаю! Что ж, заходите еще! Когда появится ваша статья? Сегодня?
— Нет-нет! Я готовлю материал для воскресного приложения. Весьма благодарен, мистер Макадам!

Джонни выбежал из магазина. Ему повезло: на углу стоял автобус. Когда он примчался на вокзал, до отхода поезда на Хиллкрест оставалось две минуты.

Он шагнул по центральной улице, направляясь к Дайане. Неожиданно на противоположной стороне он увидел ее саму. Джонни перешел через дорогу и подошел к ней:

— Доброе утро, мисс Раск! А я к вам.
— Мистер Флетчер! А я все ломаю голову, как вас найти. Вы уже слышали о пропаже?
— Потому-то я и приехал. Можно вас проводить?
— Я иду к Квизенберри.
— Очень хорошо! Я с вами. Все равно я намеревался заглянуть к ним. Что вы думаете об ограблении? Пресса сообщает, что привратник...

— Корниш оскорбится, если вы назовете его привратником. Он — управляющий поместьем! Да, я читала словесный портрет обоих грабителей, который он составил.

— Между прочим, во время ограбления я спал в отеле «На Сорок пятой» и могу это доказать. Однако расскажите мне о Корнише. Давно этот тип работает в поместье?

— Два или три года. Он... — Дайана поморщилась. — Я не сплетница, но Бонита... то есть миссис Квизенберри, весьма симпатизирует Джо Корнишу.

— Да-а! Как раз вчера я высказал такое предположение. Между прочим, навел меня на эту мысль Джим Партридж.

— Партридж? Он здесь?
— В Нью-Йорке. С утра пораньше пожаловал к нам в отель с одним из своих громил, с которым Сэм быстро расправился.

— Не понимаю, при чем здесь Партридж. Разве что Бонита...
— Он это отрицает. А вчера, когда я назвал его имя, Бонита чуть в обморок не хлопнулась. Дайана нахмурилась. Искося посмотрев на Джонни, она сказала:

— Вчера после вашего ухода нас навестил мистер Квизенберри. Он... спросил, была ли я замужем за Томом.

— Вы сказали ему?
— Не вижу причин держать это в тайне... сейчас.
— Как он отреагировал?
— Очень мило. То есть он, как оказалось, был бы не против, а вот...
— Кроткая Бонита — напротив, — продолжил Джонни. — Могу представить, как бы она ладила с нежданной-негаданной невесткой!

— По-вашему, сколько Боните лет? — обернулась Дайана.
— Около тридцати, — сказал Джонни. — Ну, может, тридцать два — тридцать три... Дайана презрительно фыркнула:
— Вот как мужчины разбираются в женщинах! Бонита — ровесница моей матери.
— Да ну? Она... не выглядит на столько.
— Старается. Я ее... не люблю. Если бы не она, Том бы не...

Джонни поспешил переменить тему:
— Кстати, вы знакомы с Николасом Босом, этим любителем часов?
— Видела пару раз, — улыбнулась Дайана. — Время от времени он заходил к старому мистеру Квизенберри.

К этому моменту они подошли к воротам. Джонни снова обратил внимание на дорожки, сбегающие вниз с холма, на котором возвышался особняк.

— Подумать только, — воскликнул он. — Дорожки здорово напоминают циферблат часов!
— Оригинально! — сказала Дайана. — Поэтому поместье и называется «Двенадцать часов». Дорожек всего двенадцать. Подъездная аллея соответствует шести часам. Та, что справа, — пяти, и так далее... ш-ш!

Из сторожки вышел Джо Корниш. Правая скула у него была залеплена пластырем.
— Доброе утро, Джо, — улыбнулась Дайана. — Меня ждет мистер Квизенберри.

— Доброе утро, мисс Раск! — Джо отпер ворота, бросив злобный взгляд на Джонни Флетчера.

— Привет, Корниш, — кивнул Джонни. — Слышал, минувшей ночью вы схлестнулись с грабителями.

— Было дело, — усмехнулся Корниш. — Чуть было их не схватил. Один из них был похож на... — Он как бы осекся.

Джонни подмигнул управляющему и прошел в ворота. Эрик Квизенберри увидел их, поднялся с плетеного стула на веранде и пошел им навстречу.

— Доброе утро, Дайана, — он покосился на Джонни, — и мистер Флетчер!

— Я не рано? — осведомилась Дайана.

— В самый раз. Мистер Уолш уже здесь. Он в доме с моей... с Бонитой. Мистер Флетчер, вы не против подождать несколько минут? Дело в том, что... Мистер Уолш был поверенным отца и...

— Конечно, я тут и посижу.

Эрик Квизенберри увел Дайану в дом, а Джонни уселся на плетеный стул. С высоты своего положения он обозревал лужайки, дорожки и тропинки. Внизу, у подножия холма, пролегла дорога на Хиллкрест.

Спустя какое-то время в доме послышались голоса. Затем на веранду вышли чета Квизенберри, Дайана Раск и высокий седовласый мужчина.

Бонита Квизенберри сделала вид, будто не замечает Джонни, а ее муж представил Флетчера седовласому мужчине:

— Мистер Уолш, познакомьтесь — это мистер Флетчер. Спасибо вам, что нашли время к нам приехать. До свидания.

Адвокат Уолш зашагал по аллее вниз. Во взгляде, которым Бонита провожала его удаляющуюся фигуру, Джонни заметил затаенную ненависть.

— Все в порядке, мистер Квизенберри? — небрежно поинтересовался Джонни.

Эрик Квизенберри вздрогнул:

— В порядке? М-м, да, да. То есть нет. Отец в завещании указал, что часы переходят целиком и полностью в собственность его внука Тома. Уолш истолковал это в том смысле, что часы являлись собственностью Тома еще до того, как отец умер.

— И очень жаль, — мерзким голосом произнесла Бонита, — что их украли.

Дайана Раск гордо вскинула подбородок:

— Я бы все равно не взяла их!

— Неужели? Впрочем, тебя я и не обвиняю, но у тебя странные друзья. А по некоторым вообще тюрьма плачет...

— Бонита! — оборвал ее Эрик Квизенберри.

— Я тебя имею в виду! — с ненавистью бросила Бонита мужу, повернулась и бегом бросилась в дом.

— Прошу прощения, — извинился Квизенберри, — у моей жены нервы.

— Ничего страшного. Я уже ухожу, — сказал Джонни. Сойдя с веранды, он остановился. — Не удовлетворите ли мое любопытство, мистер Квизенберри? Я заинтересовался «Говорящими часами». Минувшей ночью они действительно были в сейфе?

— Разумеется. С тех пор как я узнал их стоимость, ни за что не оставил бы их снаружи.

— Так я и подумал. Но другие часы из коллекции не менее ценны, однако они не под замком!

Квизенберри задумался:

— По правде говоря, я не слишком интересуюсь остальными часами. Отец, пока был жив, практически не выходил из комнаты, где коллекция, а в парке круглосуточно дежурили сторожа.

— Прошлой ночью сторож не особенно усердствовал.

— Лоботряс! — Квизенберри не сумел скрыть раздражения. — Этого, откровенно говоря, я подумываю рассчитать.

Джонни кивнул. Он не прочь был продолжить разговор, но Дайана Раск сказала:

— Мне пора домой.

Когда они подходили к воротам, Джонни заметил:

— Я собирался еще кое-что выяснить, но, по-моему, Эрик Квизенберри не в настроении. Ходят слухи... Хотя не думаю, что в этом что-то есть...

— Вы имеете в виду слухи о завещании Саймона Квизенберри? — уточнила Дайана.

— Да. Поговаривают, он оставил после себя не так много, как... ну, как ожидалось.

— Это правда, мистер Флетчер. Думаю, рано или поздно... Словом, мистер Саймон не оставил ничего.

— Ничего? Хотите сказать — почти ничего?

— Абсолютно ничего. Вроде бы дела последние годы шли неважно, и я так поняла, он заложил все свое имущество. Даже коллекцию часов...

— Свою коллекцию? Интересно, кто ссудил Саймона под нее деньгами?

— Тот грек, поставщик губок. Мистер Николас Бос.

— Получается, все часы достанутся ему? Вчера он сказал, что пришел за часами, но я не думал, что это относится ко всей коллекции. Ведь она, говорят, стоит полмиллиона долларов!

— Так и есть! Мистер Квизенберри занял полмиллиона.

Джонни присвистнул:

— И Бос готов выложить еще семьдесят пять тысяч за «Говорящие часы»?

— По-моему, да.

Джонни покачал головой:

— Бывают же сумасшедшие! Скажите, зачем вам лишаться семидесяти пяти тысяч?

— Думаю, это очевидно. Я вышла за Тома по любви, а не из-за денег, как...

— Как Бонита, хотите сказать. А что будет с Эриком? Старик завещал ему компанию?

— То, что от нее осталось. Мама... Я так поняла, если он через полгода не выплатит банку миллион долларов долга, у него все отберут.

— Ого! Плохи его дела. А тот парень, который сейчас там заправляет, Уилбур Теймерек, что будет с ним?

Джонни показалось, что у нее слегка дрогнули губы, когда она сказала:

— В общем... скорее всего, он потеряет свой пост. Понимаете... Да ладно, все равно. Эрик никогда не занимался делами фирмы, поскольку Саймон держал бразды правления в собственных руках. А мистер Теймерек ему помогал. Саймон считал Эрика не слишком способным, поэтому...

— Понимаю. Но сейчас Эрик стал главным, по крайней мере на шесть месяцев. Не исключено, что он припомнит Теймереку старые обиды...

Они подошли к железнодорожному мосту, за которым пролежала главная улица Хиллкреста.

— Сейчас сяду в поезд, вернусь в город, — сказал Джонни. — Можно еще один вопрос? Как ваша мать относится к Эрику Квизенберри? — Он заметил изумление, отразившееся на лице Дайаны, и быстро добавил: — Можете не отвечать.

И не нужно было, потому что она отвела взгляд и все стало ясно. Он долго смотрел ей вслед. Наконец повернулся и зашагал к станции.

Глава 16

По пути от вокзала к отелю «На Сорок пятой» Джонни обнаружил, что весь его капитал составляют тридцать два цента. Знать бы, сколько Сэм просадил на обед из того доллара, что он дал ему. Оставшегося, по скромным подсчетам, должно хватить на ужин.

В холле к нему сразу подошел старший коридорный:

— Сэм в баре, мистер Флетчер. — Он подмигнул. — Ну и цыпочку он подцепил!

— Сэм — цыпочку? — Джонни был поражен.

Еще больше он удивился, войдя в бар и увидев блондинку за столиком напротив Сэма. Настоящая красotka! С роскошной фигурой. Цвет лица — изумительный. Конечно, это косметика, но макияж искусный. Сэм явно млел, общаясь с красавицей. Подняв глаза на подошедшего Джонни, он вздрогнул и покраснел:

— Джонни!

— Привет, Сэм! — сдержанно сказал Джонни. — Как дела?

— Нормально! Джонни, познакомься с мисс Далтон.

Блондинка стрельнула выразительными глазами в сторону Джонни:

— А вы, значит, и есть Джонни Флетчер! Сэм мне про вас так много рассказывал. Называйте меня Вивьен. Договорились?

Джонни кивнул и опустился на мягкий диван рядом с Сэмом Крэггом.

— Вивьен, где вы его подцепили? — спросил он без обиняков.

— Подцепила? Сильно сказано. Сэм настоял на том, чтобы угостить меня мартини. А вы... что, его сторож?

— Ага! — Джонни пихнул Сэма локтем в бок. — Раз уж ты такой щедрый, угости и меня!

— С превеликим удовольствием! — Сэм подозвал бармена. — Что будешь пить?

— Раз вы мартини, я тоже мартини.

— Идет! Бармен, три мартини. — Он вполголоса пояснил: — Работает здесь недавно.

— Делаешь успехи, Сэм. Чем занимался все утро? Морта видел?

— Конечно. Он зайдет к нам попозже.

— Зачем?

— Знаешь зачем. — Сэм ухмыльнулся. — Хочешь новый фокус?

— Нет, не хочу.

Взяв со стола пачку сигарет, Сэм вынул одну и закурил. Потом вытащил носовой платок и, встряхнув, развернул:

— Теперь следи.

Расправив платок на левой ладони, он завернул в него сигарету и сжал в кулаке.

— Разве он не душка? — воскликнула Вивьен.

Разжав руку, Сэм засмеялся. Сигарета исчезла и не прожгла при этом дыру в платке.

— Ну как, Джонни? Неплохо, да?

— Фокус смотрелся бы классно с чистым носовым платком.

— Проклятая прачечная. — Сэм поморщился. — А вот еще. — Он достал из кармана мундштук, вставил сигарету и закурил. — Следи внимательно. — Раздался щелчок, и сигарета исчезла.

— Ерунда, — проворчал Джонни.

— Захожу я в «Магазин чудес» Макса Холдена, а там один фокусник... Гляди сюда...

Сэм вытащил новенькую колоду карт и взял ее в левую руку. Отложив половину в правую, он попытался одной рукой снять колоду. Попытка не удалась: карты посыпались на стол.

Джонни рассмеялся. Раздражение на друга прошло.

Это почувствовала и Вивьен Далтон. Она облокотилась на стол.

— Я только сегодня поселилась в отеле. Рада, что здесь такие интересные люди. Я участвую в шоу в клубе «Великолепная семерка». Почему бы вам с Сэмом не зайти туда вечером и не посмотреть мое выступление?

— Если у них пиво по семьдесят пять центов за бутылку, мы с Сэмом сможем купить примерно с наперсток. Боюсь, столько нам не нальют.

— Вы на мели? А Сэм утверждал, что вы — лучший коммивояжер в стране.

— Так оно и есть, — скромно признал Джонни. — А Сэм не говорил, как сегодня утром он просадил все наши денежки в карты? Все, до последнего цента.

— Ты тоже хорош! Вздумал играть в «орел или решку» на двести баксов! — не остался в долгу Сэм.

— Те деньги нам достались дуриком. Кстати, пора поправить наши финансовые дела. Приятно было познакомиться, мисс Далтон, но...

— О, еще увидимся! Да и мне пора бежать. Надо сделать прическу на вечер...

— И так неплохо, — сказал Сэм, глядя на Вивьен преданными глазами.

Она одарила Сэма лучезарной улыбкой и встала. Сэм подозвал бармена:

— Приплюсуйте, номер 821.

Он положил на стол двадцать пять центов чаевых.

Вивьен Далтон через парадную дверь вышла на улицу. Джонни схватил Сэма за руку:

— А ну-ка, выкладывай, откуда ты раздобыл деньги на всю эту магическую дребедень?

— Расколол Эдди Миллера на пятерку, — ухмыльнулся Сэм.

- Эдди? И тебе не стыдно?
- Почему мне должно быть стыдно? Он тут неплохую деньгу зашибает...
- Зашибает, вот как? Ладно, разберемся...

Оставив Сэма за столиком, Джонни направился в холл, где за конторкой посыльного дежурил старший коридорный.

- Привет, Эдди! Как делишки?
- Сейчас неплохо, с этим съездом. А у вас, мистер Флетчер?
- Так себе. Сезон только начался. Слушай, Эдди, сколько тебе здесь платят?
- Пятнадцать долларов в месяц.
- Пятнадцать баксов?! В месяц?

— Жалованье в нашем деле не главное. Важнее чаевые. В обычный день набирается в среднем десятка, а сейчас, когда фермеры понаехали, доходит и до двадцати. И конечно, посыльные отстегивают по баксу в день.

- Ничего, жить можно! Я, кажется, занимаюсь не тем делом, — заметил Джонни.
- Ну, я о вас слышан! Говорят, на книжках вы в год имеете семьдесят пять кусков.
- Один раз так и было. А потом я все потерял на фондовой бирже.
- Легко приходит, легко и уходит. Я так считаю. А мне, по-вашему, лошадки много оставляют?
- У нас специалист по скачкам — Сэм, — сказал Джонни. — Эдди, слушай, я сегодня не при деньгах. Не подкинешь двадцатку до завтра?

— Разумеется, мистер Флетчер! Я не против. Для обычного постояльца я бы не раскошелится, но вы... я принесу деньги к вам в номер. У меня только мелочь, пока будут ее отсчитывать, вдруг зайвится Пибоди...

- Спасибо, дружище. Я этого не забуду.

Джонни забрал Сэма, и они поднялись на лифте на восьмой этаж. Зайдя в номер, Сэм упрекнул Джонни:

- Зря ты отбрил его за ту пятерку!
- С чего ты взял? Занял у него двадцать баксов. Ты мелко плаваешь.

Эдди уже стучал в дверь. Он высыпал на стол горсть четвертаков и монет по полдоллара:

- Вот, пожалуйста, мистер Флетчер!
- Ты, Эдди, настоящий друг! Вот зайду к своему приятелю, управляющему «Барбизон-Уолдорф», и замолвлю за тебя словечко.
- Берегитесь! Вы мне один раз уже обещали.

— Я помню, только, если подумать, все равно не согласишься скакать туда-сюда и открывать дверь перед каждым сопляком.

— Что правда, то правда, мистер Флетчер. Мне нравится ваш стиль. Из всех здешних постояльцев вы самый ловкий. А я и сам не промах. С дубинкой не хожу, но не найдется и одного клиента, который раз в месяц не сунул бы мне в карман кое-чего, понимаете?..

- Понимаю, Эдди. В один прекрасный день ты станешь в этом отеле управляющим.
- Я — управляющим? Да ни за что! Знаете, сколько платят Пибоди? Двести пятьдесят в месяц. И никаких чаевых. А я зарабатываю вдвое больше.

Закрыв за Эдди Миллером дверь, Джонни грустно покачал головой:

— Нет на свете справедливости. Вот взять меня. Один из самых смысленных парней, любого пройдоху перехитрю. И вдрызг разорен и вынужден занимать у коридорного, который огребает больше управляющего отелем.

— Джонни, никто не заработает больше тебя, когда ты прекратишь искать преступников и займешься делом.

Джонни насупился.

— Кстати, знаешь, — сказал он погодя, — «Говорящие часы» не стоят никаких семидесяти пяти кусков! Я поговорил по душам с одним специалистом по часам, так он считает, им красная цена десять тысяч.

- Да? Выходит, грек не сечет? Ведь он при нас предлагал семьдесят пять кусков.

— В том-то и дело! Мой знакомый эксперт-часовщик знает Боса. Он говорит, грек денег на ветер не бросает. Что ты об этом думаешь?

— Не знаю, — пожал плечами Сэм. — Что уж такого в этих «Говорящих часах»? Что они вообще говорят-то?

Секунду Джонни молча смотрел на своего друга.

— А ты правильно мыслишь! Что же они все-таки говорят? — Джонни вскочил и стал ходить взад-вперед.

— В Коламбузе, помнишь, слушали... Ничего особенного! И не слишком четко...

— Выполз человечек и пропищал: «Пять часов, и день почти закончен». А что он говорит в другое время? Правда, интересно?

— Интересно, но теперь уж не узнаем...

— Сэм, не упустили ли мы главного? Может, дело вовсе не в самих часах.

— А в чем же?

— Может... в том, какие слова, какие фразы человечек произносил. Сэм, помнишь, что произошло вчера у Квизенберри, когда все часы затрезвонили?

— Поднялся такой тарарам, что я чуть не спятил.

— А дальше что? Как раз перед тем, как поднялся тарарам, грек Бос предложил пятьдесят тысяч баксов. Когда часы заговорили, он нагнулся и приложил ухо прямо к человечку. Послушал, что тот сказал, и сразу поднял цену на двадцать пять кусков. Почему?

— Поди знай! Я не слышал, что часы сказали, потому что было слишком шумно.

— И я не слышал. Ах ты, дьявол, как хочется узнать! А этот Бос тот еще жук. И Джим Партридж тоже. За пять или десять кусков он бы так не выкладывался, но за семьдесят пять или больше можно и попотеть!

Странное выражение появилось на лице Джонни Флетчера. Глядя на него, Сэм поежился:

— В чем дело, Джонни?

— Та девица, Далтон... Кто кого снял — она тебя или ты ее?

Сэм почесал в затылке:

— В общем, я показывал Эдди фокусы в холле, и она там сидела. Она засмеялась, а потом, знаешь, слово за слово...

— Остальное ясно. Значит, это она тебя сняла. Так я и думал.

— А что в этом плохого? — нахмурился Сэм. — Я же не горилла какой-нибудь! А она такая общительная...

— Западня! — прервал его Джонни.

— Что ты хочешь сказать?

— Хочу сказать, она не случайно познакомилась с нами. Помнишь, что она сделала потом? Пригласила нас в клуб «Великолепная семерка». Знаешь, я склонен принять приглашение.

— В таких лохмотьях? Допустим, рубашки и прочую мелочь мы купим, но наши костюмы оставляют желать, как говорится. Была бы у нас сотня или около того...

— Есть масса способов одеться, если живешь в отеле. И вообще, руки чешутся наколоть Пибоди, этого жмота и сквалыгу!

— Хочешь выбросить тряпки в окно, а потом поднять шум, дескать, пока принимал ванну, кто-то вломился в номер и спер твой костюм?

— Лет пять или шесть такого не проделывал, — засмеялся Джонни. — Боюсь, с Пибоди номер не пройдет. Непременно заявит, что один из нас взял одежду у другого, а, мол, он такой мягкосердечный, не возражает, чтобы мы гуляли в холле в шортах и майках. Нет, этот способ не годится. Надо придумать что-либо более изысканное.

Пока Джонни восседал на кровати в позе роденовского Мыслителя, Сэм мурлыкал под нос что-то вроде:

— А мне сидеть еще четыре года...

Вдруг Джонни захохотал. Сэм обернулся и сказал:

— Почему бы прямо сейчас не вернуться в тюрьму? Вот они обрадуются!

Джонни снял трубку:

— Старшего коридорного, пожалуйста. — Затем: — Эдди Миллер? Это Джонни Флетчер. Слушай, сижу тут и размышляю, можешь ли ты мне помочь? Мистер Пибоди, наш дивный управляющий, где он покупает одежду?

Эдди подумал и сказал:

— У Хагеманна, на Бродвее, возле Сороковой. Я только на той неделе вернул им один костюм, чтобы они его перешили. Вы у них все равно покупать не станете, мистер Флетчер. Дешевка!

— Знаю. Просто мы с Сэмом поспорили. Я сказал, что Пибоди, должно быть, одевается либо у Хагеманна, либо у Макгаа. Я оказался прав.

Повесив трубку, он повернулся к Сэму:

— Сбегай за вечерней газетой! Поторопись, ибо мы покупаем новые костюмы.

— Не нравится мне все это, — заметил Сэм, направляясь к двери.

Когда он вернулся с газетой, Джонни схватил ее и принялся просматривать:

— Ага, вот! Реклама на всю страницу. Предлагают синий костюм в белую полосочку, всего за девятнадцать долларов восемьдесят пять центов. Мешковина, но лучше, чем то, что на нас сейчас. Сэм, а ты заметил, что у меня с мистером Пибоди одинаковый размер?

— А я уж точно в его шмотки не втиснусь. Я ношу пятьдесят шестой!

— Значит, пятьдесят шестой? — уточнил Джонни и набрал номер.

Сэм, чтобы ничего не слышать, скрылся в ванной. В трубке раздался хриплый мужской голос:

— Харли Хагеманн у телефона.

Джонни повысил голос на два тона:

— Это мистер Пибоди, управляющий отелем «На Сорок пятой». Помните, неделю назад или около того я заказал у вас костюм?

— Здравсьте, мистер Пибоди. Да, костюм я помню. Мы его для вас перешивали.

— Правильно. Ну так вот. С этим костюмом вышла история. Ко мне тут дядюшка приехал погостить, сел на стол и опрокинул бутылку красного вина. Залил и мой костюм, и свой. Не окажете ли мне любезность, мистер Хагеманн?

— Ну конечно, мистер Пибоди. Вам нужен новый костюм, да?

— Точно. Мои мерки у вас есть. Я просматривал сегодняшнюю газету. Вы рекламируете стильный синий костюм в белую полоску по девятнадцать восемьдесят пять...

— Весьма выгодное приобретение, мистер Пибоди. Костюм тянет на все сорок пять. На Пятой авеню с вас бы содрали...

— Да-да, — прервал его Джонни, имитируя нетерпеливую интонацию мистера Пибоди. — Все понятно. Но я сейчас не могу уйти, а костюм нужен позарез к вечеру. Пришлите с посыльным прямо в отель.

— Без проблем, мистер Пибоди!

— Великолепно! И пожалуйста, еще один костюм для моего дяди. Минутку. Дядя Сэм, так у тебя пятьдесят шестой? Хорошо. Второй костюм из того же материала, только пятьдесят шестого размера... И запишите оба костюма на мой счет. Договорились?

Ожидая ответа, Джонни затаил дыхание. Если у Пибоди не открыт счет или Хагеманн не сочтет возможным предоставить ему небольшой кредит, то игра проиграна.

Но Хагеманн ответил так, как и ожидал Джонни:

— Конечно, мистер Пибоди. Записываю на ваш счет... Когда прислать костюмы?

— Немедленно! Меня может не оказаться на месте. Пусть посыльный оставит пакет для меня у старшего коридорного.

Закончив разговор, Джонни скомандовал:

— Сэм, сбегай в лавку через дорогу, купи нам по приличной рубашке, а на обратном пути прихвати белую гвоздику.

— Это еще зачем?

— Пибоди всегда носит гвоздику. Как и большинство служащих в отелях. Просто как значок. Ну, давай в темпе.

Пока Сэм ходил за рубашками, Джонни быстро принял душ. Сэм вернулся. Джонни отколол от своей рубашки булавку и надел ее. Белую гвоздику он приладил в нагрудный карман.

— Теперь, Сэм, слушай сюда, как говорит мой знакомый часовщик. Магазин Хагеманна находится на Бродвее, возле Сороковой улицы. Он пришлет сюда посыльного. Твоя задача — стоять на улице. Выбери пост метрах в десяти от входа. Увидишь человека с двумя коробками или с одной большой, убедись, что на коробке написано «Хагеманн», после чего ты вбегаешь в отель и подаешь знак. Мне нужно тридцать секунд, чтобы приколоть гвоздику и выйти на сцену. Понял? Смотри не проворонь посыльного!

— Все будет в лучшем виде! — хохотнул Сэм. — Но когда Пибоди получит счет, придется расплачиваться! Он станет подозревать нас, а мы как раз на мели...

— Не станет! Потому что через день-другой, когда у нас будет сорок баксов, я зайду к Хагеманну и заплачу за наши костюмы. Либо пошлю к нему Эдди Миллера с деньгами. Пибоди и знать не узнает, что мы воспользовались его счетом.

Они спустились вниз. Джонни уселся в холле возле двери. Сэм вышел на улицу. Пибоди в поле зрения видно не было.

К Джонни подошел Эдди Миллер:

— Шеф только что заблокировал замок в двери номера одного парня с четвертого этажа. Бедолага задолжал всего за три недели.

— Спасибо, Эдди, что предупредил. Но я сейчас не в таком плохом положении.

Сэм Крэгг вихрем влетел в холл, кивнул Джонни и промчался к лифту. Джонни вскочил, вынул из кармана гвоздику и приколот ее в петлицу.

Когда он был в двух метрах от двери, вошел прыщавый юнец лет девятнадцати с двумя коробками в руках.

— А! — воскликнул Джонни. — Вот и вы! От Хагеманна?

— Вы мистер Пибоди? — промямлил юнец.

— Конечно! Передайте мистеру Хагеманну, что я ему весьма признателен. А вам, мальчик мой, полдоллара. — Он величавым жестом опустил монету в руку юнца.

Именно в эту минуту двери одного из лифтов раскрылись, и оттуда выплыл мистер Пибоди. С белой гвоздикой в петлице.

— Ха! Мистер Флетчер! Прибарахлились? Вы, похоже, процветаете. «Хагеманн»? Хороший магазин.

— Неплохой, мистер Пибоди, неплохой. Собирался сшить костюмчик-другой, а мой портной с Парк-авеню... — Не закончив фразы, Джонни шагнул мимо мистера Пибоди в лифт.

Наверху, в номере 821, его ждал Сэм.

— Сработало! — заорал он и вытер ладонью пот со лба.

— Разумеется, сработало. У меня трюки всегда срабатывают. Ну, почти всегда. — Джонни засмеялся. — А я ведь столкнулся с Пибоди. Меня так и подмывает оставить костюмы у него на счете.

— Ни в коем случае! — выпалил Сэм. — Первое число уже через три дня!

— Ты прав, но весь день мне мерещится слабое шуршание денег... и этот звук становится все слышнее и слышнее.

— Надеюсь, Джонни, надеюсь. Слишком долго нам не везло.

Глава 17

Спустя пару часов Джонни Флетчер и Сэм Крэгг входили в клуб «Великолепная семерка» в новых костюмах, начищенных ботинках, гладко выбритые и с модной стрижкой.

Метрдотель проводил их к столику возле танцплощадки размером с носовой платок. Когда подошел официант, Джонни небрежно обронил:

— Две бутылки пива и сухие соленые крендельки!

— Прошу прощения, сэр, но у нас минимальный заказ — три доллара.

— Ну да! А сколько стоит бутылка пива?

— Один доллар, сэр!

— Ладно, чуть позже закажем еще пару бутылок и выполним ваш минимум.

— Джонни, сразу не оборачивайся, — прошептал Сэм. — Там, у стены, не тот ли коммерческий директор?

Джонни обернулся спустя минуту, улыбнулся и кивнул Уилбуру Теймереку. Тот какое-то время моргал, должно быть припоминая, затем ответил кивком.

— Сэм, карауль пиво!

Джонни поднялся и пошел к столику, за которым сидел Теймерек. С ним была девица в песцовом палантине. Она сидела спиной к Джонни. Подойдя ближе, он слегка опешил, узнав в ней Дайану Раск. Он никак не ожидал встретить в ночном клубе вдову, только что похоронившую мужа.

— Вот так так! — воскликнул Джонни.

— Добрый вечер, Флетчер! — сдержанно поздоровался Теймерек.

Дайана Раск приветствовала его более сердечно:

— Мистер Флетчер, присоединяйтесь к нам!

— Наш столик вон там. Видите — Сэм караулит наше пиво. Но может, позже потанцуем?

Она слегка нахмурилась:

— Может быть...

Джонни кивнул:

— Как ваш бизнес, мистер Теймерек?

— Неплохо. А ваш?

— Помаленьку. Ладно, увидимся.

Вернувшись, Джонни обнаружил, что Сэм успел ополовинить свою бутылку.

— Ну и вечерок — сплошной облом! — пожаловался Сэм.

— Может, твоя подружка поднимет настроение? Где она?

— Узнавал у официанта. Сейчас ее выход.

Ударник оркестра забарабанил что есть мочи, и в освещенном кругу возник конферансье:

— Леди и джентльмены! Сейчас перед вами выступит исполнительница популярных песен, мисс... Вивьен Далтон!

На подиум вышла Вивьен Далтон. В весьма откровенном белом вечернем платье, она выглядела великолепно, и голос у нее оказался прекрасный — низкий, грудной. Во время пения она делала неожиданные паузы, от которых у Джонни вдоль позвоночника бегали мурашки.

— Ну разве она не прелесть? — просипел Сэм, перегнувшись через стол.

— Заткнись! — оборвал его Джонни. — Слушать мешаешь!

Она поймала его взгляд и послала ему загадочную улыбку. Сердце у Джонни замерло, и на мгновение он забыл о своих подозрениях.

Вивьен закончила петь под гром аплодисментов. На бис исполнила испанскую «Серенаду гаучо». Ей на смену вышло трио чечеточников.

Джонни расслабился:

— Класс! Такая девушка глотку перережет, а ты и не заметишь!

— По-моему, Джонни, насчет нее ты ошибаешься, — возразил Сэм. — На мои деньги, она в полном порядке.

— Какие деньги?

— Ш-ш-ш! Вон она!

Джонни быстро отодвинул свой стул. Вивьен Далтон подошла к ним, обворожительно улыбаясь.

— Привет, мальчики! — бросила она. — Пришли все-таки...

— Как нам это удалось, вам ни за что не догадаться, — ухмыльнулся Джонни. — А вы замечательно поете!

— Не заметили тут голливудских охотников за талантами?

Джонни придвинул для нее стул из-за соседнего столика:

— Посидите немного с нами?

— Только одну минуточку.

— Как насчет бутылочки пивка?

— Пиво?

— В нашем бюджете предусмотрено. Кроме того, пиво полезно для здоровья. С таким голосом, как у вас, стоит...

Вивьен Далтон уставилась на что-то позади него. Он проследил за ее взглядом.

— Господи, Партридж и... Ну ты смотри! — воскликнул Сэм. — Джим Партридж собственной персоной, в смокинге и с Бонитой Квизенберри.

— Вот это номер! — Джонни быстро перевел взгляд на Вивьен. — Ну кто бы мог подумать?

Она энергично покачала головой, как бы разгоняя завесу тумана:

— Что вы сказали?

— Вы знакомы с Джимом Партриджем?

— Не стану отрицать. — Она рассмеялась. — Между прочим, Далтон — мой сценический псевдоним. А вообще-то моя фамилия Партридж!

Джонни чуть не опрокинул бокал с пивом. Сэм Крэгг от изумления присвистнул:

— Он ваш муж!

— Муж?! Да сколько мне, по-вашему, лет? Он мой отец...

— А Бонита? — Джонни задержал дыхание.

— Не видела ее семь лет. С тех пор, как они развелись. Мне тогда было тринадцать, а я не знала...

— Что они помирились? Я тоже не знал.

— Пора переодеваться к следующему выходу, — сказала Вивьен и вскочила. — Извините...

Когда она ушла, Джонни придвинул свой стул к столу.

— Сэм, держи оборону, а я пойду перекинусь словечком с Партриджем.

— Позови, если начнет хамить.

Партридж уже заметил Джонни. Он что-то сказал Боните, та уставилась на Флетчера с выражением неприкрытого отвращения на лице.

— Здорово, приятель, — непринужденно произнес Джонни.

— Вишь, шею помыл, — саркастически заметил Партридж.

— Специально для тебя, воспользовался случаем.

— Джим, тебе обязательно разговаривать с этим типом? — процедила Бонита. — А говорил — мол, свою работу оставляешь в офисе...

— Разве? — спокойно спросил Партридж. — Не помню. Хотя, возможно, и говорил. Просто я все время стараюсь не упустить из виду нужных мне лиц.

— Кажется, ты преуспел. — Джонни покосился на Бониту.

Партридж покачал головой:

— Не угадал, приятель! В игре остается еще один ход. Будешь уходить — купи газету.

— Кое-что наклюнулось?

— Пока, Флетчер, — многозначительно произнес Партридж. — Я с тобой не играю.

Джонни пробирался к своему столику и ломал голову над увиденным и услышанным. Бонита появляется на людях вместе с Партриджем... Это, безусловно, важно, но у Партриджа на уме кое-что такое... о чем упоминается в газетах. Партридж намекнул, но не сказал, однако все подстроил так, чтобы они с Сэмом сегодня оказались здесь, в «Великолепной семерке». Сдается, за это время случилось что-то весьма значительное. Джонни терялся в догадках.

— В чем дело, Джонни? — спросил Сэм.

— Дело ясное, что дело темное.

— Девушка Раск не сводит с нас глаз. По-моему, она собирается с тобой поговорить.

— Все собираются... — произнес задумчиво Джонни. — Хотят замарать, а если точнее — закопать в дерьме. Но это мы еще посмотрим.

Степисты сорвали аплодисменты, оркестр заиграл танцевальную мелодию. Пары двинулись на пятачок танцплощадки. Джонни подошел к столику, за которым сидели Дайана и Теймерек.

— Позвольте пригласить вас на танец, мисс Раск, — проговорил он чопорно.

Она поднялась из-за стола. Джонни не танцевал года три, но это не имело значения, поскольку в такой тесноте двигаться было невозможно. Все просто топтались на одном месте.

— Я видела — вы разговаривали с Бонитой, — произнесла Дайана, когда они начали раскачиваться в такт музыке. — Знаете, сегодня она забрала свои вещи и уехала из поместья Квизенберри.

— Ага! Стало быть, месть или, как говорится, зуб за зуб. А вы в курсе, что ее спутник — Джим Партридж, ее бывший муж?

— Вот как? — Дайана вздрогнула. — Я думала, она с... Корнишем. Сегодня утром Эрик рассчитал его, и тогда она тоже ушла...

— Скажу вам еще кое-что, — продолжил Джонни, тщательно подбирая слова. — Вивьен Далтон — та, что недавно пела, — дочь Джима и Бониты Партридж.

— Вот это да! Не знала, что у нее есть дочь. Эрик никогда не рассказывал ма...

— Вашей маме? Может, Бонита не сочла нужным посвящать в это Эрика. Кажется, после развода дочь воспитывал Джим. Впрочем, кто кого воспитывал, это еще вопрос! Представьте — у второразрядного частного сыщика и вдруг такая дочь.

— Вы, наверное, удивились, увидев меня здесь? — спросила Дайана после непродолжительной паузы.

— Нет, — ответил Джонни. — Я не удивился. С тех пор как вы видели Тома в последний раз, прошла целая вечность.

— Я вот что хочу сказать: вы меня сегодня пару раз застали врасплох. Ну уж раз вы в курсе отношений между мамой и Эриком... Словом, в разгар ссоры между Бонитой и Эриком Боните позвонили, а он подслушал, как она условилась встретиться с кем-то здесь.

Джонни поморщился:

— Он попросил вас прийти сюда и выяснить, с кем это она?

— О нет! Эрик бы никогда... Он случайно проговорился маме, и я сама решила прийти сюда. Видите ли... В конце концов я решила взять часы.

— Ага! Значит, по-вашему, если их кто-то украл, это может быть только Бонита?

— Почему бы и нет? Она из-за денег пойдет на все... Часы мне, в общем, ни к чему. Просто не хочу, чтобы они оказались у мачехи Тома, по вине которой он сбежал из дому.

— Ему с ней солоно приходилось?

— Солоно... Не то слово! Она знала, что Саймон в Томе души не чает, и делала все, чтобы вбить между ними клин. Потом, после того как Том ушел из дома, она взялась за Эрика... Стала крутить с управляющим Корнишем.

— Корниш вроде бы выбыл из игры, — заметил Джонни. — Или Джим Партридж почуял где-то запах денег, а она хочет получить свою долю? Партридж, конечно, не дурак. Я все ждал, когда же он наконец перестанет темнить. Ведь мы с Сэмом пришли сюда по его милости. По крайней мере, мне так кажется...

В этот момент музыка смолкла. Придерживая Дайану за локоть, Джонни повел ее к столику, где Теймерек сидел в глубокой задумчивости.

— Присядьте на минутку, Флетчер, — сказал он мрачно. — Хотелось бы, чтобы вы рассказали мне о своей игре.

— Игре, мистер Теймерек? — насмешливо переспросил Джонни. — В игры я не играю!

— Разве? Появились у меня в офисе, прикинувшись оптовым покупателем из провинции. Если не детектив, тогда зачем вам все это нужно?

Джонни придвинул себе стул из-за соседнего столика и сел.

— Послушайте, Теймерек. — Он посерьезнел. — Я познакомился с Томом Квизенберри в тюремной камере. Случилось так, что мы прониклись друг к другу симпатией. Он мне доверился. У него были серьезные неприятности, ну а потом его просто убили. Я ввязался в игру, как вы называете мои действия, потому что считаю своим долгом предать в руки правосудия того, кто лишил жизни Тома Квизенберри.

— Но вы и ваш друг утверждаете, что Тома убил какой-то бродяга. Вряд ли бродяга из Миннесоты объявится в Нью-Йорке. Не правда ли?

— Почему бы и нет? Ведь «Говорящие часы» здесь. Тот, кто переоделся бродягой...

— О-о-о! — замахал руками Теймерек. — Уж не собираетесь ли вы заявить, что бродяга вовсе не бродяга, а кто-то из окружения семейства Квизенберри?

— Именно это я и собираюсь заявить.

Склонив голову набок, Уилбур Теймерек иронически посмотрел на Джонни, затем повернулся к Дайане, которая не сводила с Джонни глаз.

— Ну а ты что скажешь, Дайана?

— Не знаю, что и думать. — Она покачала головой. — Но в чем я уверена на сто процентов — это в том, что я встретила мистера Флетчера в Миннесоте и довольно отчетливо представляю, что ему пришлось пережить, добираясь сюда с целью просто отдать вещь, принадлежащую, по его мнению, мне.

— Большое спасибо, — сказал Джонни и поднялся.

Лицо Уилбура Теймерека вспыхнуло ярким румянцем.

— Не знал, что ты, Дайана, расцениваешь все это таким образом.

— Теперь знаешь.

Джонни улыбнулся ей и направился к своему столику, но затем вернулся:

— Видите того тяжеловеса, который входит в зал? Лейтенант Мэдиган из отдела по расследованию убийств. Думаю, он сюда по делу. На вашем месте я бы ушел! — Джонни поспешил к Сэму. — Сэм, прячься под стол! Старый приятель пожаловал.

Сэм пригнулся и действительно почти залез под стол.

— Уже поздно, — произнес Джонни вполголоса. Он сделал вид, будто только что заметил сыщика. И добавил: — Всем сидеть! Я лейтенант Мэдиган...

— Флетчер! Крэгг! А я-то думал, вы подались на Средний Запад снимать скальпы с туземцев!

Джонни пожал детективу руку:

— Это туземцы с нас снимают скальп.

— По тебе, к примеру, не скажешь. Должно быть, при деньгах — шатаешься по ночным клубам!

Джонни подмигнул:

— Если бы ты только знал...

— Не рассказывай, — шепнул Мэдиган. — Своих дел хватает. М-м-м... а вон и мой клиент.

— Имеешь в виду Джима Партриджа?

Лейтенант кинул на Джонни пронзительный взгляд:

— Ты что, знаешь Партриджа?

— Ага. И его супругу тоже. То есть бывшую. Вон она сидит — рядом с ним.

— Только не говори, — сыщик наклонился к Джонни, — только не говори, что и ты замешан в дело Квизенберри!

— Как раз ломал голову, — Джонни посмотрел на свои руки, — каким образом распутать это дело... и для тебя.

Лейтенант Мэдиган зажмурился, будто получил кулаком по лицу:

— За что мне такое наказание? Я попал в эту свару случайно. Начальник полиции Хиллкреста — мой старинный приятель. Он позвонил и попросил о личном одолжении — расспросить кое-кого здесь, в Нью-Йорке. И что же? Выясняется, что ты влип в это дело по уши. Ладно, выкладывай, что тебе известно! Партридж может и подождать.

Он опустил на стул, на котором совсем недавно сидела Вивьен Далтон.

— Ну, — начал Джонни, — мой рассказ станет более красочным, если ты скажешь, что случилось сегодня вечером.

— С чего ты взял, будто что-то случилось?

— Партридж намекнул минут десять назад. Мол, я прочту об этом в газетах.

— Ладно! Все равно уже не скроешь. Все дело в том, что убит управляющий поместьем Квизенберри некий Корниш.

— Где его убили? — Джонни задержал дыхание.

— Там, в поместье.

— Давно? Это очень важно, Мэдиган.

— Труп обнаружили под вечер в сторожке, но застрелили его, очевидно, еще днем. Где-то после полудня.

— Тогда их алиби горит синим пламенем, — нахмурился Джонни.

— У Партриджа? Если ты имеешь в виду его присутствие сегодня вечером здесь, тогда я с тобой согласен. Кстати, у его бывшей жены тоже. Мерримэн, мой приятель из Хиллкреста, допросил Эрика Квизенберри. Тот утверждает, что супруга около полудня ушла от него. После небольшой ссоры. Эрик признался, что она находилась с Корнишем в дружеских отношениях и ссора произошла частично из-за него. Квизенберри рассчитал Корниша. Я хочу побеседовать именно с миссис Квизенберри. И с Партриджем, разумеется. Пойду-ка к ним, а то они, по-моему, собираются уходить.

Он быстро встал и зашагал к столику Партриджа. Джонни — за ним.

— Здравсьте, Партридж, — сказал Мэдиган. — Как жизнь?

Партридж сидел с каменным лицом, но глаза его метали молнии. Он переводил взгляд с Партриджа на Джонни.

— Привет, Мэдиган, — отозвался он. — Вижу этот молокосос уже побеседовал с вами!

— Молокосос? — возмущился Джонни. — Да мы с лейтенантом закадычные приятели! Я помогаю ему распутывать кое-какие дела, к твоему сведению.

Лейтенант Мэдиган хмыкнул:

— Вы знаете, что произошло в Хиллкресте? А вы, миссис Квизенберри?

Цвет лица Бониты Квизенберри напоминал пожелтевшую слоновую кость. Прежде чем она вымолвила слово, вмешался Джим Партридж:

— Лейтенант, значит, этот сопляк ваш дружок? Ну так он, чтоб вы знали, прикрывал мисс Раск. Когда вы вошли, они танцевали, а потом она сразу смылась.

Мэдиган повернулся к Джонни:

— Флетчер, это правда?

— Танцевал ли я с мисс Раск? Танцевал. Но я понятия не имел, что ты ею интересуешься. И знать не знал, что ты пришел!

— Ах ты... — с досадой произнес Мэдиган.

— Она пришла сюда с Уилбуром Теймереком, управляющим компанией Квизенберри, — продолжал Партридж. — Его тоже не мешало бы допросить... А от меня чего вы хотите, лейтенант?

— Где вы были сегодня после обеда?

— У себя в конторе. Целый день.

— И ваши помощники, разумеется, это подтвердят?

Партридж скривил губы в подобие улыбки:

— А вы что, сумеете доказать, что меня в конторе не было?

— Вряд ли... Пошли отсюда. На нас начинают коситься.

Вернувшись за свой столик, Джонни потребовал счет. Официант произвел какие-то подсчеты и передал ему бумажку. Джонни взревел:

— Ничего себе! Двенадцать долларов... Я заказывал только бутылку пива!

— Извиняюсь! — Официант покосился на Джонни. — Сейчас проверю. — Он ушел. Минуту совещался с другим официантом, потом вернулся. — Шесть долларов, сэр. Предусмотренный минимум за двоих.

Джонни отсчитал шесть долларов мелочью и добавил двадцать пять центов. Официант двумя пальцами поднял монету с подноса:

— Это что такое, сэр?

— Это мне на завтрак, — огрызнулся Джонни, выхватывая у него монету. — Плакали твои чаевые!

— Премного благодарен, сэр. Заходите еще!

— Шесть баксов за две бутылки пива! — сокрушался Сэм Крэгг, следуя вслед за Джонни к выходу, где их поджидали Мэдиган, Бонита и Партридж.

На улице Джонни поинтересовался:

— Мэдди, вечером я тебе нужен?

Мэдиган пожевал нижнюю губу, посмотрел на Бониту Квизенберри и ее бывшего мужа, затем покачал головой:

— Часа два я буду занят, и в это время лучше не попадаться мне на глаза. Ты где остановился? В том крысятнике на Сорок пятой? Или на Парк-авеню?

— На Сорок пятой. Я поставлю лампу на подоконник, чтобы тебе не красться в темноте.

— Идет. А если я не объявлюсь, сам заходит утром. Тогда и поговорим.

— Прекрасно!

Шагая вниз по Шестой авеню, Сэм Крэгг всю дорогу молчал, а потом заявил:

— Мое мнение такое — это дело рук Партриджа. Вспомни — ты сам сказал ему, что у его бывшей шуры-муры с Корнишем!

Джонни покачал головой:

— Корниш был грубым и неотесанным. Заскочим на минуту в магазин — хочу позвонить!

— Кому? Сейчас ночь!

— В международный аэропорт Ла-Гуардиа. Хочу сообщить, что у них пожар.

На коммутаторе его проинформировали, что звонок в Хиллкрест будет стоить двадцать центов. Он опустил в щель автомата монеты.

— Приветствую вас! Это шеф полиции Хиллкреста? Нью-Йорк, отдел по расследованию убийств. Звоню по поручению лейтенанта Мэдигана. Хочу услышать от вас кое-какие подробности относительно убийства Корниша...

— Сам-то он что-нибудь накопал? — спросил шеф полиции Хиллкреста.

— Пока не знаю. Он позвонил и сказал, мол, задержал тех двоих. Когда Корниша обнаружили, был ли у него на лице кусочек пластыря?

— Был! — ответил полицейский. — Как раз собирался поделиться своими сомнениями с Мэдиганом. Под пластырем не оказалось ни пореза, ни даже царапины. Это очень странно, потому как накануне, по словам Корниша, он вступил в схватку с грабителями. Передайте это Мэдигану, и пусть он сам мне позвонит, когда придет.

— Передам. Спасибо!

Джонни повесил трубку и вышел на улицу.

— Корниш сам украл «Говорящие часы». А тот, кто сегодня его убил, часы забрал, — сказал он Сэму.

— Я все же ставлю на Партриджа, — не уступал Сэм Крэгг.

— А я нет, — ответил Джонни.

Продолжая спорить, они дошли до отеля. В холле им навстречу поднялся из кресла Морт Мюррей, осунувшийся и небритый.

— Морт! — воскликнул Джонни. — Что ты здесь делаешь в такой поздний час?

— Разве Сэм не говорил, что я приду? — спросил Морт с горечью в голосе.

Сэм поморщился:

— Говорить-то я говорил...

— Правильно. Он говорил, просто кое-что произошло. Что с тобой, Морт? Что случилось?

Морт окинул взглядом новые костюмы Джонни и Сэма:

— Сам знаешь, Джонни. Я занял деньги под грабительские проценты, а ты обещал...

— Правильно, обещал! Поднимемся наверх, Морт! Там обсудим ситуацию.

У себя в номере Джонни сказал:

— Сэм должен был рассказать тебе о нашей неудаче, из-за которой мы не пришли к тебе сегодня утром.

— А Сэм говорил тебе, что, пока он был у меня, явился Кармелла и всячески угрожал, потому что я пока еще не заплатил проценты?

— Я ему об этом не говорил, — буркнул Сэм.

Глаза у Морта потухли.

— Знаешь, что он предпринял? Оштрафовал меня на двадцать пять процентов. Теперь я должен ему сто пятьдесят долларов плюс проценты, какие завтра составят двадцать долларов. Он сказал, что, если я их не заплачу, он поставит меня на счетчик.

— Вот скотина! — бросил в сердцах Джонни. — По-моему, он просто запугивает!

— Запугивает, да? Вот приходи завтра и сам скажи ему об этом. Я погиб, если к утру не добуду денег. Хотя бы на проценты!

Джонни порылся в карманах. Мелочи набралось долларов на семь.

— А у тебя сколько, Сэм?

Сэм наскреб доллара полтора:

— Мы же покупали рубашки и все такое...

— Помню. Знаешь что, позвони Эдди Миллеру!

— Он сегодня выходной. Но будет завтра в семь утра.

— Значит, завтра первым делом перехватим у него двадцать баксов, и Морт сможет выплатить проценты, а в течение дня я постараюсь раздобыть еще сколько-нибудь денег.

— Спасибо, Джонни! Я знал, что ты меня не бросишь в беде.

— А то! Разве когда было по-другому? А теперь скажи, где ты собираешься ночевать?

— Собирался в конторе.

— У нас останешься. Сэм подвинется на своей двуспальной. И тебе утром не придется снова сюда тащиться. Ну, братцы, давайте на боковую, завтра великий день.

Глава 18

Утром Джонни Флетчера разбудили солнечные лучи. Какое-то время он созерцал два холма на соседней кровати, потом сел и гаркнул:

— Подъем, ребята! Уже утро.

Выпрыгнув из постели, он помчался в ванную, когда вышел — побритый, весело посвистывая, Сэм Крэгг и Морт Мюррей были уже одеты.

— Девятый час, Джонни, — напомнил Морт. — Как, по-твоему, не пора звонить Эдди Миллеру?

— Пора! — Джонни подошел к телефону. Эдди Миллер оказался на месте, и Джонни попросил его подняться. Войдя в номер, старший коридорный кинул на Морта Мюррея неприязненный взгляд:

— Лишний постоялец, мистер Флетчер? Пибоди это не понравится.

— Эдди, Пибоди много чего не нравится. Морт мой друг, и он в затруднительном положении. Если я не добуду для него двадцать баксов, ему придется плохо. Словом, Эдди...

— Господи, мистер Флетчер! Утром мне самому пришлось занимать на автобус. Представляете? Вчера вечером погонял шары с двумя шулерами — дочиста меня разули!

Морт Мюррей охнул. У Джонни потемнело в глазах.

— Эдди, — укоризненно произнес он, — ты меня убиваешь. Раз уж тебе не прожить без бильярда, играл бы хоть вот с Сэмом! Между прочим, он был чемпионом округа Бремер в штате Айова. Ну а когда, по-твоему, ты сумеешь раздобыть двадцать баксов?

— Только к вечеру. А может, и вообще не получится. Сегодня что-то тихо. Вы же знаете, мистер Флетчер, я бы дал вам деньги, если бы они у меня были. Провалиться мне на месте!

— И мне тоже, Эдди!

Опечаленный, Эдди направился к двери. Вдруг он остановился:

— Слушайте, а откуда у вас с Сэмом новые костюмы, если у вас нет монет?

— Секрет, Эдди! — Джонни погрозил ему пальцем. — Надеюсь, его никто никогда не узнает.

Эдди кивнул, но в глазах у него мелькнуло подозрение, а лоб Морта покрылся испариной.

— Боже, как я покажусь у себя? Меня там поджидает Кармелла!

— С тобой пойдет Сэм. По правде говоря, и я пойду. Морт, дружище...

Дверь чуть не раскололась пополам под ударами мощного кулака. В номер ввалился лейтенант Мэдиган.

— Я не разбудил?

— Умри я, ты бы и тогда меня разбудил, — отозвался Джонни и ухмыльнулся во весь рот. — Но мы тебе рады, как цветочкам в мае. Слушай, лейтенант, вот Морт Мюррей, самый славный парень в этом большом городе. Он книгоиздатель. Это он издает наш перл — книжку «Каждый человек — Самсон», с помощью которой вот уже лет десять я зарабатываю на хлеб насущный. А сейчас он в полной яме. Взял деньги в долг под грабительские проценты у одного типа.

— Круто, — посочувствовал Мэдиган. — Как его зовут?

— Кармелла...

— На Ника, что ли, работает? — спросил Мэдиган.

— Ник?.. А дальше? — Джонни напрягся.

— Ник Босапополус или вроде того. Для краткости он называет себя Ник Бос, — объяснил Мэдиган.

— Ты сказал — Ник Бос?! — заорал Джонни.

— Ну да! Он контролирует половину нелегальных ростовщиков в нашем городе. Это всем известно... А вам-то что до него?

— Ник Босс, поставщик губок? Офис на Уэст-авеню?

Лейтенант Мэдиган пожал плечами:

— Думаю, губки или что-то в этом роде — просто прикрытие.

— Мама дорогая! — До Сэма наконец дошло.

Джонни опустился на кровать:

— Вот, значит, откуда денежки на часики ценой в семьдесят пять тысяч долларов!

— Ты о чем это? — Лейтенант Мэдиган уставился на Джонни.

— Разве Партриджи во время допроса не упоминали о нем? Ведь он главное действующее лицо в спектакле Квизенберри!

— Не сказали о нем ни слова! Они вообще были не слишком разговорчивы. Партридж намертво вцепится в свое алиби, а дамочка все требовала вызвать адвоката. Пришлось их отпустить. Ну-ка, Флетчер, напрягись! Каким боком в этом деле замешан Бос?

— Лучше давай съездим к нему. Прямо сейчас, — предложил Джонни.

— Идет! А по пути ты меня проинформируешь. У меня лимузин внизу.

Сэм и Морт закончили одеваться, и все вместе они покинули номер. В холле мистер Пибоди водил пальцем по мебели, проверяя, не оставили ли уборщики пыль. При виде лейтенанта Мэдигана он воскликнул:

— Я так и знал, Флетчер! Опять вы набедакурили?

— Зря радуется, Пибоди! У меня все тип-топ, и впредь я попрошу бы вас выбирать выражения. — Джонни направился к выходу, бормоча про себя: — До первого числа осталось всего два дня. Вот уж он удивится!

За рулем лимузина сидел детектив Фокс. В прежние времена он знал Джонни и Сэма, но приветствовал их без особой радости. Морт уселся рядом с детективом Фоксом, остальные — на заднее сиденье. Мэдиган сказал Фоксу, куда ехать. Машина помчалась в западном направлении. Мэдиган обернулся к Джонни:

— Звонил мой друг Мерримэн из Хиллкреста. Сказал, вчера вечером ему позвонил какой-то тип, представился сотрудником нашего отдела... Прямо сразу после того, как мы вышли из «Великолепной семерки». В чем дело, Флетчер?

— Джо Корниш утверждал, что, когда украли «Говорящие часы», он дрался с грабителями. Вчера я его видел — у него на лице был приклеен пластырь. Мерримэн сказал — это была обманка. Уловил?

— А то! Получается, Корниш не сражался с грабителями. Выходит, он сам украл часы?

— Сначала я грешил на Бониту. Она собиралась толкнуть часы Босу за семьдесят пять кусков: старый Саймон разорился подчистую и не оставил ее муженьку ни цента.

— Зачем ей красть часы, раз они все равно достались ее мужу?

— В том-то и штука, что не достались. Часы перешли к мисс Раск. Старик вроде бы завещал их внуку, Тому Квизенберри. А он был убит... то есть умер прежде старика. И вдобавок был женат на Дайане. Стало быть, часы принадлежат по закону ей.

— Почему у меня нет таких сведений? — воскликнул Мэдиган.

— Потому что ты не расспрашиваешь всех вокруг, как я. Ну, раз уж я первый начал, скажи, как убили Корниша?

— Способ самый распространенный. Пуля 32-го калибра. Дырка прямо за ухом.

— Если 32-й калибр, значит, пистолетик совсем маленький, — произнес Джонни. — И дырка за ухом... так-так!

— Дамочка запросто могла его чпокнуть. Я приставил к ней пару своих людей. Остановилась она в «Соренсене».

— Там и Партридж проживает.

— Знаю. Но их номера на разных этажах. Я и к Партриджу людей приставил. Между прочим, Мерримэн допросил ту мисс Раск. К слову, ты такую свинью мне подложил — дал ей вчера ускользнуть от меня. Хотя с этим Теймереком я побеседовал.

— Где?

— Подождал возле его дома на Пятдесят седьмой. Поэтому и не успел к тебе, поскольку он явился только в три ночи. Провожал мисс Раск до самого Хиллкреста. Что ты думаешь о Теймереке?

— Он сильно увлечен этой девушкой, — пожал плечами Джонни. — Теперь, когда Квизенберри в могиле, ему, возможно, повезет...

— Он сказал, что последние два года фактически руководил часовым заводом. А вчера Эрик его уволил.

— Эрик? Вот это номер! Мышка становится кошкой. Сперва жену выгнал, а теперь — любимчика своего папаши. Похоже, он собирается захватить власть.

Детектив Фокс бросил через плечо:

— Лейтенант, приехали! А вы знаете, что это за местечко?

— Знаю, Фокс. Паркуй машину за тем большим «кадиллаком».

Фокс так и сделал. Они вышли из лимузина. Джонни приблизился к «кадиллаку» и осмотрел монограмму на дверце.

— Буква «Н» и буква «Б», — произнес он вслух.

— А тебе-то что? — огрызнулся сидящий за рулем мужчина с массивной нижней челюстью.

Лейтенант выразительно глянул на Фокса и кивнул в сторону грубияна водителя. Фокс вразвалочку направился к нему, остальные вошли в вестибюль здания компании по импорту губок.

Девушка с цветом лица, как у сыра рокфор, встревожилась. Дрожащими от волнения руками она стала что-то нажимать под столом.

— Давайте! — хмыкнул Мэдиган. — Подайте ему еще один сигнал, а за нами дело не станет.

Поставщик губок сидел за столом в своем кабинете. Его пальцы с маникюром были сложены домиком.

— Доброе утро, лейтенант Мэдиган, — вежливо произнес он, — и мои друзья, частные сыщики. Вы найти часы для меня?

— Поговорим об этом чуть позже, Бос. — Джонни как бы не обратил внимания на «сыщиков».

— У меня вопрос, который я бы хотел прояснить. Работает на вас подонок по имени Кармелла?

— Кармелла? Никогда не слышал это имя.

— Объясняю. Это один из ваших инкассаторов. Он предоставил небольшой заем моему другу и с тех пор мешает ему жить.

— Инкассатор? — переспросил Бос. — Заем? Кто такой ваш Кармелла?

— Вы прекрасно это знаете, — вмешался Мэдиган. — Один из ваших громил.

Во взгляде Боса появилась грусть.

— Мистер лейтенант, вы говорить о тех старых проблемах. Окружной прокурор ничего не может доказывать. Я импортировать губки, вот и все. Я зарабатывать немного деньги и покупать часы, который мое хобби, потому что я очень любить часы, вот и все. Я никого не беспокоить, и у меня везде есть хорошие друзья...

— Да уж! — хмыкнул Мэдиган. — Будто я не знаю, что у тебя везде друзья в нужное время! Но бывает, и друзья не в силах помочь. В особенности когда случается убийство.

— Подожди! — выпалил Джонни. — Не все сразу! Морт умирает от страха при воспоминании о Кармелле. Бос, мой друг Морт Мюррей занял у Кармеллы сто двадцать баксов. Играйте Кармелле отбой! Деньги придется вычестить из моего гонорара.

Бос выразительно передернул плечами:

— Хорошо! Я не знать тот человек Кармелла, но если бы я его знать, я бы сказать ему, ладно, отстань от Морта Мюррея. Ну, что за убийство?..

Джонни похлопал Морта по плечу:

— Порядок, приятель, спи спокойно. Никто тебя не тронет. Ну, пока!

Тяжело вздохнув, Морт ушел.

Джонни снова повернулся к Николасу Босу:

— Вы конечно же просматривали утренние газеты и знаете о Джо Корнише...

— Зачем кто-то убивать сторож?

Лейтенант Мэдиган щелкнул пальцами.

— Именно об этом я и собирался спросить. Любопытное предложенье вы сделали владельцам «Говорящих часов».

— Я говорить вам. Хорошие старые часы я хотел иметь для моей хобби. Я покупать много другие часы. — Бос взмахнул рукой, привлекая внимание присутствующих к своей коллекции.

— Нет, так дело не пойдет! — вспыхнул Мэдиган. — Бос, не будете отвечать по существу, придется говорить в другом месте.

— Да, конечно. У вас есть ордер? Я думать, что случиться в округе Уэстчестер.

— Я в контакте с полицией Уэстчестера и достаточно быстро могу получить ордер. Вы, Бос, прекрасно об этом знаете. Скажите, где вы были вчера во второй половине дня?

— Прямо здесь, в мой кабинет. Я работать...

— Ну и болван же я! — Мэдиган вскинул брови. — Не стоило и задавать такой вопрос. На вас работает столько гангстеров, что мне и месяца не хватит всех их отловить. Начнем сначала... Зачем вам понадобились именно эти «Говорящие часы»?

— Позволь мне, — вмешался Джонни Флетчер. Он наклонился вперед. — О чем сообщают часы ровно в три?

Впервые на лице Боса отразились какие-то эмоции. Оливковая кожа стала тона на два светлее.

— Я... не знаю, что они говорить, — запинаясь, проговорил он.

Джонни кивнул в сторону двери.

— По-моему, лейтенант, мы зря теряем время.

Мэдиган вздохнул:

— Ладно, Бос, я еще загляну сюда.

На улице шофер «кадиллака» прикладывал к носу платок. Детектив Фокс, прислонясь спиной к полицейскому лимузину, потирал костяшки пальцев правой руки.

Мэдиган направился к машине. Джонни остановил его:

— Знаешь, лейтенант, я тебя покидаю.

— В чем дело?

— Мне, знаешь ли, все еще приходится зарабатывать на хлеб насущный. Вот я и подумал, пойду-ка толкну парочку книжек.

— Темнишь ты, Флетчер, вот что я скажу! Я заметил, какая физиономия стала у Боса, когда ты спросил, что говорят часы в три...

В лимузине внезапно заговорила рация:

— Лейтенант Мэдиган, ответьте. Лейтенант Мэдиган, ответьте!

Мэдиган открыл дверцу, дотянулся до рации и нажал кнопку:

— Говорит Мэдиган. Что случилось?

— Мерримэн из Хиллкреста звонил, — проскрипел голос в рации. — «Говорящие часы» возвращены.

— Что? — Мэдиган отключил рацию и выскочил из машины. — Ладно, Флетчер, ты свободен!

Джонни Флетчер незаметно подмигнул Сэму Крэггу. До угла они дошли не спеша, потом побежали. Джонни пулей влетел в табачную лавку. Когда Сэм нагнал его, Джонни уже стоял в кабинке и опускал пятицентовую монету в щель телефона-автомата.

В доме Квизенберри к телефону подошел лакей.

— Будьте добры, позовите Эрика Квизенберри, — сказал Джонни в трубку. — Передайте, звонит Флетчер.

После продолжительной паузы в трубке послышался голос Эрика:

— Слушаю вас, мистер Флетчер!

— Я только что узнал от полицейских, что «Говорящие часы» возвращены. Как их вернули, мистер Квизенберри?

— Это-то и есть самое удивительное, мистер Флетчер! Вчера они пропали из сейфа, а сегодня утром я захожу в комнату, где коллекция, а они там — среди других часов. Я немедленно известил полицию. Полицейские уже здесь...

— Мистер Квизенберри, вы сегодня заглянете к себе в офис?

— Непременно! Как только закончу дела с полицией.

— Я заскочу к вам где-то во второй половине дня. Думаю, тогда смогу сообщить вам нечто важное.

— А при чем тут вы? То есть мне хотелось бы знать, почему вы принимаете во всем этом такое живейшее участие? Вы не...

— Я старый друг Тома Квизенберри, — прервал Джонни Эрика. — До скорого, мистер Квизенберри.

Он рывком повесил трубку. Выходя из табачной лавки, Сэм Крэгг обронил:

— Странно все это! Вор возвращает часы после того, как из-за них убил человека.

— Сэм, это не только странно — это просто в голове не укладывается! Если только... если только часы вообще пропадали.

— Думаешь, их стибрил сам Квизенберри? Впрочем, почему бы и нет?

— Все может быть! Эрик приобрел хватку. Вчера вышвырнул жену, а сегодня с треском вышиб Теймерека. Два поступка, на которые раньше у него бы духу не хватило. Хотелось бы знать, не была ли кража часов способом вывести на чистую воду Бониту? Кажется, недооценил я его!

— У него шуры-муры с мамашей Дайаны Раск, — сказал Сэм. — А у этой дамочки вид такой, словно у нее в позвоночнике железный стержень.

— Может, она и его дух укрепила. И все же... Такси!

— Опять такси? — воскликнул Сэм. — С нашими-то финансами?

— Там, откуда мы их взяли, есть еще. Водитель, угол Лексингтон-авеню и Шестидесятой!

Глава 19

К полному замешательству Сэма Крэгга, Джонни отвалил таксисту доллар сорок центов.

— Чего ради швыряться деньгами? — пробурчал он.

— Ради часового магазина на той стороне. Подожди здесь. Я пойду туда один.

Перейдя через дорогу, Джонни вошел в антикварную лавку. При виде его хозяин воскликнул:

— Вернулись, а? Что вы сегодня хотите?

— В общем, рассчитываю получить кое-какую дополнительную информацию. Для той статьи...

— Какая статья? Какая газета? Вчера после вашего ухода я вспомнил кое-что интересное, что могло бы вам пригодиться, и позвонил в «Блейд». Догадываетесь, что мне ответили?

— Догадываюсь. — Джонни состроил гримасу. — Хорошо, делаю откровенное признание. Я сыщик и в данный момент занят делом Квизенберри.

— Почему не сказали об этом вчера? Тот, другой, оказался откровеннее.

— Какой другой?

— Сыщик, который заходил после обеда. Своего имени он не назвал.

— Как он выглядел?

— Обыкновенно. — Часовщик пожал плечами. — Формы на нем не было.

— Что он хотел узнать?

— А разве вы не из одной конторы?

— По этому делу работают полдюжины сотрудников. Возможно, к вам заходил Снодграсс. Скажите, пожалуйста, вчера вы говорили, что видели «Говорящие часы» на выставке. Наверное, вы также слышали, что именно они говорят?

— Голосок у них не очень приятный. Слишком тоненький...

— Я слышал их всего один раз, и меня интересует, какой текст они произносят... скажем, в три часа?

Часовщик задумался:

— Не припоминаю ничего особенного. Я слышал их несколько раз в разное время. Ничего необычного. Какие-то банальности...

Джонни вздохнул:

— Может, мне удастся оживить вашу память. В пять человек говорит: «Пять часов, и день почти закончен»...

— Да, что-то в этом роде. А в шесть — что-то типа «Когда день закончен, наступает вечер».

— А в три? — Джонни нетерпеливо наклонился к часовщику. — Пожалуйста, постарайтесь вспомнить!

— Не получается. Никогда не обращал особого внимания... Шесть часов — это просто, потому что шесть часов считаются концом дня. Вы заставили меня вспомнить, что часы говорят в шесть, произнеся строчку, относящуюся к пяти. Но...

— Да?

Часовщик щелкнул пальцами:

— Возможно, у меня это есть! Да! Теперь припоминаю — два года назад, когда Саймон в последний раз выставлял свои часы, об этом сообщалось... Где-то у меня должны быть журналы... — Он подошел к шкафу, повернул ключ в замке. — Вот они! Номера «Америкэн хоббиист» за последние два года.

Джонни обошел прилавок:

— Позвольте взглянуть?

— Да, пожалуйста. Два года назад съезд проходил летом. По-моему, в июле. Отчет должен быть в августовском номере.

Часовщик вывалил на прилавок стопку журналов, и они принялись рыться в них. Августовский выпуск обнаружил Джонни.

— А, вот! «Выставка часов! — прочел часовщик. — „Говорящие часы“ Саймона Квизенберри». В двенадцать они говорят: «Двенадцать часов. Полдень и полночь. Отдохни, труженик...»

— Три часа! — воскликнул Джонни. — «Три часа. Резец годов у жизни на челе за полосой проводит полосу»³. — Он оцепенел.

— Шекспир! Да, теперь припоминаю!

— Но это ведь бессмысленно! — вскричал Джонни.

— Как и остальное. Я вам говорил — никаких премудростей они не изрекают.

Джонни вздохнул:

— Слушайте — пять часов! «Я властелин своей судьбы. Я капитан своей души».

— Хенли⁴, — подсказал антиквар. — М-м-м... я неверно привел цитату для шести часов. Вот: «Когда наступает ночь и приходит утро...».

— А в пять часы говорят совершенно другое, — сказал Джонни.

— Почему вы так уверены?

— Потому что я слышал. Часы сказали: «Пять часов, и день почти закончен».

— Вы ошибаетесь. Я слышал часы несколько раз, и то не помню точно!

— А я помню. Совершенно точно. Когда я слышал их неделю назад, они сказали: «Пять часов, и день почти закончен».

Антиквар пожал плечами:

— Какая разница? Может, у Саймона были две пластинки с разными текстами. Вчерашний детектив об этом спрашивал.

— Что именно?

— Можно ли сменить пластинку в часах. Я сказал, что можно, но изготовить такую пластинку довольно трудно. Насколько я помню, их делают из сплава золота и еще какого-то металла. Тот детектив спросил, смогу ли я изготовить такую пластинку, я ответил, что нет.

— А потом?

— Я предложил ему попытать счастья в звукозаписывающих студиях.

Джонни выпрямился:

— Послушайте! У вас этот старый журнал просто валяется без дела. Вы не одолжите его мне?

— Можете взять, но при одном условии — вы расскажете мне все-все о «Говорящих часах», когда закончится расследование.

— Договорились.

Джонни свернул журнал в трубку, поблагодарил часовщика и вышел на улицу. Увидев его, Сэм Крэгг заспешил навстречу:

— Джонни, не оборачивайся сразу! У меня за спиной в дверях табачной лавки какой-то тип. Он за нами следит.

— Следит? — Невзирая на предупреждение, Джонни немедленно перевел взгляд на табачную лавку. На тротуар шагнул какой-то человек. — Оборванец! — Джонни задержал дыхание.

— Бродяга? — Сэм не поверил своим глазам.

— Он самый! Идем за ним...

³ У. Шекспир. Сонет 60. Перевод С. Я. Маршака.

⁴ Хенли В. Э. (1849–1903) — английский поэт.

Это был тот самый бродяга — грязный, оборванный отрепыш. И, как тогда в Миннесоте, он, заметив Джонни и Сэма, внезапно рванул с места с потрясающей скоростью. Обогнав их метров на двадцать, он завернул за угол, на Шестидесятую улицу. Когда они добежали до угла, разрыв увеличился метров до двадцати пяти.

— Паразит! — не сдержался Джонни. — Этот гад опять уходит...

И как нарочно, в пределах видимости ни одного такси! Стиснув зубы, Джонни со всех ног кинулся следом. Бесполезно!

Оборванец был уже на Третьей авеню, метрах в ста от них. Когда Джонни завернул за угол, тот уже исчез. Джонни остановился. Подоспел Сэм.

— Опять ушел, — произнес Джонни с досадой. — Ничего не понимаю, с виду он старик... Вот ведь дьявольщина!

— Судя по тому, как этот старик улепetyвает, он, должно быть, олимпийский чемпион по бегу, — сказал Сэм, выравнивая дыхание.

— И тем не менее одна загадка разгадана. Бродяга убил Тома, в этом нет никаких сомнений. То, что он в Нью-Йорке, — не простое совпадение. Но как, дьявол его побери, он нас выследил утром?

— Может, он пас нас всю дорогу к Босу, от самого отеля?

— Но где мы остановились, знают только несколько человек! Давай прикинем. Не считая Мэдигана, это — Партридж, Эрик Квизенберри, мамаша и дочка Раск и, возможно, Уилбур Теймерек.

— А если грек?

— Не исключено. Кармелла или какой-то другой бандюга мог выследить Морта. А Партридж? Любой его подручный способен без всякого напряжения выяснить, где мы остановились. А мы и не догадываемся! Может, Тома прикончил кто-то из людей Партриджа! Надоели они мне все! Очень хочется бросить это дело.

— Вот это мысль! — обрадовался Сэм Крэгг. — Я — за! Вернемся к работе, заработаем денег. Скоро во Флориде открывается сезон. Давай рванем туда зимой?

— Кто бы возражал! — Джонни пожал плечами.

— Значит, решено?

— Может быть. — Джонни достал из кармана пятицентовую монету, подбросил в воздух, затем ловко ее поймал. — Пойду-ка позвоню.

— Но ты ведь только что сказал... — простонал Сэм Крэгг.

— Но ведь еще не зима. И Флорида никуда не денется!

Джонни зашел в телефонную будку, оставив Сэма снаружи. В справочнике он отыскал номер «Часовой компании Квизенберри».

— Скажите, мистер Эрик Квизенберри у себя?

— Да, но он не может подойти. Он очень занят.

— Понял! А можно попросить мистера Уилбура Теймерека?

— Извините, но мистер Теймерек у нас больше не работает.

— Как? — воскликнул Джонни. — Мистер Теймерек, коммерческий директор?

— Вчера он прекратил всякие отношения с нашей фирмой.

— А вы не могли бы дать его домашний адрес? Для меня очень важно связаться с ним.

— Минуточку... Да, пожалуйста! Он живет в «Шантеклере», на Пятьдесят седьмой улице.

— Большое спасибо. — Джонни в сердцах брякнул трубкой. — Ну и растяпа ты, милая моя! Секретаршам следует быть осторожнее и не раздавать домашние адреса кому попало...

Выйдя из будки, Джонни схватил Сэма за руку:

— В темпе чешем к Теймереку. Он живет неподалеку. Он ужасно зол на Квизенберри и наверняка вылет на него ушат грязи! Вряд ли у нас появится другая возможность услышать такое.

— Что с тобой делать? — вздохнул Сэм обреченно. — Кто я такой, чтобы возражать? Как известно, я всего лишь на вторых ролях! Все дорогу подыгрываю тебе.

— Жалко себя? — Джонни ухмыльнулся.

Они живо добрались до «Шантеклера». Здание произвело на Джонни сильное впечатление.

— А неплохо ему, должно быть, платили. Или, может, он грабил банки!

Дверь им отворил швейцар. В богато обставленном холле консьерж в форменной одежде спросил их имена и позвонил в апартаменты Теймерека.

— Мистер Теймерек вас ждет. Номер 1104.

На одиннадцатом этаже, открыв им дверь, Теймерек кивнул, а потом спросил:

— Кто дал вам мой адрес?

— В офисе, на заводе. Я позвонил...

— Ладно, заходите. Я как раз собираю чемоданы.

Номер был обставлен с еще большей роскошью, чем холл внизу.

— Ничего апартаменты, в порядке! — отметил Джонни. — Переезжаете?

— Переезжаю, потому как потерял работу. Думаю, они и это вам сообщили?

— Сказали, вы прекратили с ними отношения.

— Прекратил, черт побери! Явился Квизенберри и уволил меня без предупреждения! Но он об этом еще пожалеет!..

— Представляю себе. Я слышал, он не очень-то разбирается в делах.

Теймерек резко повернулся к Джонни:

— Придется научиться!.. И быстро...

Джонни ожидал продолжения, но Теймерек не стал развивать свою мысль. Вместо этого он подошел к бару, открыл его и спросил:

— Выпьете?

— Охотно, — отозвался Сэм.

— Нет, спасибо, — отказался Джонни. — Мы еще не завтракали.

— Рано, должно быть, встали. — Теймерек кашлянул. — А знаете, Флетчер, я был к вам несправедлив. Вчера вечером я был несколько раздражен, но Дайана почти меня убедила.

— В чем? Что я просто законченный идиот, поэтому всюду сую свой нос?

Теймерек ухмыльнулся:

— Ваш приятель, детектив, со мной беседовал.

— Мэдиган, что ли? Ну так я помогаю ему. О чем вы беседовали?

— Обычные вопросы, какие задают подозреваемым. Где я был в ночь на двенадцатое июня.

Джонни кашлянул:

— И где вы были?

— Начну с самого начала. Когда Эрик Квизенберри отправился в Миннесоту...

— В ночь на двенадцатое июня?

— В тот самый день, как оттуда позвонил шериф. Получив сообщение, я поставил его в известность. Не прошло и часа, как он уехал. Его не было трое суток.

— А вы все три дня были в Нью-Йорке?

— Так и думал, что вы к этому подбираетесь. — Теймерек рассмеялся. — Нет, Флетчер, те три дня меня не было в Нью-Йорке. Я был в Сент-Луисе и Канзас-Сити. А еще в Омахе. Всего я отсутствовал пять дней.

— Понятно, — задумчиво протянул Джонни.

— Правда? Я, знаете ли, был в «Часовой компании Квизенберри» коммерческим директором. В этом качестве я отвечал за сбыт; проводил в среднем десять дней в месяц в разъездах — наносил визиты оптовым покупателям.

— Что ж, — заметил Джонни, — никто не упрекнет вас в том, что вы не старались. Позвольте еще вопрос. Давно вы работаете в часовой компании?

— Четырнадцать лет. Единственная работа, которая у меня когда-либо была. Пришел туда прямо из колледжа.

— Работал я когда-то в одном местечке, — произнес Джонни. — Туда устроился сынок шефа и очень скоро стал вице-президентом. Через шесть месяцев. С тех пор я не работаю ни дня.

Теймерек улыбнулся:

— Слышал, что вы учинили позавчера в Хиллкресте. Это, по-вашему, не работа?

— Работает Сэм. Я просто болтаю языком. Люблю болтать.

— Я так и понял, — сдержанно ответил Теймерек. — Если не возражаете... Мне предстоят долгие сборы. Так получилось, что сегодня истекает срок оплаты за месяц. Поскольку я теперь безработный, придется подыскать отель подешевле.

— Отель «На Сорок пятой» — точно подешевле, — посоветовал Джонни. — Но, если решите там поселиться, не ссылайтесь на меня, а то вас заставят заплатить вперед. Ладно, Теймерек, пока! Думаю, еще увидимся.

Покинув «Шантеклер», Джонни с Сэмом вернулись на Лексингтон-авеню. Они опустились в метро и доехали до Центрального вокзала, а оттуда через центр на маршрутке до Таймс-сквер. Спустя пять минут у себя в отеле они наконец позавтракали.

Поднявшись в свой номер, Джонни вытащил из кармана номер журнал «Америкэн хоббиист».

— Сэм, пошевели-ка как следует мозгами. Помнишь, в Коламбусе, в ломбарде дяди Джо, мы слышали «Говорящие часы»? Что они тогда сказали?

Сэм поскреб подбородок:

— Что-то типа — пять часов и конец дня.

— Достаточно близко к тексту. Они сказали: «Пять часов, и день почти закончен». А теперь смотри: в журнале статья о часах. Перечисляется все, что они говорят в течение суток. К пяти часам относится стихотворная строка: «Я властелин своей судьбы, я капитан своей души».

— Где-то я это читал, — заметил Сэм.

— Я тоже. Вот, в три они говорят: «Резец годов у жизни на челе за полосой проводит полосу». Разве эти вирши стоят двадцать пять кусков?

— Сомневаюсь...

— Позавчера в три мы были в логове у Квизенберри. Помнишь, сразу после того, как Ник Бос предложил за «Говорящие часы» пятьдесят кусков, вся коллекция затрезвонила. Когда начался шум, он приложил ухо к человеку и стал слушать. Как только наступила тишина, он поднял цену до семидесяти пяти тысяч.

— Из-за того, что человечек сказал? — Сэм взмахнул руками.

Джонни повалился на кровать.

— Хотел бы я знать! Будь я копом, я бы добился ответа на многие вопросы, не то что сейчас...

— На какие, например?

— Ну, во-первых, я бы разослал дюжину людей по всем звукозаписывающим студиям и выяснил, кто изготовил миниатюрный диск из золотого сплава. А потом я бы много чего выведал о Квизенберри. У Джима Партриджа перед нами преимущество. На него работают пять или шесть сотрудников.

— Недавно ты вроде был готов все это бросить! — фыркнул Сэм.

— Ну как я брошу? Сейчас я знаю об этом деле больше, чем кто-либо другой, но этого недостаточно... Я не знаю имени убийцы, я не знаю, что сказали «Говорящие часы» позавчера в три часа дня!

— Ник Бос знает.

— Но не скажет!

— Я считаю, он и сделал это, — заявил Сэм.

— Что? Украл часы и вернул обратно? Тот, кто это сделал, тот и убил Корниша... Нет, не может он быть бродягой из Миннесоты!

— Почему? Ник в прекрасной форме. Он вовсе не такой паинька, каким прикидывается. И на него работает банда гангстеров.

— Может, один из них... А еще это мог сделать Джим Партридж или кто-то из его подручных. Или даже Эрик Квизенберри. Мисс Раск добралась до Миннесоты на машине... А если он не поехал на поезде, а полетел на самолете? Тогда он очутился бы в камере вовремя, то есть сначала он, потом мы...

— Но он же отец Тома!

— В жизни всякое бывает! Отцы убивают сыновей, и наоборот. За суммы меньшие семидесяти пяти тысяч. К слову сказать, я даже не знаю, не отлучался ли Джо Корниш на той неделе из поместья на пару деньков. И вряд ли удастся это выяснить.

— Ну и что?

— Впрочем, будь Корниш жив, из него получился бы никудышный свидетель... Может, именно его послала в Миннесоту Бонита? А вчера прикончила, чтобы все досталось ей...

На столике зазвонил внутренний телефон. Джонни взял трубку, беззаботно произнес:

— Алло!

— К вам мисс Раск, мистер Флетчер, — сказал оператор.
— Пусть поднимется! — Положив трубку, он сказал Сэму Крэггу: — Мисс Раск! С каждой минутой дело начинает становиться все интереснее.

Глава 20

В дверь постучали. Джонни встретил Дайану Раск, смущенную, с испуганными глазами, со свертком, завернутым в коричневую бумагу и перевязанным прочным шпагатом.

Она поставила свою ношу на столик.

— Здравствуйте, мисс Раск! — сказал Джонни. — Садитесь, пожалуйста!

— Я на минуту. — Она покачала головой. — Забежала... поговорить с вами и поблагодарить за то, что избавили меня от допроса, как говорится, при всем честном народе.

Джонни сделал неопределенный жест рукой, ожидая продолжения, и перевел взгляд на сверток.

Сначала она прикусила губу, потом вздохнула:

— У мистера Квизенберри неприятности. Полиция... кажется, подозревает его в...

— В убийстве Джо Корниша? — прервал ее Джонни. — Вполне естественно. Но его ведь не арестовали. И не арестуют... еще какое-то время.

— Нет-нет, но вчера вечером его очень долго допрашивали, и сегодня утром снова... Мама беспокоится.

— Понимаю. — Джонни задумался. — Нелегко ей сейчас! — Он взглянул на сверток, и тут она решилась:

— Вы произвели большое впечатление на маму. Она говорит, вы единственный догадались... насчет нас с Томом. И потом, позавчера она видела вас — вы продавали книги. Она считает, что вы прирожденный коммерсант... И поскольку у нас нет денег, чтобы помочь мистеру Квизенберри, маме пришло в голову... — Дайана прикоснулась к свертку. — Мистер Квизенберри отдал мне «Говорящие часы». Сказал — они мои. Вот мы с мамой и подумали — раз тот человек, мистер Бос...

— Хотите продать часы ему? — Джонни поморщился. Вот глупышка! Сначала постаралась вызвать сострадание, затем польстила... — Вы, стало быть, хотите, чтобы я — именно я — продал эти часы? Для вас?

Она кивнула.

— Мистер Бос предлагал огромную сумму. Но мы не уверены, что он и в самом деле готов заплатить столько.

Джонни подошел к столику:

— Часы ваши. Хотите продать их — ваше дело. Ладно, наведаюсь к этому мистеру Босу вместе с вами. Подожди меня здесь, Сэм.

Джонни поймал такси. В машине Дайана Раск наконец созналась:

— Часы больше... не говорят...

Джонни не слишком удивился. Вору пришлось бы чересчур долго возиться с заменой пластинки, поэтому он вернул часы вообще без нее.

— Они сломались, — продолжала Дайана. — То есть не совсем... просто исчезла пластинка с записью. Это... имеет какое-то значение?

— Нет, что вы! — успокоил ее Джонни. — Никакой разницы. Новую пластинку можно купить за доллар... Который час? Вообще-то у меня есть часы, но сейчас они в ломбарде в городе Денвере. Это в штате Колорадо.

Она посмотрела на свои наручные часы:

— Без десяти двенадцать.

— Сбавь скорость, приятель! — сказал Джонни водителю. — Нам надо быть на месте после двенадцати. — Он подмигнул Дайане. — Ему придется ждать до часу. Только тогда он обнаружит, что часы не говорят. Впрочем, он раньше их слышал.

В две минуты первого они вошли в кабинет Николаса Боса.

— Я вернулся, — радостно сообщил Джонни девице в приемной. — Принес греку кое-что в виде дара.

— Существует высказывание, — сурово отозвалась девица, — что надо бояться греков, «дары приносящих». Минутку, проверю, не занят ли мистер Бос.

Он оказался не занят. При виде свертка его глаза просияли.

— Что у вас здесь?

Он был само нетерпение.

Джонни установил сверток на стол, взял ножницы и не спеша перерезал шпагат. Затем снял оберточную бумагу.

— Любуйтесь! — воскликнул он. — «Говорящие часы». Они ваши, мистер Николас Бос! Жемчужина любой коллекции — и всего за семьдесят пять тысяч долларов плюс десять тысяч.

Бос вздрогнул:

— Что вы иметь в виду? Семьдесят пять тысяча плюс... сколько?

— Плюс десять тысяч. Гонорар в виде премии, что вы мне обещали, если я найду часы. Так и быть, три сотни на расходы сбрасываю!

— Вы сумасшедший! — задышавшись от гнева, выкрикнул Бос. — Вы не находите часы. Она не потерялась...

Джонни растянул рот в улыбке, но глаза у него метали молнии.

— Отказываетесь от своего слова, да? Очень хорошо... — Он принялся упаковывать часы в бумагу. Не торопясь, чтобы в любую секунду остановиться. Бос наблюдал за его действиями абсолютно спокойно. Джонни связал вместе два куска веревки. — Извините, что потревожили, — сказал он, — но мы пришли к вам первому, хотя у нас есть еще два предложения...

Николас Бос тихо рассмеялся:

— Сколько вы хотите? Три тысячи доллар? Пять?

— Ха-ха! Все, должно быть, шутите... За эти старинные часы я выручу восемьдесят тысяч. В любой день, в любое время.

— В такой случай, мой друг, я не мешать! — усмехнулся Бос.

Джонни медленно обвязывал сверток веревкой. И тогда Дайана Раск не выдержала:

— Ваша цена, мистер Бос?

Джонни вздохнул. Кто ее просил? Ломает всю игру. Бос мечтает заполучить часы и заплатит за них. Обязательно!

— Я дать вам двадцать пять тысяча доллар, — сказал Бос.

— Да в них одного золота тысяч на тридцать, — ехидно заметил Джонни.

— Вы шутите, — буркнул Бос. — Все часы не весить десять фунтов. Золото не стоить пятьсот доллар за фунт. Даю тридцать тысяча.

— Недавно вы давали семьдесят пять тысяча.

— Конечно. Но тогда мы только... говорить, а сейчас платить деньги...

— Пятьдесят тысяча! — выпалил Джонни.

— Тридцать пять.

Дайана Раск раскрыла было рот, но Джонни гаркнул:

— Сорок тысяча, и ни центом меньше!

Бос выдвинул ящик письменного стола и достал чековую книжку. Джонни перегнулся через стол.

— Проставьте сумму, дайте мисс Раск подписать чек и заверьте ее подпись.

— Разумеется. — Бос кисло улыбнулся. — А еще я звонить в банк? Вы думать, у меня нет деньги?

— Сорок тысяча — это вам не губки. Обставим все чинно-благородно. Я, как положено, оформляю купчую: «Часы, известные как „Говорящие часы“ Квизенберри. Антикварные. Сорок тысяча долларов». Подпишите здесь, мисс Раск.

Покончив с формальностями, Джонни вручил Дайане чек:

— Почему бы вам не зайти в банк, мисс Раск? Нам с мистером Босом надо обсудить еще один вопрос.

— Конечно. И спасибо вам, большое спасибо!

Она вышла. Николас Бос насмешливо качал головой:

— Вы спешить, мистер Флетчер. Не взять комиссионные... И вы неумно блефовать. Разве не знаете, я бы не позволить вам выйти отсюда с часами?

— Я-то знал, а вот она — нет! — сказал Джонни. — А теперь о премии...

Грек нажал какую-то кнопку под столешницей, отворилась боковая дверь, и в кабинет вошел Кармелла Джонуальди.

Бос кивнул на Джонни:

— Кармелла, этот человек настучать полиции...

— Ты умник, да? — Кармелла посмотрел в упор на Джонни и вынул из кармана пистолет. — А у меня тоже возникла идея...

Бос покачал головой:

— Собираетесь убедить всех, вы самый лучший, мистер Флетчер?

— Никак нет, — ответил Джонни. — Я собираюсь уходить, как только вы позвоните в банк.

— Уже звоню! — Бос поднял трубку. — Мисс Димитриос, дайте банк!

Джонни выслушал разговор Боса с управляющим банком и поднялся. Пора делать ноги, и как можно скорее! Бос может перевести стрелки, дабы послушать, что говорят часы.

В отеле возле лифта Джонни столкнулся с Вивьен Далтон. Она только что вышла из парикмахерской и выглядела как картинка.

— Привет, Джонни Флетчер! Как раз собиралась навестить вас и вашего приятеля.

— Вивьен, наша дверь всегда для вас открыта. Как ваш папаша?

— Джим? Превосходно. Как всегда. Они с Бонитой опять не разговаривают. Как всегда. Так что все прекрасно!

Они поднялись на восьмой этаж, и Джонни открыл перед ней дверь. Сэм Крэгг проворно соскочил с кровати.

— Вивьен! Только что вас вспоминал, — расплылся он в улыбке от уха до уха.

— Надеюсь, Сэм, мысли были приятные.

— Прошу прощения, — сказал Джонни с сарказмом в тоне. — Вивьен, почему вы не скорбите о том, что примирение ваших родителей оказалось недолговечным?

— Примирение, черта с два! — воскликнула Вивьен. — Мать забросила удочку, а рыбка сорвалась с крючка. Она, знаете, авантюристка. Обычно папа справлялся с ней, но она отбилась от рук, а когда она такая, он ничего не может с ней поделать. По мне — нормальная ситуация.

Джонни подивился черствости и безразличию мисс Далтон.

— А что нового вообще?

— Ну, сейчас время обеда, вот я и подумала, а не позволить ли вам, моим поклонникам, заказать его для меня.

— Мы недавно позавтракали, но посидите минуту.

Она села на кровать, достала из сумочки портсигар, украшенный драгоценными камнями, достала сигарету и прикурила от дорогой зажигалки «Ронсон». Выпустив дым, она спросила:

— Кстати, почему вы интересуетесь этим делом?

— Потому же, почему и ваш папаша. Денежки...

— Флетчер, давайте начистоту. Вас двоих деньги интересуют не больше, чем меня хлопчатобумажные чулки. Джим влез в это дело из-за денег. Но вы двое... Вы живете весело и без денег!

— Только не я, — возразил Сэм.

— Не вы? А появившись у вас большая сумма, что бы вы сделали? Купили несколько хитроумных приспособлений? Или просадили бы на скачках?

Сэм оживился:

— Знаете, я тренировался с сигаретой...

— Как-нибудь потом, Сэм, — прервал его Джонни, — когда купишь новый носовой платок. Хорошо, Вивьен. Я отвечаю, если хотите. Зачем вы вчера завлекали нас, иными словами — для какой надобности работали «приманкой»?

— Мне нравится слово «приманка». — Она рассмеялась. — Как по-вашему, сколько комиссионных мне платят в клубе с каждой бутылки пива?

— Скорее всего, нисколько. Прекрасно знаете, что я не это имел в виду. Вы хотели, чтобы мы пришли в клуб. То есть вы хотели убедиться, что мы не поедем в Хиллкрест.

Она обернулась и щелчком выбросила окурок в открытое окно.

— Папаша сказал, он пытался вас обломать, но сам обломал о вас зубы. Но он все еще не прочь поиграть с вами.

— Со вчерашнего вечера?

— Угу. Бонита не могла ему помочь, потому что ничего не знала.

Джонни укоризненно посмотрел на нее:

— Вы ведь не стали бы покрывать свою мать, правда?

Вивьен Далтон подмигнула ему:

— Стала... если бы захотела. Но если честно, они с отцом снова в контрах.

Она встала.

— Ладно, раз не приглашаете меня на обед, обойдусь без вас.

— Как-нибудь в другой раз. Сегодня нам нужно экономить.

Она кивнула.

— Значит, не желаете войти в долю с Джимом? Он считает, можно неплохо заработать.

— Подумаем. Он что, ждет внизу?

— Нет. Копы обложили его со всех сторон. Надумаете, звоните в «Детективное агентство Партриджа». Телефон есть в справочнике.

Она ушла. Джонни растянулся на кровати. Сэм принялся шагать взад-вперед по комнате, сжимая и разжимая кулаки. Через секунду Джонни сказал:

— Хватит думать о ней! Знаю, что она запала тебе в сердце, но у нее в жилах вместо крови талая водичка.

— А я как раз обожаю талую водичку! — огрызнулся Сэм. — Надо было пойти с ней пообедать!

— Сказать, что я сделаю? — Джонни вздохнул. — Я доведу это дьявольское дело до конца, сорву с кого-то жирный куш, а потом можешь как следует приударить за Вивьен, если это сделает тебя счастливым. А после того, как она вытрясет из тебя все денежки, куплю тебе крепкую веревку для хорошо известного старого фокуса.

— После клевой расслабухи и умереть не жалко! А скучища и голодуха могут довести до ручки.

Джонни поднялся:

— Что ж, последний штурм. Если наш блицкриг провалится, я побежден.

— Куда на сей раз?

— На часовой завод. Эрик — моя последняя надежда. Хочу узнать, что все-таки сказали «Говорящие часы».

Едва они вышли из лифта, к Джонни подбежал Эдди Миллер и прошептал:

— Скорее уходите! Шеф только что узнал...

— Что такое, Эдди? Сегодня ведь еще не первое число?

— При чем тут первое? О-о-о, все! Вам крышка!

Из своего кабинета вихрем вылетел мистер Пибоди. В руках он держал пару брюк — синих, в белую полоску.

— Мистер Флетчер! — В голосе управляющего слышались грозные нотки. — Мистер Флетчер! Нам надо поговорить!

— Извините, Пибоди, — сказал Джонни, — я спешу на весьма важное деловое свидание. Поговорим потом!..

— Нет, поговорим сейчас! — заревел Пибоди, преграждая Джонни дорогу. — Взгляните-ка на эти брюки. Они подходят к вашему костюму.

— Да, действительно... Какое совпадение!

— Совпадение?! Да это... просто грабеж!

— Хотите сказать, что это мои штаны и вы их украли?

Мистер Пибоди задохнулся от гнева. Брызгая слюной, он завопил:

— Ваши брюки! Вы... Знаете, что произошло? Эту пару брюк прислал мне Хагеманн! Эту и еще одну — размером с палатку...

— Обижаете, — пробормотал Сэм.

— Знаете, что сказал посыльный от Хагеманна? — продолжал Пибоди. — Он сказал — вчера в спешке они забыли приложить к моим костюмам запасные брюки. Но я никаких костюмов не заказывал! Это сделал кто-то другой. Использовал мой счет и мою фамилию! — В своем благородном негодовании мистер Пибоди возвысил голос до визга.

— Это ваши штучки, Флетчер! Заказывали костюм себе и своему громиле дружку за мой счет... Брюки точь-в-точь подходят к вашему новому костюму...

— Успокойтесь, Пибоди, — величественно произнес Джонни. — Я уверен, произошла ошибка. Ее легко исправить. Но потом. А сейчас мне надо...

— Нет, вы никуда не пойдете! Я звонил Хагеманну. Он сейчас пришлет сюда посыльного для опознания. И тогда... я собираюсь отдать вас под суд за воровство и мошенничество!

Легонько, но твердо Джонни толкнул мистера Пибоди ладонью в грудь:

— Извините, старина, но я ужасно спешу.

Он обошел Пибоди и направился к двери.

— Эдди! — завопил мистер Пибоди. — Держи его! Вызови полицию!..

Оглянувшись, Джонни увидел старшего коридорного, который не спеша брел к телефону.

Сэм Крэгг еле поспевал за Джонни.

— Ну все, мы испеклись! Пибоди только и ждал чего-то в таком роде. Он выдвинет против нас столько обвинений, что мы рады будем, если живы останемся!

— Влипли круто, — согласился Джонни. — Но я что-нибудь придумаю. До сих пор нам еще не грозили тюрьмой.

— Да? А как же Миннесота?

— То совсем другое дело. Ладно, Сэм, отвяжись. Мне надо подумать.

— Подумай лучше о запасных брюках!

— Это тебе надо было про них помнить! Невозможно удержать в голове все мелкие детали.

Они пересекли Таймс-сквер и направились к Восьмой авеню. На ходу Джонни соображал, что делать, что предпринять. Они увязли по горло, и спасти их может только чудо. Чудо — это крупная сумма денег, получить которую можно лишь одним способом — разгадав загадку «Говорящих часов».

Джонни не сомневался: разгадка появится только после того, как он узнает, что говорит человек в три часа.

У здания «Часовой компании Квизенберри» прохаживались взад и вперед двое пикетчиков с плакатами на груди и на спине, из которых явствовало, что компания нарушает трудовое законодательство в целом и пункт 87 Устава профсоюза работников часовой промышленности в частности.

— Эрик попал в переплет, — посочувствовал Джонни. — У него всего шесть месяцев, чтобы поставить завод на ноги, а тут еще вот это! Ладно, пойдем проверим, все ли в порядке у него с памятью.

Секретарша сообщила Эрику Квизенберри по телефону, что к нему посетители, и спустя секунду они уже входили в дверь кабинета под цифрой «1».

Глава 21

Квизенберри выглядел озабоченным и, казалось, не особенно им обрадовался.

— Что у вас за важное дело?

— Зависит от того, сможете ли вы ответить на мой вопрос. Мистер Квизенберри, «Говорящие часы» находились у вас в доме долгое время. Обращали ли вы когда-либо внимание на то, что именно они говорят?

— Нет, не обращал. Часы меня вообще не интересуют. Это всего лишь идиотское хобби моего покойного отца. В доме полно часов с причудами — бьют куранты, собаки гонятся за зайцами, дюжина балерин вскидывает ноги... Никогда не обращал на «Говорящие часы» внимания больше, чем на любые другие.

— Очень жаль, мистер Квизенберри, потому что эти часы, кажется, совершенно необыкновенные. А последние два дня — когда вы узнали, что «Говорящие часы» весьма ценные и когда вам стало известно, что у вас не осталось никакого другого имущества, не припомните, в эти два дня вы не слушали часы?

— Должно быть, слушал, но не обращал внимания, что они там говорят. Не видел в этом смысла. И все-таки, что у вас за дело ко мне? Я тут по уши в работе. Это еще куда бы ни шло, но приходится разбираться с профсоюзом.

— Я видел пикеты на улице. Все работники бастуют?

— Нет, пока лишь некоторые. Это дело рук Теймерека, потому как я его уволил...

— Неужели он сумел организовать забастовку? По-моему, он был здесь менеджером по реализации.

— Коммерческим директором и управляющим отделом сбыта! — поправил его Квизенберри. — Пролаза он, с хорошо подвешенным языком. Всегда подыгрывал отцу. Мне было на него наплевать.

Джонни задумчиво кивнул:

— Ему, похоже, нравится Дайана Раск. Не находите?

Эрик Квизенберри раздул ноздри.

— Скоро я положу этому конец. То есть... — Лицо у него внезапно залилось краской.

Неожиданно распахнулась дверь, и человек в нарукавниках крикнул:

— Мистер Квизенберри, один из забастовщиков швырнул кирпичом в окно!

— Что? — Квизенберри вскочил. — Я сейчас разберусь. Я вызову полицию...

Он вихрем промчался мимо Джонни и Сэма. Джонни посмотрел на друга и захлопнул дверь.

— Тебе не кажется, что нам пора уходить? — занервничал Сэм.

— К чему спешить? Хочу перекинуться с Квизенберри еще парой слов. Он занимает меня. Внезапно превратился в матерого волка. Забавная история. Вот что женщина может сделать с мужчиной.

Он обошел вокруг стола Квизенберри и опустился в кресло-качалку.

— Сэм, я похож на финансового магната? — Локтем он задел телефон. — Не позвонить ли кому-нибудь по межгороду? — Вдруг у него на лице появилось испуганное выражение. — Черт побери, как же я раньше не подумал? Конечно...

— О чем ты, Джонни?

— Дядя Джо из Коламбуса, помнишь? Когда мы пришли, он вынес «Говорящие часы»? Он еще сказал, мол, так их полюбил, что даже готов оставить их себе. Он наверняка знает, что именно они говорят в три часа.

Сэм Крэгг вытаращил глаза:

— Правильно! Наверняка помнит...

Джонни снял трубку. Сэм сказал хриплым голосом:

— Постой, не звони по межгороду!

— Почему? Соедините меня, пожалуйста, с внешней линией. Ну да, мистер Квизенберри попросил меня позвонить...

Спустя минуту он сказал:

— Будьте добры междугородную. Коламбус, Огайо. Ломбард «Друг в беде» на Франт-стрит, владелец — Джо. Дядя Джо... Все правильно.

Джонни слышал гудки, потом наступила пауза. На секунду связь прервалась, затем телефонистка произнесла:

— Пожалуйста, соединяю.

— Добрый день, — сказал Джонни. — Ломбард дяди Джо?

— Точно! Говорит дядя Джо. Чем могу быть полезен?

— С вами говорят из полицейского управления Нью-Йорка. Мы расследуем дело, связанное с одной вещью, которая несколько месяцев находилась в вашем заведении в виде залога и недавно была выкуплена. Речь идет о «Говорящих часах».

— А-а-а, помню, — сказал дядя Джо. — Но ровно час назад я уже дал вам информацию...

— Нам? — воскликнул Джонни. — Какую информацию?

— Ну, от вас звонили и спрашивали, что говорили «Говорящие часы». Что там у вас за бардак?

— Рабочий момент, — сказал Джонни. — Ничего особенного. Вы беседовали с нашим лейтенантом Мэдиганом. Произошел несчастный случай... Его убили.

— Убили?! Силы небесные! Уж не из-за той ли информации, что я сообщил ему?

— Кто знает! Приходится начинать все сначала. Вспомните, что вы сказали лейтенанту, то есть — что говорили часы!

— Часы хранились у меня почти три месяца. Они так мне нравились, что я все время их подводил, и они говорили каждый час. За три месяца я запомнил все...

— Подождите, — прервал его Джонни. — Возьму карандаш и бумагу — записать. Ну, вперед! Начиная с двенадцати часов. Что они говорили в двенадцать?

— «Двенадцать часов. Полночь и полдень. Следи за часами. Время и направление никого не ждут». В час: «Удача ждет того, кто слушает часы». В два: «Час близится, удача рядом». В три...

— Продолжайте, — торопил Джонни, записывая с бешеной скоростью. — В три?

— Они говорили: «Три часа. Радуга простирается от трех до четырех». В четыре: «Рой, рой, рой — горшок с золотом открой». А в пять...

— Это уже известно, — остановил его Джонни. — Можете не продолжать.

— А в чем, собственно, дело? — спросил дядя Джо. — Неужели кто-то зарыл горшок с золотом?

— Тот еще горшок, — согласился Джонни. — Большое спасибо, старина! В следующий раз, как буду в Коламбусе, с меня причитается.

Он опустил трубку на рычаг и поднял глаза на Сэма Крэгга.

— Джонни, что там у тебя?

— Возможно, миллион баксов. Только кто-то нас опередил.

— Не может быть!

— Кто знал о дяде Джо из Коламбуса?

— Только Джим Партридж.

— А еще Дайана Раск. И возможно, и убийца.

— Кажется, Джим Партридж и есть убийца! Я все еще ставлю на него.

— Вот так так! Он ведь папаша очаровательной юной леди, по которой ты сохнешь!

— Она на него не похожа. — Сэм кивнул на лист бумаги, который Джонни убирал в карман. — Что там написано?

— Слова, которые произносили «Говорящие часы» целых три месяца, пока находились в закладе у дяди Джо. Их слышал Том перед тем, как заложил часы, но у него не хватило смекалки понять, куда Саймон Квизенберри припрятал все свои денежки.

— Ты что, спятил? Саймон умер в нищете. Сам знаешь, компания заложена, коллекция часов тоже.

— Знаю. А что он сделал с деньгами? Он же был, как говорится, прикован к постели, следовательно, не мог их потратить. Так?

Сэм задумался:

— Так... А пустить их в дело он не мог?

— Спустить два-три миллиона за два года? Не будь наивняком. Лучше посчитай. За компанию Саймон получил от банка миллион. Еще полмиллиона — от грека за коллекцию. Еще он заложил поместье. Получается гораздо больше полутора миллионов. А если хочешь знать мое мнение, у Саймона помимо этого было еще кое-что. Ты понял — он был чокнутый. Ни единого друга! И что он делает? Собирает всю наличность, какую может, и зарывает в землю. На сына, Эрика, ему было наплевать, но он любил внука.

У Тома были задатки такие же, как у деда. В школе он попадал в разные переделки. Спорим, старый Саймон в свое время тоже имел неприятности. Ну вот, старик понимал, что Эрику коллекция до лампочки. Насчет внука он тоже не был уверен, но все же Том оставался его единственной надеждой. И вот он зарядил старые «Говорящие часы». Полагал, что если Том отнесется к нему со вниманием — а он казался деду посмышленей, чем его отец, — догадается, на что намекают «Говорящие часы». А если не догадается — что ж, тогда и на него можно махнуть рукой, а золоту и в земле ничего не сделается.

Сэм Крэгг нахмурился:

— Ну, так чего же мы ждем? Где этот клад?

— Где ему быть, как не в поместье «Двенадцать часов»! Для того Саймон и спланировал его в виде циферблата! Часы говорят: «Радуга простирается от трех до четырех... Рой, рой, рой, горшок с золотом открой!» Разве не ясно?

— Ну, ты голова! — заорал Сэм. — Денежки зарыты между двумя дорожками, то есть между тремя и четырьмя часами!

— До этого допер даже Ник Бос! Ставлю губки против пончиков. Ник проводил вечера в... Ш-ш-ш!

Распахнув дверь, Эрик Квизенберри захлопал глазами, увидев в своем кресле Джонни.

— Мистер Квизенберри, я звонил по телефону, — объяснил он, мило улыбаясь. — Вы не возражаете?..

— Нет, конечно нет, — ответил Квизенберри. — Ну, с тем делом я разобрался.

— Копов вызвали?

— Нет, поговорил с забастовщиками. Откровенно рассказал о своем положении — у меня всего шесть месяцев, чтобы наладить производство и добиться прибыли. Кажется, им понравился ход моих мыслей, и они вернулись к работе.

— Так ведь это прекрасно, мистер Квизенберри!

Эрик покраснел от удовольствия.

— Если бы отец допустил меня к управлению раньше, мы бы не оказались в такой яме, как сейчас.

Джонни набрал в грудь воздуху:

— Мистер Квизенберри, а вам когда-либо приходило в голову, что дела вашего отца не были так плохи, как он утверждал?

— Что вы имеете в виду? Я видел завещание. Ничего не осталось. Даже коллекцию часов перед смертью заложил... Не скрою, для меня это был шок. Всегда считалось, что наш завод — успешное предприятие.

— Может, так оно и есть! Не мог ваш отец перевести все активы в наличность и...

— Наличность? — Эрик, прервав Джонни, усмехнулся. — Ну и где же она?

— Может, спрятана? — Джонни пожал плечами.

— Знаете... — Эрик задумался. — В том, что вы сказали, возможно, что-то есть. Однажды Бонита высказала такое предположение — перед тем, как отец умер. Мол, он меня некоторым образом испытывает. Но потом он умер, и его поверенный, мистер Уолш, вскрыл завещание. Все оказалось в точности так, как отец и говорил.

— Приходило ли вам когда-либо в голову, мистер Квизенберри, — медленно произнес Джонни, — что вся кутерьма с «Говорящими часами» может иметь к банкротству прямое отношение? Зачем кому-то убивать вашего сына Тома вдали от дома, в Миннесоте? Чтобы забрать «Говорящие часы»?

— Так ведь их и не забрали! Я... в общем, подозревали вас и вашего друга...

— Было такое дело! Но вспомните: в Миннесоте вам сказали, что с Томом в камере сидят трое. Мы с Сэмом и еще один — бродяга. Так вот... всего час назад мы видели его здесь, в Нью-Йорке.

— Вы... уверены?

— На все сто. Он следил за нами... Поняв, что мы его узнали, он повернулся и побежал. Мы гнались за ним, но он мчался слишком быстро. И убежал.

— Бродяга! — воскликнул Эрик Квизенберри. — Когда хотят... словом, свалить что-либо на какого-то бродягу — легче легкого. Не обижайтесь, я хотел сказать — никогда не верил и не верю таким историям.

— На сей раз это правда. Мистер Квизенберри, открою вам еще одну правду. Относительно «Говорящих часов». Николас Бос дал за них мисс Раск сорок тысяч долларов. Я справлялся у часовщика с Лексингтон-авеню, признанного авторитета по часам. Он утверждает, что «Говорящим часам» красная цена — пять тысяч долларов.

Квизенберри внимательно посмотрел на него.

— Но я сам слышал, как Бос предлагал отцу пятьдесят тысяч долларов!

— Мне кажется, Бос уже тогда догадывался, что ваш отец тайно собирает деньги в кубышку. Возможно, он понял это уже тогда, когда дал ему полмиллиона за коллекцию.

— Очень похоже на отца. Доверять посторонним больше, чем членам семьи. Как подумаю о том, что он со мной сделал... — Губы у Эрика скривились в горькой гримасе. — Ладно, чего уж там. Может, он и припрятал деньги. Но разве их найдешь?

Джонни бросил на него задумчивый взгляд:

— На сто процентов я не уверен, но, возможно, помогу вам. Для этого придется провести какое-то время в вашем доме. В Хиллкресте. Лучше ночью.

— Места у нас хватит. Может быть, сегодня?

— Чудесно. Мы приедем до того, как стемнеет, потому что сперва надо кое-что проверить.

Выйдя на улицу, Сэм сказал:

— Джонни, я не врубился. Почему ты не сказал Квизенберри, где следует копать?

— Потому что Эрика интересуют лишь деньги, а я намерен покарать убийцу. И мой внутренний голос прямо-таки кричит, что он объявится там сегодня ночью.

Сэм вздрогнул:

— Мы станем приманкой в капкане. Джонни, мне все это не нравится!

Джонни схватил Сэма за плечо:

— Сэм, взгляни-ка на того пикетчика!

Он приближался к ним. Из-под плакатов, которые хлопали его по коленям, высовывались лохмотья.

— Бродяга! — прошептал Сэм.

— Тут-то мы его и сцапаем...

Джонни шагнул в сторону и оказался от пикетчика сбоку.

— Ну и дела! Давненько не виделись... — сказал он с издевкой в голосе.

И тут бродяга высунул из-под плаката руку — в ней он сжимал массивный автоматический пистолет 45-го калибра.

— Эй, вы, а ну полезайте в машину! — проскрежетал он. — Не то прикончу вас прямо здесь, на улице!

Джонни приподнялся на цыпочки, но, перед тем как броситься вперед, скосил глаза на стоявший у обочины черный автомобиль. Окошко было опущено — из него торчало дуло двустволки, над дулом маячила злобная физиономия.

Сэм тоже ее заметил.

Джонни расслабился.

— Ладно, сукин сын, твоя взяла. Пошли, Сэм...

В машине сидели двое. Один за рулем, второй, с двустволкой, — сзади. Водитель распахнул правую переднюю дверцу. Сэм сел в машину. Джонни ухватился было за заднюю дверцу, но ему жестом указали вперед. Он уселся рядом с Сэмом.

Зажигание было уже включено. Водитель переключился на передачу и надавил на педаль газа. Машина резко взяла с места.

Человек с двустволкой позади Джонни и Сэма прошипел:

— Моя игрушка как раз у ваших ушей, и в ней два заряда — по одному на каждого. На случай, если начнете дурить.

— Не начнем, — заверил его Джонни. — А как же тот парень — не поедет с нами?

— То, что я сказал, касается и вопросов! — отрезал тип с заднего сиденья. — Заткни пасть!

Машина свернула влево, на Сорок седьмую, попав на «зеленую улицу», промчалась к Одиннадцатой авеню. Каким-то переулком выехали на Двенадцатую авеню и свернули в южном направлении. Несколько кварталов они ехали под скоростной автострадой, затем снова повернули к Одиннадцатой авеню. Машина проехала полквартала вверх по улице и остановилась перед заброшенным складом.

— Приехали, — сказал тип на заднем сиденье. — Подождете, пока Чарли выйдет и откроет дверцу. Потом — бегом через дорогу! Я слежу, чтобы вы чего не откололи!

Глава 22

Улица была малолюдной, поэтому похищение завершилось успешно. Чарли перешел через дорогу и отпер дверь склада. Он вошел внутрь и, невидимый со стороны улицы, вытащил из кармана револьвер и махнул им.

Джонни и Сэм вылезли из машины. Когда они вошли в здание, человек с ружьем спрятал свой дробовик под куртку и последовал за ними.

В прежние времена здесь, должно быть, размещалось производство моющих средств. Повсюду валялись ржавые канистры. Судя по ярлыкам, внутри находилось мыло «Кухонное чудо».

Заперев дверь, Чарли и его компаньон с ружьем погнались Джонни и Сэма к расшатанной лестнице, ведущей на второй этаж. Помещение над складом, хоть и пыльное, по-видимому, использовалось чаще нижнего этажа. Здесь были три-четыре раскладушки с одеялами, несколько стульев, пара столов, на ящике в углу стояла электроплитка.

— Ну, ребята, — скомандовал человек с ружьем, — поворачивайтесь, мы вас обыщем. Смотреть в потолок!

Они повиновались. К ним подошел Чарли. Уперев свой пистолет в спину Джонни, он обшарил у него карманы. Затем принялся за Сэма.

— А это еще что? — воскликнул он, вытряхивая у Сэма две колоды игровых карт и несколько предметов неясного назначения.

Сэм огрызнулся:

— Оставь мое барахло в покое. Я тебя из него не застрелю!

Вместо ответа Чарли швырнул все вещи на пол.

— Картишки нам пригодятся, приятель! Ждать тут долго.

— Чего ждать? — спросил Джонни.

— Тебя, — ответил человек с ружьем. — Хотел куда-то пойти? Ну и иди, мы тебя не держим!

Джонни сел на стул:

— Рассчитываете получить за нас выкуп? Я знаю одного парня, который готов выложить за нас доллар сорок центов.

— Больше, чем вы стоите. Босс сказал — ты слишком умный. Чарли, пошарь-ка по углам — не найдется ли где веревки. Не собираюсь я торчать с ружьем в руках всю ночь.

Чарли порыскал по комнате и наконец нашел два куска веревки: один — от бельевой, длиной метра два, другой — от пенькового каната в сантиметр толщиной, немного длиннее.

— Микки, понимаешь, не хватит связать им руки с ногами, — посетовал он. — Давай уложим их на койки, а руки привяжем к прутьям над головой!

— Хорошо, — согласился Микки. — Эй, слабаки, выбирайте любые кровати. Руки за голову!

— Так дело не пойдет! — заметил Джонни. — Еще и пяти нет, а если вы собираетесь продержаться нас тут всю ночь, мы не выдержим в таком положении!

— Ну да? — глумливо переспросил Микки. — Пока до дела не дойдет, человек и не знает, на что он способен!

— Мы дадим вам слово, — пообещал Джонни.

Микки хрипло расхохотался:

— Слово, да? Вот смеху-то! Ложись, пока я животик не надорвал.

— Вот что я вам скажу, — подал голос Сэм. — Уберите свои пушки, и я уделаю вас так, что мало не покажется.

— Короче, есть два способа утихомирить вас — легкий и тяжелый — сказал Микки. — Легкий — это проделать тебе дырку в голове... годится?

— Ложись, Сэм, — распорядился Джонни. — Ни к чему оставаться с пробитой черепушкой.

— Умница, — одобрил Микки.

Сэм растянулся на одной из коек и вытянул руки над головой. Чарли просунул кисти между прутьями и привязал запястья веревкой к пруту.

Затем он повернулся к Джонни. Тот, пожав плечами, лег на соседнюю койку. С ним проделали ту же процедуру. Двигаться он мог, но руки были неподвижно закреплены в неудобном положении.

Только Чарли закончил свою работу, как где-то зазвенел телефон. Микки вышел из помещения. Он говорил вполголоса, и Джонни не удалось разобрать ни слова.

Микки вернулся и сообщил Чарли:

— Босс едет. Будет через десять минут.
— Вот повеселимся, — заметил Джонни.
— Ага, а пока ломай голову над тем, кто он такой!
— Мне не нужно ломать голову, я и так знаю.
— Придурки вы, — отрезал Микки. — Совсем без понятия!
— Ну, — сказал Джонни, — если это не Джим Партридж, готов съесть банку того мыла, что здесь когда-то варили.
— С чего ты взял, что это Партридж? — спросил Чарли.
Джонни рассмеялся:
— Потому что, будь он нормальным пройдохой, не нанял бы себе в помощь таких придурков, как вы. Только частный сыщик может сравниться с вами тупостью!
Чарли грязно выругался и подошел к Джонни.
— Когда-нибудь, — заявил он, — твой длинный язык доведет тебя до беды. Например... — Вдруг он врезал ему кулаком по лицу.
Сэм Крэгг заорал хриплым голосом:
— Ах ты, сволочь поганая! Подойди и ударь кого-нибудь твоей весовой категории!
Чарли неторопливо подошел к Сэму, и Джонни услышал глухой звук удара.
— Ты как раз моей весовой категории! — издевался Чарли. — Ну, что теперь скажешь? Вот, получи добавку!
До Джонни снова донесся глухой звук. Он поморщился. Сэм затих.
— Кончай, Чарли! — возмутился Микки. — Еще раз, и я направлю ружье на тебя!
— Положи ружье, — с вызовом ответил Чарли, — и я врежу по всем правилам! Черт побери, ты-то кем себя вообразил? Ты мной не командуй!
С лестницы послышался голос Джима Партриджа:
— Чарли, тебе что, не по душе твоя работа?
Джонни приподнял голову. Появился Джим Партридж — с ласковой улыбкой на лице.
Чарли проглотил ком в горле:
— Не слышал, как вы вошли, босс! Да нет, работа мне по душе. Только выпустил пар на Микки, всего и делов...
— Конечно, — отозвался Партридж, — всего и делов. — Подойдя к Чарли, он еще шире расплылся в улыбке, затем без предупреждения взмахнул кулаком и врезал Чарли в челюсть. Тот с глухим стуком опустился на пол. — Вставай! — сказал вкрадчивым голосом Джим Партридж. — Я тебе еще добавлю!
— Хватит, босс, — заскулил Чарли. — Я просто шутил. Мы ведь как-никак доставили вам этих субчиков.
Партридж подошел к Джонни:
— Ну и ну! Джонни Флетчер, что они с тобой сделали? Связали, как лося! Так с друзьями не обращаются. Я прав?
— Ты прав, Джим, — ответил Джонни. — Руки начинают затекать. Я готов заключить с тобой сделку...
— Эй! — подал голос Сэм Крэгг. — Не сдавайся, Джонни! Я начинаю заводиться...
— Заткнись, Сэм! Я знаю, что говорю. Ладно, Партридж, развяжи нас, и я пошлю мяч прямо на базу.
— Да нет у тебя никакого мяча, Джонни. Даже биты нет.
— А вот и есть! Тебя обдурили, Партридж. Думаешь, что выиграл, а это не так. Он просто вожил тебя за нос, пока не получил возможность сорвать куш и слинять.
— Понятия не имею, о ком ты.
— Да ладно, Партридж! Счет мне известен. Пока ты играл за себя, ты шел впереди, а в команде ты проиграл. Я знаю, где деньги, и он знает. Пластинка, что ты слышал, — фальшивка! Ему изготовили ее только вчера.
— Постой-постой! Что тебе известно о пластинках?
Джонни вздохнул:

— Мне все известно. В «Говорящие часы» вставлена золотая пластинка, на которой записано, где Саймон зарыл денежки. Твой дружок спер часы, потом вернул, а пластинку вынул. Когда ты надавил на него, он дал тебе послушать пластинку, но утаил от тебя настоящую.

— Ладно, — оборвал его Партридж. — Что записано на настоящей?

— Это мой главный козырь, — ответил Джонни. — Перережь веревки и прогуляйся со мной до угла, и я скажу.

— У меня что, по-твоему, дырка в голове? — фыркнул Партридж. — Стоит тебе выбраться отсюда, сразу рванешь к своему дружку-копу. Ты просто болтаешь. Ты не знаешь, что на той пластинке.

— Если скажу тебе, как я догадался, поверишь, что я говорю правду. Но тебе надо спешить, Партридж. Уже темнеет...

— Ну так что?

— Ты ведь собираешься встретиться с ним, а? Думаешь, вы поделите денежки. А представь — ты пришел, а его нет? Он прикарманит денежки, спрятанные в другом месте, а ты ищи-свищи! Здорово он тебя обскакал!

На лице Джима Партриджа мелькнуло сомнение, но он упрямо покачал головой:

— Мне нужны доказательства, Флетчер!

— Ладно. Денежки зарыты где-то в парке поместья «Двенадцати часов». Саймон Квизенберри в течение двух лет передвигался в инвалидном кресле-каталке. Где еще мог он зарыть клад, как не возле дома?

— Поговори еще немного, Флетчер. Уже интересно. Не знал, что Саймон болел так долго. Это легко проверить.

— Тебе стоило подсуетиться раньше. Кое-что ты упустил из виду. Где мы с тобой в первый раз встретились, помнишь?

— В Огайо, возле ломбарда...

— Куда Том заложил «Говорящие часы». Тогда ты не знал о кладе, поэтому не торопился. А надо было, Джим...

— Сам знаю, — огрызнулся Партридж. — Но тогда я работал на клиента. Ты нашел часы, признаю. И как дурак, отдал той девчонке...

— Опять ты ничего не понял, Джим. Нет в тебе никакого эстетического чувства! А вот у дяди Джо, владельца ломбарда, чувства обострены. «Говорящие часы» ему понравились настолько, что он все время их подводил. И целых три месяца слушал, что они говорят — каждый час, каждый день...

— Боже! — До Джима Партриджа наконец дошло.

— Проверь! Дядя Джо знает, что говорили часы до того, как заменили пластинку. Теперь веришь?

— Это легко проверить! Позвоню ему...

— Вот и я позвонил, Партридж. Сказал, что я из полицейского управления Нью-Йорка, и если позвонит кто-то еще, чтобы он ничего не говорил. Звони, Джим, если делать нечего. Поможешь телефонной компании...

Какое-то время Джим Партридж не сводил с Джонни Флетчера взгляда. Затем выругался:

— Ладно, Флетчер! Поймал ты меня! Так что сказали часы?

— Не могу говорить со связанными руками, — напомнил Джонни.

Партридж вытащил из кармана складной нож и перерезал путы. Джонни опустил руки и крикнул от боли. Он сел и принялся растирать руки, пока в затекшие запястья не начала поступать кровь.

— Ну давай, говори, Флетчер! Время дорого...

— Освободи Сэма!

Партридж снова выругался и поспешил к Сэму.

— Быстрее, Флетчер! — торопил он, возясь с веревками. — Если надо ехать в Уэстчестер, времени почти не осталось...

— Мы с тобой договаривались прогуляться до угла...

— Ну уж нет! — взорвался Партридж. — Я не могу так рисковать! Слишком много просишь. Если не заговоришь сейчас, вообще не заговоришь. Я проиграю, но и ты тоже... Пойдем на

компромисс. Мне ни к чему убивать тебя — ты знаешь. Но когда я получу денежки, мое слово будет против твоего. Можешь заливать копам, что хочешь, — они меня не тронут. Я не побоюсь отпустить тебя... после того, как получу деньги.

С секунду Джонни размышлял, затем решился:

— Ладно, Партридж. Часы сказали: «Радуга простирается от трех до четырех. Рой, рой, рой, горшок с золотом открой». Хватит?

Партридж в недоумении уставился на него:

— Бессмыслица какая-то!

— Разве ты не был в поместье «Двенадцать часов»? Дом стоит на вершине холма, от которого к подножию ведут двенадцать дорожек — точь-в-точь границы на циферблате часов...

— Ах вот оно что! — гаркнул Партридж. — Вот сволочь!.. — Он метнулся было к лестнице, но затем вернулся. — Ребята, их больше не связывать. Я слово дал... Но вот вам взамен! — Он достал из кармана пару наручников и швырнул их Микки.

— Ты, враль! — крикнул Джонни. — Я тебе это запомню!

Стоя на лестничной площадке, Партридж отчеканил:

— Получите по пять сотен, если продержите их здесь до моего звонка — пока не скажу, что все в порядке и можно их выпускать.

Он торопливо сбежал вниз по лестнице.

Помахивая наручниками, к Джонни подступил Чарли:

— Ну, приятель, протягивай ручонки!

Джонни отшатнулся:

— Как бы не так! Не удастся тебе сковать двоих одной парой браслетов!

— Я один раз в кино клевейший трюк видал, — сказал Чарли. — Там приковывают лапу одной обезьяны к лодыжке другой. Действует отлично! Микки, не спускай глаз со здоровяка, пока я защелкиваю браслет здесь.

— Партриджу это не понравится, — возразил Джонни. — Он велел хорошо с нами обращаться.

— Он велел надеть на вас наручники, но не уточнил, каким образом.

— Ладно, защелкни наши запястья. Будет надежно, но движения не стеснит. И потом... — Джонни вдруг заметил на полу карты, которые Чарли выгреб из кармана Сэма, — пока мы ждем, могли бы перекинуться в картишки. Кое-какие бабки у нас есть и...

Глаза у Чарли сузились:

— И много у вас монет?

— Кончай, Чарли, — одернул его Микки. — Мы же не грабители — пока еще! Деньги можно честно выиграть.

Немного поразмыслив, Чарли уступил:

— Идет. Давай левую руку, Флетчер.

Джонни повиновался. Браслет защелкнулся вокруг его запястья. Он подошел к Сэму и надел второе кольцо на мощное запястье друга.

— Теперь я за них спокоен, — заметил Микки. — Поставь стол между двумя койками, и посмотрим, как они играют в покер.

Сэм начал было чертыхаться, но Джонни пихнул его локтем.

— Жди, я подам сигнал, — прошептал он.

Их надсмотрщики установили стол между койками и уселись на одну из них, оказавшись таким образом напротив Джонни и Сэма.

— Во что сыграем? — спросил Чарли. — Предлагаю старый добрый покер по пяти карт, ставка до доллара.

— Это для меня слишком круто, — возразил Микки. — У меня при себе всего долларов тридцать.

— А у меня — сорок, — не сдавался Чарли, — но я намерен выиграть. Должен вас предупредить, братва, что на колоде карт я собаку съел.

— Такие ставки нам подходят, — заявил Джонни, толкая Сэма коленом. Он вытащил всю свою наличность — пять долларов сорок центов. — Начну с этой мелочи.

Сэм извлек полтора доллара.

— Там, откуда я это взял, есть еще, — буркнул он.

— Оно и к лучшему. Дольше одной раздачи игра не продлится. — Чарли подхватил более новую колоду и принялся тасовать карты. Потом дал своему партнеру сдвинуть и быстро раздал всем по две карты, одну картинкой вверх, другую — вниз.

— Король старший, — объявил он Джонни.

Джонни заглянул в свою перевернутую карту:

— Ну, у меня только тройка, так что за полдоллара я открою.

Сэм воскликнул:

— А я пас. У меня ничего.

У Микки открылся валет — он потребовал открыть ставку. Чарли бросил на стол полдоллара и теперь раздумывал.

— Подожду! — сказал он и раздал оставшимся игрокам по третьей. Джонни пришел туз, Микки — король, а Чарли — вторая десятка. — Ха! — воскликнул он. — Пошла карта! Ставлю доллар.

— Я играю, основываясь на интуиции, — заявил Джонни. — Чую, что придет туз или король. Отвечаю и поднимаю еще на доллар.

— Против моих десятков?

— И что такого?

— Тут тебя и похоронят.

Микки выбыл, остались только Чарли и Джонни. Чарли немедленно удвоил ставку. Джонни бросил монету на стол:

— Сдавай!

Ему пришла семерка, Чарли — валет. Пара десятков все еще была старшей комбинацией, но Чарли подозрительно косился на Джонни. Тот ухмыльнулся:

— Ты со своими десятками на коне. У меня, ты же знаешь, тройка!

— Ставлю доллар. Оставь ее себе.

— Не веришь? Ладно, раз я ставил первым, просто подниму ставку. Доллар!

Чарли неохотно выложил на стол доллар:

— У тебя там что — короли, а?

— Сказано тебе, я игрок интуитивный. Сдавай по последней... Ну вот, что я говорил!

Чарли перевернул карту Джонни и поморщился. Король. Сдав себе третью десятку, он не мог удержаться от возгласа.

— Три десятки против пары королей, — медовым голосом заявил Джонни. — Играешь?

Чарли с горечью взглянул на двух королей Джонни:

— У тебя, значит, три короля?

— Нет, только пара. Хочешь проверить? Плати!

Чарли покачал головой.

— Ладно, — сказала Джонни. — У меня осталось всего девять центов. Ставлю все.

— Значит, у тебя все-таки три короля! — сказал Чарли.

— Идешь на попятный?

— Нет, черт тебя дери!

— А я думал, ты трус! — Джонни что есть сил пихнул Сэма в коленку и открыл свою карту. — Видал?

Он резко поднялся, увлекая за собой стол. Сэм был предупрежден и тоже вложил в движение всю свою силу. Стол с размаху опустился на Микки и Чарли.

Захваченные врасплох, частные детективы завопили и завозились под столом. Джонни с Сэмом, приговоренные из-за наручников работать сообща, дружно выбрались из-за стола. Каждому досталось по противнику.

— Ага! — заревел Сэм Крэгг.

Своей могучей левой рукой он обхватил Микки, а правой тянулся оцарапать Чарли, который схватился с Джонни. Все четверо повалились на пол и сплелись в клубок среди обломков стола и раскладушки. Извиваясь, молотили друг друга и пыхтели. На полу Сэму равных не было. Сжимая Микки левой рукой, он в то же время правой, закованной в наручники, помогал Джонни обрабатывать Чарли. Джонни и Сэм вскоре достигли согласованных действий. Чарли получил удар

в лицо такой силы, что издал стон и зашатался. Микки, зажатый в клещи, молил о пощаде. Но Сэм не отпускал его, пока тот не рухнул без чувств.

Глава 23

Одержав победу, друзья вскочили. У Джонни кровоточило запястье — натер в схватке наручником.

— Ну и как, дьявол их раздери, нам снять браслеты?

— Может, я попробую разбить их...

Джонни поморщился:

— Сперва ты разобьешь мне запястье. Это же не цепочка с кольцами из мягкого металла для трюков юного Самсона!

— Знаю, но Партридж не оставил ключа. Вот если бы найти пилу...

— Времени нет. Уже стемнело, а Джим и так опередил нас на пятнадцать минут. Сейчас он катит в Хиллкрест.

— Ну зачем ты ему сказал? — протестовал Сэм.

— А что еще оставалось делать? Тот... убийца уже там. Уж он-то не будет долго там болтаться! Партридж — мой единственный шанс. Он должен успеть туда вовремя и остановить того... Поехали!

— Куда?

— В Хиллкрест!

— Как — со скованными руками?

— Не знаю. Надо попытаться.

Скованные одной парой наручников, друзья спустились на первый этаж. Входная дверь была заперта, но это задержало их не дольше чем на тридцать секунд. Сэм просто вышиб дверь ногой.

Они выбежали на улицу. Джонни крикнул:

— Их машина все еще здесь!

Так и было. Очевидно, Партридж приехал на своей машине и на ней же уехал. Джонни подтолкнул Сэма:

— Влезай! У тебя левая рука свободна, ты и поведешь!

— Ключа нет! — воскликнул Сэм, усаживаясь на сиденье водителя.

— Придется вернуться за ними наверх, — вздохнул Джонни.

К моменту их возвращения Микки уже пришел в себя. Сэм снова врезал ему по башке. Чарли был еще без сознания. В кармане его тенниски Джонни обнаружил ключи от машины. Сэм, вынужденный ползать на коленках вместе с Джонни, использовал время с толком и подбирал покерные деньги, валявшиеся на полу. Затем они снова побежали вниз.

Мотор взревел.

— Не знаю, как у нас получится, — сказал Сэм.

— Получится. Должно. Я буду следить за тобой и переключать передачи, когда понадобится. Давай к автостраде. Попробуем там развернуться. До нее всего полквартала!

Они включили передачу и помчались против движения по улице с односторонним движением. Вечерело. Местность, открывавшаяся с высоты скоростной автострады, казалась пустынной. Лишь несколько полицейских были выставлены у доков для охраны океанских лайнеров «Нормандия» и «Куин Элизабет».

После Пятьдесят седьмой улицы им надо было ехать прямо. Искушение прибавить газу было сильным, но рисковать они не имели права. Автостраду патрулировали многочисленные копы на мотоциклах. Если их остановят — все пропало. Наручники — сами по себе достаточный повод для немедленного препровождения в ближайший полицейский участок. Они, конечно, без труда все объяснят, но время будет упущено.

До платного моста через реку Харлем они шли на скорости шестьдесят восемь километров в час. У моста им удалось, немного повозившись, спрятать скованные руки. Сэм вытянул в окошко свободную левую и заплатил десять центов.

Переехав мост, они увеличили скорость до семидесяти двух километров в час. На набережной они плавно перешли на семьдесят семь и дальше двигались уже с этой скоростью. Они понимали, что Джим Партридж тоже поедет быстро, но у него двадцать минут форы.

У ближайшего перекрестка они свернули направо, чтобы объехать стройку. Дальше дорога шла в гору. На Централ-авеню они увеличили скорость до восьмидесяти километров в час.

Через десять минут они с ревом ворвались в Хиллкрест и начали подниматься на холм, который возвышался перед поместьем «Двенадцать часов». На полпути Джонни объявил:

— Отсюда пойдем пешком. Подъезжай к обочине.

Маневр был рискованный, учитывая крутизну холма, но они справились: надели ремни безопасности и заглушили мотор на низкой передаче. Выбравшись наружу, они полезли в гору. Путь им частично освещали уличные фонари.

Наконец они очутились у ворот поместья «Двенадцать часов». Они были широко распахнуты. В доме ярко горел свет. На веранде тоже.

— Черт! — пробормотал Джонни. — Кажется, у них вечеринка.

Они взбирались по дорожке, символизирующей шесть часов. Приблизившись к веранде, Джонни заметил Эрика Квизенберри. С ним были Эллен и Дайана Раск. А еще Николас Бос!

Джонни жестом приказал Сэму остановиться метрах в трех-четырех от веранды. Лучше им держаться подальше от яркого света, чтобы не выставлять напоказ наручники.

— Добрый вечер, друзья, — произнес Джонни. — Мы не опоздали на вечеринку?

— Ха! — вскричал Николас Бос. — Осмелиться прийти сюда? Хорошо. Вы человек, который я хотел видеть. Часы, что вы мне продавать...

— «Говорящие часы», мистер Бос?

— Мистер Бос требует, чтобы я забрала часы назад, — торопливо пояснила Дайана. — Он утверждает, что они... не говорят.

— О, — сказал Джонни, — только и всего? Какая ерунда! Да вам завтра же за доллар изготовят маленькую пластинку с любым текстом, какой только пожелаете!

— Нет! — бушевал Николас Бос. — Вы есть вор, мистер Флетчер! Большой негодяй! Не сказать мне, что часы не в порядок, когда заставили меня сегодня их купить...

— Я не заставлял вас, Бос, — оборвал его Джонни. — Вы сами суетились вокруг них, как цыпленок с отрезанной головой — так вам хотелось их купить. Вы предлагали за них семьдесят пять тысяч долларов. Мисс Раск получила сорок...

— Если они не говорят, это не то же самое! — взорвался Бос. — Вы тоже это знать, негодяй!

Джонни громко откашлялся.

— А не зайти ли нам в дом? Я собираюсь произнести разоблачительную речь. Уверен, она заинтересует всех. — Он быстро посмотрел на дорожку «Три часа». Что там мелькнуло — не тень ли в листве у ограды?

— Почему бы вам не приступить к своему разоблачению прямо здесь? — предложил Эрик Квизенберри. — Раз уж все мы собрались вас послушать.

Тут Сэм Крэгг толкнул Джонни.

— Он здесь! — хрипло прошептал он.

Джонни громко ответил:

— В доме освещение лучше. Я хочу показать...

В это время с дорожки «Три часа» раздался выстрел. Все услышали крик и топот ног — по дорожке, по щебню, потом по траве. Джонни отскочил влево и чуть не упал, так как у Сэма не получилось двигаться с ним в унисон. Вторая попытка удалась.

На веранде все как один повскакали, заговорили. Джонни побежал так быстро, как никогда прежде. Один раз он споткнулся. Сэм за ним не поспевал.

Темноту раскололо оранжевое пламя — прогремел еще один выстрел. На этот раз звук доносился слева. Джонни развернулся и потащил Сэма в том направлении.

— Он пошел вокруг дома! — задыхаясь, выпалил он. — Бежим ему навстречу!

Пробегая мимо веранды, Джонни заметил испуганные лица стоящих там людей. Они кинулись вниз по дорожке «Девять часов». Где-то за домом прогремел третий выстрел.

На полпути вниз Джонни заметил приближающуюся к ним тень. Он резко затормозил, и Сэм, потеряв равновесие, шлепнулся на землю, потянув его за собой. Какое-то время они безуспешно

барахтались на траве. Едва они поднялись, как на них налетел бегущий. Сэм повел рукой вправо... и фигура врезалась прямо в наручник, сковавший их руки.

От сильного толчка Джонни с Сэмом стукнулись друг о друга, но тот, кто мчался, угодил в ловушку. Незнакомый не сдавался: лягался, извивался, даже бодался, но против Сэма Крэга он был бессилен — даже против Сэма Крэга только с одной свободной рукой. Сэм замахнулся, ударил раз, другой... и их противник упал.

Тут из кустов выбрался Джим Партридж с пистолетом в руке. В свете фонарей с веранды он узнал Джонни Флетчера.

— Ты! — воскликнул он в ужасе.

Стоящий на четвереньках Джонни вдруг стремительно бросился вперед и ухватил Партриджа за лодыжку. Потом дернул, и Партридж рухнул на землю. Сэм навалился на Партриджа и быстро успокоил его всего одним ударом своего мощного кулака.

— Ну и дела! — сказал Джонни. — Достал ты Партриджа!

Он вцепился в воротник второго человека и, вставая, потянул его за собой. Сэм подхватил Партриджа, также находящегося без сознания.

Они вернулись к веранде — скованные наручниками, волоча свободными руками по неприятелю. Навстречу им выскочила Эллен Раск:

— Я уже вызвала полицию. Они сейчас будут здесь!..

— В этом уже нет необходимости, — бесстрастно произнес Джонни. — Больше неприятностей не будет.

— Мистер Партридж! — Дайана Раск открыла рот от изумления.

— Да, Партридж! Но он был только орудием в руках другого... Мистер Квизенберри, вот тот таинственный бродяга, о котором я вам рассказывал. Тот, кто убил вашего сына в Миннесоте...

— Но это же... обыкновенный бродяга! — Эрик Квизенберри находился в замешательстве.

Джонни перевернул бесчувственное тело на спину. Свет упал на лицо бродяги.

— Ну, что скажете? Теперь понимаете, почему мы не обратили на него особого внимания в Миннесоте? Грим просто превосходен...

— Грим? — повторила Дайана Раск.

— Конечно, — подтвердил Джонни. — Бакенбарды приклеены. Грязь искусственная...

Снизу, от подножия холма, послышался вой полицейской сирены.

— Приготовьтесь к сюрпризу, — быстро проговорил Джонни. — Я сам удивился, когда сегодня днем до меня вдруг дошло. Хотя если бы кто-либо сказал мне, что в колледже он занимался легкой атлетикой...

— Колледж... легкая атлетика? — Квизенберри ничего не понимал. — Вот этот тип?..

— Угу. Сегодня я нанес ему визит. Он укладывал вещи. Я заметил его фотографию — в спортивном костюме, на куртке буква «Х». Глядите... — Он нагнулся и двумя резкими движениями отодрал с лица неизвестного всклокоченные бакенбарды, а после обтер ему лицо платком.

— Уилбур Теймерек!

Полицейская машина уже взбиралась по холму. Сирена оглашала ночь отвратительным воем.

Джонни произнес:

— Кто пользовался неограниченным доверием Саймона Квизенберри, как не человек, которого он поставил руководить часовым заводом? И кому, как не ему, было прекрасно известно, что предприятие на самом деле не убыточное, а вполне прибыльное?

Фары осветили дорожку. Из подъехавшей машины высыпали вооруженные полицейские.

Позже, после того как Джонни Флетчер отыскал в кармане у Партриджа ключ от наручников, он продолжил свое разоблачение:

— Теймерек постоянно разъезжал по делам фирмы. Мисс Раск, он полетел в Миннесоту, опередив вас на целые сутки. Маскарад для него труда не составлял: в колледже он частенько выступал в театральных постановках. Он знал, что Том заложил часы, так как нанятый им сыщик — Джим Партридж — проследил его путь до Коламбуса. Итак, Теймерек добился, чтобы его в Бруклендсе бросили в тюрьму, но Тому он не открылся. Наверное, он собирался обшарить у паренька карманы, пока тот будет спать. Что-то встревожило Тома, и он передал квитанцию мне. Во время обыска... Том проснулся, и Теймерек его задушил. Или же он пришел в ярость, потому что не смог найти квитанцию. Может, он даже видел, как Том сунул квитанцию мне, и убил его из-

за этого. Но ко мне или к Сэму он подступиться не осмелился. Он вернулся в Нью-Йорк. Мы были так любезны, что нашли «Говорящие часы», а вы привезли их домой. Тут начались осложнения. Бонита попыталась продать часы Николасу Босу. Тот уже давно подозревал, что старик собирает наличность, — еще тогда, когда одолжил Саймону полмиллиона под его коллекцию. Бонита могла и украсть часы, но Джо Корниш ее опередил. Теймерек, не будь дураком, догадался, кто украл часы, убил Корниша, а часы забрал. Ему была нужна только пластинка, которую он и вынул, после чего вернул часы в дом.

Все это время Джим Партридж, известный пройдоха, любитель шантажировать, всюду совал свой нос. Первоначально Уилбур Теймерек нанял его, чтобы выследить и разыскать Тома Квизенберри... и часы. Теймерек наврал ему, что действует от имени Саймона Квизенберри, дедушки. Вернувшись в Нью-Йорк, Партридж снова услышал о «Говорящих часах» и о проделках старика. Ему не составило труда понять, что к чему. Он надавил на Теймерека, и тот притворился, будто готов поделиться...

— Все так, — вмешался Сэм Крэгг. — Но тот ростовщик из Коламбуса — дядя Джо, — помнишь, сказал, что кто-то еще до тебя интересовался тем, что говорили часы. Раз Партридж был не в курсе, а Теймерек и так знал, потому что заполучил пластинку, кто же это звонил?..

Эрик Квизенберри откашлялся.

— В конце концов... я имею какое-то право на эти деньги.

Джонни Флетчер посмотрел на Эллен Раск. Та опустила глаза. Он ухмыльнулся:

— Ладно, затронуты юридические аспекты, но, по-моему, это дело семейное, как-нибудь разберетесь. Вы нашли деньги, мистер Квизенберри?

Секунду Квизенберри колебался, затем кивнул.

Вернулся Мерримэн, начальник полиции Хиллкреста.

— Приехал мой друг, лейтенант Мэдиган из Нью-Йорка. Э-э... мистер Флетчер, он хочет поговорить с вами.

Джонни поморщился:

— Ребята, я скоро вернусь. Пошли, Сэм!

На улице их поджидал лейтенант Мэдиган, вертя в руках сложенный лист бумаги.

— Мерримэн поведал мне о твоих подвигах, Джонни. Неплохо, но так или иначе я обязан вручить тебе вот эту бумагу. Управляющий отелем Пибоди...

Джонни обреченно вздохнул:

— Значит, теперь мне предстоит ломать голову над тем, как умаслить Пибоди. Как по-твоему — он прислушается к голосу разума, если я оплачу счет?

— Очень может быть. А сколько баксов у тебя есть?

— Нет, но... — Джонни улыбнулся. — Слушай, лейтенант, мы ведь старые друзья, так?..

Мэдиган попятился:

— Уж не собираешься ли ты занять деньги у меня?

— Только до завтра! Может, мисс Раск выдаст мне комиссионные за продажу часов. Но даже если она не заплатит, я покончил со всем этим и могу вернуться к своим делам и...

— Да уж! — насмешливо подтвердил Сэм Крэгг.

Послесловие

Мало кто из писателей пользовался у читающей публики таким постоянным успехом, как Фрэнк Грубер — автор множества нашумевших произведений в жанре остросюжетной криминальной прозы. Около половины его рассказов, романов, кино- и телевизионных сценариев связаны с преступлениями и расследованиями. Его истории об Оливере Куэйде — герое с энциклопедическими познаниями, — наряду со многими прочими, регулярно печатались в массовых журналах. Что же касается романов, то нередко за год появлялось по три-четыре его детектива, не говоря уже о рассказах и вестернах, количество которых не поддается исчислению.

За долгие годы своего творчества писатель представил своим читателям несколько «серийных» героев. Так, начиная с «Французского ключа» («The French Key»), на смену Оливеру Куэйду пришел Джонни Флетчер, романы о котором хлынули в мир бурным потоком. Это была смена героя. Классический детектив уступил место искателю приключений, как его понимал автор, — представителю мужчине, живущему своим умом в мире, нередко перевернутом вверх дном. Джонни Флетчер умеренно крут, осторожен, часто сидит без денег, но торгует книгами для поддержания своего могучего подручного Сэма Крэга.

В короткой серии произведений об Отисе Бигле представлен детектив с противоположными склонностями: в кричащей одежде, с поддельными бриллиантами в перстнях и булавке для галстука. Существует также серия о Саймоне Лэше и еще дюжина с лишним последующих романов, где главные персонажи попадают в такие обстоятельства, что вынуждены самостоятельно взяться за расследование.

Сравнительно чопорный классический мир ранних детективных рассказов Грубера постепенно сменяется бурной атмосферой иных историй с сюжетными хитросплетениями и круто замешанными авантурными интригами. Так, например, в «Золотом ущелье» («The Gold Gap») изящные уловки персонажа наподобие тех, что встречались прежде, превращаются в идеальную обманчивую маскировку удачливого психопата, стоящего в центре международного заговора.

Критики приписывали успех Грубера стремительности, с какой он выпускал в свет свои произведения, и поразительно плодovitому воображению. В этом смысле его, безусловно, можно сравнить с таким писателем, как Фредерик Фауст, с которым Грубера роднит острое чутье на читательские потребности и инстинктивный дар построения четкой занимательной интриги. Сам же Грубер связывает свои успехи в области детектива с открытой им формулой интриги из одиннадцати пунктов. В удачной истории, утверждает он, должен быть колоритный герой; тема, содержащая информацию, вряд ли имеющуюся у читателя; злодей, превосходящий героя силой; красочная сцена действия; необычный способ убийства или необычные окружающие его обстоятельства; необычное сочетание мотивов ненависти и корысти; скрытая разгадка; хитрость, спасающая героя от неминуемого поражения; быстрое и тщательно спланированное действие; потрясающая кульминация и личное участие героя в событиях. На практике Грубер опирался еще на один элемент, который можно объяснить его преклонением перед Горацио Алджером:[5] на помощь многим юным невинным персонажам его произведений приходит игра случая. В «Честной игре» («The Honest Dealer») Флетчер и Крэг случайно натываются на умирающего, который отдает им колоду карт — именно она впоследствии оказывается ключом к разгадке; близ Лас-Вегаса им доводится подвезти женщину, играющую в общей интриге ключевую роль; живописный полисмен подыскивает им комнату рядом с ней, когда никто во всем городе не соблазнился взяткой и не пустил их на постой; и, наконец, Флетчер ставит на игровой стол последний доллар против двадцати тысяч и выигрывает...

И все-таки невозможно отрицать факт, что — после формулы или внутри нее — стоит автор-рассказчик, который один только и может привлечь читательское внимание к повествованию и удерживать его до самого конца. А это дано лишь мастерам.